

СТАВРОС
ЗОРБАЛАС

НЕОФАШИЗМ В ГРЕЦИИ

1967
1974

Ставрос Зорбалас родился в Греции в 1918 году в бедной крестьянской семье. Четыре года обучался на юридическом факультете Афинского университета, а затем прекратил занятия, с тем чтобы принять активное участие в борьбе за освобождение Греции от фашистских захватчиков. Являлся одним из руководителей демократической организации молодежи. Гитлеровские оккупанты объявили денежное вознаграждение за его выдачу. Чтобы избежать ареста и расправы, вынужден был уйти в глубокое подполье.

В послевоенный период преследовался греческими властями за патриотическую и революционную деятельность, был схвачен и сослан. Вернувшись из ссылки, ушел в горы и сражался с оружием в руках против местных прислужников иностранных империалистов за свободу своей родины, за демократию. После поражения демократического движения в 1949 году эмигрировал в Советский Союз.

Окончил филологический факультет Ташкентского университета, аспирантуру Московского университета. Защитив диссертацию на тему «Прогрессивная печать Греции в борьбе за интересы народа», получил ученую степень кандидата исторических наук и работал в агентстве печати «Новости», а затем — старшим научным сотрудником в Институте мирового рабочего движения Академии наук СССР. Научные работы С. Зорбаласа по актуальным общественно-политическим проблемам публиковались в советской и греческой прогрессивной печати. После падения фашистской диктатуры в Греции вернулся в 1975 году на родину. Автор книг «Знамя народа», «Правда о второй мировой войне», «Марксизм и наша эпоха», «Неофашизм в Греции».

ΣΤΑΥΡΟΥ ΖΟΡΜΠΑΛΑ

Ο ΝΕΟΦΑΣΙΣΜΟΣ ΣΤΗΝ ΕΛΛΑΔΑ

(1967 – 1974)

ΕΚΔΟΣΕΙΣ
«ΣΥΓΧΡΟΝΗ ΕΠΟΧΗ»
ΑΘΗΝΑ 1978

СТАВРОС ЗОРБАЛАС

НЕОФАШИЗМ В ГРЕЦИИ

(1967 – 1974)

СОЦИАЛЬНО—ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ И ВЫВОДЫ

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1981

Перевод с греческого и примечания
М. Федорова

Предисловие к советскому изданию
К. А. Шеменкова

- © «Синхрони Эпохи», Афины, 1978
- © Авторизованный перевод на русский язык, предисловие и примечания, «Международные отношения», 1981

**ПРЕДИСЛОВИЕ
К СОВЕТСКОМУ
ИЗДАНИЮ**

Предлагаемая советскому читателю книга греческого коммуниста С. Зорбаласа «Неофашизм в Греции (1967—1974 гг.)» несомненно представляет большой интерес. И прежде всего потому, что в современных условиях, когда воинствующий империализм, особенно милитаристские круги США и НАТО, нагнетают международную напряженность, форсируют гонку вооружений и стремятся вернуть мир к временам «холодной войны», создаются определенные предпосылки для вылазок самых темных сил реакции, для навязывания диктаторских режимов.

В этом отношении весьма поучителен «опыт» семилетнего правления в Греции военной хунты, захватившей власть в стране в результате государственного переворота 21 апреля 1967 г. Анализу именно этого греческого «опыта» посвящена книга С. Зорбаласа.

Книга «Неофашизм в Греции (1967—1974 гг.)» состоит из семи глав, в которых автор стремится с марксистских позиций помочь читателю прочесть одну из наиболее «черных» страниц современной истории Греции. Одновременно по ходу изложения С. Зорбалас подвергает принципиальной критике тех буржуазных историков и публицистов Греции, которые искажают подлинные события 1967—1974 годов и объективно в той или иной степени пытаются обелить «черных полковников».

Вполне закономерно, что в гл. I — «Социально-политические корни переворота и диктатуры» анализируются внутренние экономические и социальные причины, в силу которых греческая олигархия и ее империалистические покровители были вынуждены выпустить на политическую авансцену Греции реакционную военщину. Автор совершенно справедливо разоблачает прежде всего милитаристские круги США и НАТО, принимавшие участие в том, чтобы с помощью греческой

военной хунты учинить жестокую расправу над демократическим движением в стране и обеспечить свои стратегические интересы в Восточном Средиземноморье.

Глава II — «Характер режима хунты». В ней на конкретном материале греческой действительности С. Зорбалас раскрывает подлинно фашистское содержание военного режима, навязанного греческому народу в апреле 1967 года.

«Социальная основа диктатуры» — так называется гл. III, в которой речь идет о попытках диктаторского режима привлечь на свою сторону хотя бы какую-то часть греческого народа, подвести под открытую диктатуру какой-либо социальный фундамент. В этой главе показано отношение различных социальных слоев греческого общества к хунте узурпаторов власти, убедительно доказано, что одной из основных опор диктатуры является реакционная военщина, тесно связанная с империализмом США и НАТО.

В гл. IV — «Антинародная и антинациональная деятельность хунты» приведены многочисленные факты, разоблачающие антинародную внутреннюю и антинациональную внешнюю политику военной хунты, всецело направленную на обслуживание чуждых греческому народу планов американско-натовского империализма.

В гл. V — «Идеология диктатуры» С. Зорбалас исследует источники и составные части идеологической и пропагандистской деятельности военного режима. Автор совершенно прав, утверждая, что в своих тщетных усилиях обмануть народные массы греческие диктаторы широко прибегали к грубому искажению истории и наглой демагогии, взяли на вооружение ярый антикоммунизм и шовинизм.

Глава VI — «Борьба против диктатуры» посвящена развитию антидиктаторского движения в Греции. Особо подчеркнута роль греческой молодежи, в первую очередь студенческой молодежи, в борьбе против диктатуры и неофашизма. Уделено также внимание международному движению солидарности с борьбой демократических сил Греции за свержение власти «черных полковников» и восстановление демократии в стране.

В гл. VII — «Уроки и выводы» С. Зорбалас обобщает «опыт» семилетнего хозяйничанья в Греции военно-диктаторского режима и делает вполне обоснованный вывод о том, что источником всех бед греческого народа является капитализм. «Только решительное вмешательство

сил прогресса и устройство общественно-политической жизни Греции на новых антимонополистических, антиимпериалистических, демократических основах могут дать твердую гарантию того, что не будет помех для естественного развития страны и широко откроется путь к демократическим преобразованиям и социализму, являющемуся мечтой и светочем надежды всего человечества».

Для того чтобы читателю стало яснее, почему оказалось возможным установление военно-фашистской диктатуры в Греции в 1967 году, следует совершить небольшой экскурс в историю этой страны, насыщенную острейшими классовыми схватками.

Известно, что в годы второй мировой войны мужественный народ Греции, вдохновленный героической борьбой Советского Союза против гитлеровской Германии, внес свой посильный вклад в великую битву народов против фашизма. С первых и до последних дней оккупации он не прекращал борьбу против чужеземных захватчиков, защищая свое право на жизнь. Главным организатором массового движения национального Сопротивления в стране явился созданный в сентябре 1941 года по инициативе Коммунистической партии Греции Национально-освободительный фронт (ЭАМ) и его вооруженные силы — Греческая народно-освободительная армия (ЭЛАС). В благоприятных условиях стремительного продвижения советских войск на Балканах греческий народ под руководством КПГ и ЭАМ перешел в генеральное наступление против фашистских оккупантов, изгнал их за пределы страны и к концу октября 1944 года освободил свою многострадальную родину.

Однако народу Греции не довелось вкушать плоды победы, завоеванной дорогой ценой неисчислимых жертв и лишений. В декабре 1944 года английский империализм при поддержке США осуществил открытую военную интервенцию в Греции, объединил местные реакционные группы и вместе с ними огнем и мечом обрушился на прогрессивные силы страны. Английский империализм и милитаристские круги США совершили чудовищное преступление против греческого народа — силой оружия они вырвали у него из рук победу над фашистскими оккупантами, ликвидировали закладывавшиеся основы народно-демократической власти, привели к власти ставленников греческой плутократической олигархии, ввергли страну в кровопролитную гражданскую войну,

насиленно прервали закономерный процесс ее развития по демократическому пути. Грубое вмешательство Англии и США во внутренние дела Греции явилось одним из главных источников ее послевоенной трагедии.

Навязанный греческому народу антидемократический режим прилагал большие усилия к тому, чтобы сломить его сопротивление проводившейся правящими кругами политике усиления экономической и политической зависимости страны от иностранного империализма. Несмотря на это, в Греции происходил подъем демократического движения. Злодейское политическое убийство 22 мая 1963 г. левого депутата парламента Г. Ламбракиса вызвало в народе такую бурю гнева, которая смела правительство правой партии Национальный радикальный союз (ЭРЭ). В стране разразился глубокий политический кризис.

На состоявшихся в ноябре 1963 года досрочных парламентских выборах партия ЭРЭ потерпела серьезное поражение. К власти пришло правительство Союза центра во главе с его лидером Г. Папандреу. Следуя линии борьбы «на два фронта», то есть против крайне правых, но главным образом против левых, Г. Папандреу отказался опереться на поддержку левых сил и в целях завоевания «самостоятельного» большинства в парламенте в феврале 1964 года провел новые выборы, которые ознаменовались дальнейшим поражением ЭРЭ и усилением позиций демократических сил. В Греции наметился определенный поворот в сторону демократического пути развития. Однако правительство Г. Папандреу, осуществляя некоторые демократические мероприятия, вместе с тем проявляло непоследовательность, тенденцию к соглашательству с правыми группировками, отказывалось от сотрудничества с левыми партиями. Такая тактика борьбы «на два фронта» объективно раскалывала и ослабляла демократические силы и поощряла реакцию.

Тем не менее в движение пришли самые широкие слои населения. В стране не прекращалась волна забастовок рабочих, манифестаций студентов, выступлений крестьян, средних городских слоев, прогрессивной интеллигенции, которые становились все более боевыми и приобретали политическую окраску. Демократическое движение набирало силу.

Подъем народного демократического движения в Греции вызвал серьезную тревогу в кругах греческой

олигархии, королевского двора и милитаристских сил США и НАТО. Эти круги, поощряемые политикой уступок и компромиссов со стороны Союза центра по отношению к правым, сразу же после парламентских выборов 1964 года стали готовиться к контрнаступлению. На авансцену политической жизни страны вновь выдвигается военщина — оплот монархии и реакции.

Контрнаступление объединенных сил греческой реакции нашло свое открытое выражение в грубом отстранении королем 15 июля 1965 г. Г. Папандреу с поста премьер-министра Греции и назначении на этот пост правого деятеля Г. Афанасладиса-Новаса. Главная цель этой акции, получившей название «дворцового переворота», состояла в том, чтобы нанести удар по нараставшему рабочему и демократическому движению.

Однако «дворцовый переворот» натолкнулся на решительное сопротивление рабочего класса и всех демократических сил: 70 дней не прекращались бурные выступления трудящихся. Вершиной этих выступлений явилась политическая забастовка протеста 27 июля, которая охватила 350 тыс. рабочих и служащих. Основное требование бастующих — восстановить конституционные и профсоюзные свободы.

Попытки греческой реакции создать правоцентристское правительство в течение двух с лишним месяцев терпели неудачу из-за боевого сопротивления широких народных масс. Были пущены в ход подкуп, шантаж, запугивание. Наконец, 17 сентября 1965 г. отколовшемуся от Союза центра правому крылу во главе со С. Стефанопулосом удалось сформировать правительство, получившее в парламенте вотум доверия большинством в один голос. В состав правительства вошли деятели, которые опирались исключительно на поддержку правых сил и королевского двора.

1965 год в Греции прошел под знаком резкого обострения и углубления политического кризиса, затронувшего все стороны жизни. Крайне неустойчивое политическое положение страны оказало отрицательное действие и на ее экономику.

«Дворцовым переворотом» 1965 года в Греции был обозначен сдвиг в политической обстановке вправо. Произошла дальнейшая концентрация власти в стране в руках военщины и королевского двора. Переворот прервал развитие Греции в сторону демократии и проложил путь к установлению фашистской диктатуры.

В 1966 году в Греции происходило дальнейшее обострение политического кризиса. Усилилась борьба между последовательно демократическими силами, во главе которых находилась КПП, с одной стороны, и сторонниками олигархии — с другой. Греческой реакции не удалось достичь своей главной цели — сломить сопротивление народа и добиться изменения соотношения политических сил в свою пользу. Наоборот, антиконституционные действия короля, в результате которых было отстранено правительство Г. Папандреу и приведено к власти правительство С. Стефанопулоса, вызвали небывалый подъем демократического движения, с которым греческая буржуазия была уже не в состоянии справиться обычными демократическими средствами. По мере обострения борьбы со стороны крайней реакции стала все больше проявляться тенденция к установлению открытой военной диктатуры.

Правительство С. Стефанопулоса, оказавшись не в состоянии изменить соотношение политических сил в пользу олигархии, лишилось поддержки ЭРЭ и 21 декабря 1966 г. ушло в отставку. Новый служебный кабинет во главе с председателем Национального банка И. Параскевопулосом должен был подготовить такие условия проведения парламентских выборов, которые обеспечили бы ЭРЭ уверенную победу.

В начале 1967 года развитие политического кризиса в Греции достигло крайней остроты. В борьбу за демократическое обновление страны втягивались все более широкие слои населения, росло влияние КПП, активизировалось левое крыло Союза центра. В рядах правых буржуазных группировок царил растерянность.

Обстановка в Греции характеризовалась не только неустойчивостью правительства, неспособностью монополистической олигархии, королевского двора и их покровителя — американского империализма навязать антинародную политику обычными парламентскими средствами, но и неспособностью рабочего класса, прогрессивных и демократических сил обеспечить демократический выход из кризиса. В этих условиях реакционные силы Греции стали ориентироваться на насильственные решения. Одна часть греческой олигархии вместе с королевским двором, поощряемая империалистическими кругами, готовилась навязать военную диктатуру при помощи хунты генералов. Одновременно другая ее часть, орудием которой являлась хунта гре-

ческих полковников, при непосредственном руководстве американского ЦРУ и Пентагона также готовила военнo-фашистский переворот в Греции на основе плана НАТО.

Под напором демократического движения король и ЭРЭ были вынуждены пойти на досрочные парламентские выборы, но делали все для того, чтобы взять их под свой контроль. Стремясь отвлечь внимание общественности от подлинных виновников усилившейся напряженности в стране и дискредитировать прогрессивные силы Греции, праводворцовые круги организовали ряд политических провокаций, в том числе «дело Аспида» — судебный процесс по обвинению 28 греческих офицеров — сторонников Союза центра в заговоре против существующего строя. Примечательно, в ходе этого процесса выяснилось, что посольству США в Афинах заранее было известно о предстоящем падении правительства Г. Папандреу.

30 марта 1967 г. ЭРЭ спровоцировал правительственный кризис, в результате которого правительство И. Параскевопулоса ушло в отставку. 3 апреля король вручил лидеру ЭРЭ П. Канеллопулосу мандат на формирование правительства с правом роспуска парламента и проведения досрочных выборов, если оно не получит вотум доверия. Правительство П. Канеллопулоса не только не получило поддержки большинства членов парламента, но и натолкнулось на осуждение всех парламентских фракций. 14 апреля парламент был распущен и на 28 мая назначены парламентские выборы.

В такой сложной и обостренной политической обстановке началась избирательная кампания в Греции. Ход предвыборной борьбы явно свидетельствовал о дальнейшем неуклонном росте влияния левых сил и возникновении предпосылок для более глубокого поворота в сторону демократического развития Греции.

Стремление США укрепить свои стратегические позиции на Ближнем и Среднем Востоке в целях нанесения прямого удара по арабским народам, реальная угроза нового поражения правых на парламентских выборах в Греции, а также недовольство реакционного офицерства греческой армии, считавшего, будто «политики завели страну в тупик», оказали решающее влияние на тот факт, что фашистский переворот в Греции был назначен на 21 апреля 1967 г.

В ночь с 20-го на 21 апреля 1967 г. реакционная

военщина Греции, тесно связанная с тайными службами США и НАТО, совершила государственный переворот, используя для этой цели натовский план «Прометей», который предусматривал немедленное вступление в действие вооруженных сил в случае возникновения угрозы войны с социалистическими странами или «коммунистического восстания».

Греческая военная хунта во главе с полковниками Г. Пападопулосом и Н. Макарезосом и генералами С. Паттакосом и Г. Зоитакисом от имени короля со ссылкой на ст. 91 Конституции Греции опубликовала декрет о переходе власти в руки армии и приостановлении действия ряда статей конституции, касающихся демократических свобод. В стране было введено осадное положение, границы закрыты, запрещены собрания и забастовки, установлена строгая цензура, армия получила широкие полномочия производить аресты и обыски. Хунта распустила все политические партии и прогрессивные общественные организации. По ее приказу были арестованы тысячи политических и общественных деятелей, в первую очередь активистов КППГ, разгромлена демократическая печать. Греческому народу был навязан режим открытой военной диктатуры фашистского типа.

Осуществление государственного переворота в Греции стало возможным потому, что вооруженные силы страны прочно контролировались реакцией. Демократическое движение еще не оправилось после окончания гражданской войны 1946—1949 годов. Развертывание массового движения в Греции сдерживалось сохранением чрезвычайных законов, запрещавших, в частности, деятельность КППГ. Лидеры Союза центра своей позицией борьбы «на два фронта» практически срывали совместные действия оппозиции по отпору наступлению реакции и тем самым поощряли ее. Оппозиционные партии питали сильные иллюзии относительно того, будто олигархия не решится пойти на крайние меры, на установление диктатуры.

Установление военно-фашистской диктатуры внесло глубокие изменения в политическую жизнь Греции. Изменилась государственная форма власти господствующего класса. Были ликвидированы даже урезанные буржуазно-демократические свободы. Политическая деятельность, которая могла бы хоть как-нибудь затронуть господство правящего класса, была запрещена.

Режим, установленный в результате переворота 21 апреля 1967 г., явился открытой террористической военной неофашистской диктатурой местных и иностранных, главным образом американских, монополий. Он был порожден развитием и противоречиями государственно-монополистического капитализма в Греции, следствием срастания правящего класса с международным империализмом и подчинения ему. Характерная черта неофашистского режима в Греции состояла в том, что подготовка к его установлению и само его установление происходили при непосредственном участии и помощи американского империализма.

Империалистические круги США и НАТО стремились использовать диктаторский режим Греции для обострения обстановки на Балканах, для подрыва прогрессивных сил мира, выступающих за переход от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 5 июля 1967 г. заявил: «Новый очаг опасности для мира и демократии возник в результате военно-фашистского переворота в Греции. Права и свободы греческого народа жестоко подавлены в интересах агрессивного блока НАТО, в интересах главного врага европейской безопасности — американского империализма, которому выгодно отравлять международную атмосферу на нашем континенте. Разгул реакции в Греции создает угрозу и для независимости народов Кипра. Все это требует величайшей бдительности со стороны народов Европы, со стороны всех сил мира и прогресса»*.

Соппротивление демократических сил Греции режиму диктатуры, вначале глухое и пассивное, постепенно стало превращаться в активное и принимать все более организованный характер. КПГ, реорганизуя свои силы в глубоком подполье, становится во главе борьбы греческого народа. По инициативе КПГ уже в мае 1967 года был создан Антидиктаторский патриотический фронт (ПАМ), в который вошли представители различных политических направлений; затем было сформировано Единое профсоюзное антидиктаторское движение (ЭСАК); практически заново создана молодежная организация — Коммунистическая молодежь Греции (КНЕ); налажен выпуск нелегальных газет и литерату-

* Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, М., 1970, с. 48.

ры. Несколько позже появились и другие антихунтовские организации — Всегреческое освободительное движение (ПАК), Демократическая оборона.

Борьба греческих патриотов против произвола хунты получила широкую поддержку со стороны социалистических стран, международного коммунистического и рабочего движения, мировой прогрессивной общественности.

Военная хунта нанесла главный удар по демократическим левым силам Греции, и в первую очередь по коммунистам. Вместе с тем она серьезно ущемила интересы греческой аристократии и королевского двора. Видя, что военное правительство не популярно в стране и за ее пределами, а также полагая, что хунта выполнила свою миссию по подавлению демократического движения Греции, король Константин предпринял 13 декабря 1967 г. попытку совершить контрпереворот, свергнуть военную хунту и вернуть себе всю полноту власти в стране. Однако эта попытка окончилась полным провалом, и королевская семья бежала из Греции.

В целях укрепления диктаторского режима военная хунта разработала и стала осуществлять в Греции ряд мер политического и социально-экономического характера, руководствуясь в своей деятельности идеологией антикоммунизма и всячески проповедуя некую теорию «греко-христианского духа».

Под прикрытием необходимости борьбы с «подрывными элементами» хунта изгнала из армии, полиции, государственного аппарата неугодных ей лиц и на их место выдвинула своих сторонников. В осуществление политики социальной демагогии правительственным распоряжением с крестьян были списаны старые долги (сделанные до 21 апреля 1967 г.), которые они все равно не были в состоянии оплатить, несколько улучшено медицинское обслуживание сельского населения, незначительно повышены заработная плата и пенсии отдельным низкооплачиваемым категориям трудящихся и пенсионеров, введены беспроцентные займы для успевающих студентов, отменены телесные наказания в школах и т. п.

Специальная правительственная комиссия разработала проект новой конституции Греции, который предусматривал резкое усиление исполнительной власти и серьезное ограничение прав парламента. Проект новой конституции имел явно реакционное, антидемократичес-

кое содержание и был призван юридически закрепить военно-диктаторский режим. 29 сентября 1968 г. в обстановке открытого давления и запугивания в Греции был проведен референдум, который одобрил проект новой конституции. Несмотря на то что голосование было обязательным, 30,3% избирателей либо бойкотировали, либо голосовали против.

Внешнеполитическая деятельность правительства греческой военной хунты была направлена на всемерное развитие военно-политического сотрудничества Греции с США и НАТО, на ослабление критики диктаторского режима извне, на обеспечение ее выхода из международной изоляции.

Военный переворот привел к некоторому сокращению деловой активности в экономике Греции. Стремясь преодолеть экономические трудности, правительство диктаторов приняло закон, по которому иностранные компании освобождались от уплаты налогов и получали специальные привилегии при создании в Греции своих филиалов.

Обострение социально-экономических противоречий в Греции и нарастание антидиктаторского движения в народе привели в 1973 году к углублению кризиса режима военной диктатуры в целом, который вызвал брожение даже в армии, являвшейся его главной опорой.

В этих условиях греческая буржуазная оппозиция, особенно ее правое крыло, усилила борьбу за власть в стране, опираясь на поддержку влиятельных западноевропейских и американских кругов. Серьезную опасность для правительства Г. Пападопулоса создала попытка этой оппозиции организовать в конце мая 1973 года мятеж в греческих военно-морских силах. Хотя властям вовремя удалось раскрыть и ликвидировать заговор, прибегнув к широким репрессивным мерам, но сам этот факт вынудил хунту решиться на политический маневр, призванный предотвратить дальнейшее развитие кризиса режима диктатуры и укрепить его положение.

1 июня 1973 г. правительство Г. Пападопулоса опубликовало закон об упразднении монархии и провозглашении Греции президентской парламентской республикой. Сыграв на республиканских чувствах населения, хунта добилась одобрения указа об изменении конституции 1968 года на референдуме, проведенном по этому

вопросу 29 июля 1973 г. Тем самым были одобрены принципы республиканской формы правления, основой которой явилась усиленная власть президента.

Стремясь разрядить напряженную обстановку в стране и смягчить неблагоприятное впечатление за рубежом, вызванное действиями хунты, теперь уже президент Греции Г. Пападопулос отменил закон о военном положении, объявил амнистию примерно 400 политзаключенным демократам, обещал решить вопрос о политических партиях и проведении парламентских выборов.

С середины 1973 года выступления рабочих и служащих в Греции особенно усилились и расширились, охватив в той или иной форме почти все отрасли экономики. Важным фактором политической жизни страны стала борьба студенческой и учащейся молодежи, требовавшей реформ в системе просвещения, предоставления профсоюзных, академических и политических свобод. Эти выступления молодежи носили массовый и боевой характер, отличались единством действий.

В целях дальнейшего ослабления давления на режим военной диктатуры как изнутри, так и извне Г. Пападопулос пошел на удаление из правительства своих соратников по хунте и создание гражданского кабинета, основная задача которого состояла в том, чтобы подготовить и провести парламентские выборы.

Политические маневры Г. Пападопулоса не привели к стабилизации положения в стране и не ввели в заблуждение греческий народ. Антиправительственные выступления усилились. Кульминационным моментом явилось восстание студентов афинского Политехнического института 17—18 ноября 1973 г., которое проходило под лозунгами: «Хлеб, образование, свобода!», «Долой Пападопулоса!», «Американцы, убирайтесь вон!», «Выйти из НАТО!» и т. п. Вокруг студентов и рабочей молодежи стали объединяться трудящиеся разных социальных слоев.

В Афинах против восставших студентов были брошены танки. В кровавых столкновениях с полицией и войсками десятки людей были убиты, сотни — ранены и арестованы. В стране было вновь введено чрезвычайное положение.

Ноябрьские события сорвали маску с мнимой «демократизации» и «политизации» неофашистской диктатуры в Греции, вскрыли глубокий кризис режима, внутри которого резко обострились противоречия.

Греческая олигархия и поддерживающие ее иностранные империалистические силы были напуганы широким размахом антиправительственных выступлений, их последовательно демократическими лозунгами. В армейских кругах стали обвинять Г. Пападопулоса в том, что он своим курсом на «политизацию» подорвал военный режим и завел страну в тупик.

25 ноября 1973 г. в Греции произошел верхушечный военный переворот, осуществленный начальником военной полиции генералом Д. Иоаннидисом. Власть захватила та группировка хунты, которая после 21 апреля 1967 г. постоянно добивалась сохранения руководящей роли армии в жизни страны. Президентом Греции был назначен генерал Ф. Гизикис, а премьер-министром — адвокат А. Андруцопулос, активно сотрудничавший с военным режимом. Новые ставленники военной хунты обвинили Г. Пападопулоса в том, что он отошел от так называемых «принципов 21 апреля», и демагогически обещали привести страну к нормальной демократической жизни. Однако сущность неофашистского режима в Греции не изменилась, поскольку замена правительства осуществлена теми же силами, которые установили этот режим в своих собственных интересах. Независимо от того, какие силы свергли Г. Пападопулоса, эта акция явилась прямым следствием враждебной позиции греческого народа к режиму и его непрекращающейся борьбы за свержение диктатуры.

Захватившее власть «жесткое» крыло хунты выступило противником какой бы то ни было «либерализации». Главное острие ее внутренней политики было направлено против демократических сил страны. В Греции продолжал действовать закон о военном положении, проводились тайные аресты противников режима, были восстановлены концлагеря, существовала строжайшая цензура печати.

Режиму военной диктатуры удалось удержаться, но ему был нанесен тяжелый удар. Принятые новым правительством меры не привели к стабилизации положения в Греции.

Важнейшим политическим событием в жизни страны явился IX съезд КПГ, состоявшийся нелегально в декабре 1973 года. На основе глубокого анализа экономического, политического и социального развития Греции съезд выработал конкретную программу широкого единства рабочего класса, крестьянства и всех антидик-

таторских сил в борьбе за свержение неофашистской диктатуры в Греции, за избавление страны от американского господства, за демократию народа. Съезд способствовал организационному укреплению партии, активизации ее деятельности, подготовил КПГ к обеспечению ее открытого присутствия в стране в случае изменения обстановки.

В феврале 1974 года военная хунта обрушила новые удары по КПГ и демократическим силам. Многие противники диктатуры были арестованы и подвергнуты самым жестоким пыткам. Однако новые репрессии не сломили волю народа к борьбе против хунты, а лишь усилили антидиктаторские настроения.

Успехи в осуществлении политики СССР и других социалистических стран, всех миролюбивых сил, направленной на разрядку международной напряженности, упрочение основ мирного сосуществования государств с различным социальным строем, в борьбе против реакционных и агрессивных сил империализма не могли не влиять на положение в Греции. Тем более, что всеобщее противодействие режиму военной диктатуры, неослабевающее сопротивление и постоянно усиливавшаяся борьба греческого народа, кульминационным моментом которой явилось восстание студентов афинского Политехнического института, а также широкое международное движение солидарности с греческими демократами загнали военную хунту в тупик и привели к ее падению.

Авантюра на Кипре — вооруженный путч, осуществленный греческой военщиной 15 июля 1974 г. в сговоре с милитаристскими кругами и тайными службами НАТО в целях ликвидации прогрессивного режима президента Макариоса и раздела острова, — завершилась полным провалом и окончательно дискредитировала греческую военную хунту. Во избежание глубокого социального взрыва в стране греческая олигархия 23 июля 1974 г. отстранила хунту от власти и передала власть коалиции буржуазных политических партий, в которой преобладали консервативные правые. Эта коалиция явилась выражением компромисса греческих сторонников хунты, империалистических кругов США и НАТО, а также буржуазных политических сил Греции в целях «законной» передачи политической власти последним. К руководству страной пришло гражданское правительство во главе с возвратившимся из Парижа консервативным деятелем К. Караманлисом.

Стратегическая цель господствующего класса Греции, империалистических кругов США и НАТО в июльской перемене 1974 года заключалась в том, чтобы приспособить режим греческой олигархии к новым условиям при минимальных уступках народному движению, укрепить пошатнувшееся положение Греции в системе империализма и сохранить на ее территории военные базы.

Несмотря на ограниченный характер политической перемены в июле 1974 г., падение военной хунты и восстановление буржуазной парламентской демократии в Греции явилось важной победой греческого народа, открыло новые возможности для борьбы рабочего класса и демократического движения страны.

Тем не менее нельзя не согласиться с автором книги «Неофашизм в Греции (1967—1974 гг.)», что с уходом военной хунты с политической арены Греции исчез и неофашизм. В Греции, да и не только в Греции, живы и влиятельны те силы, которые питают неофашизм, держат его в качестве ударной силы в борьбе против неуклонно растущего демократического движения. И вполне оправданы надежды С. Зорбаласа, что написанный им труд повысит политическую бдительность народа, будет содействовать сплочению антиимпериалистических, антимонополистических, антифашистских сил и поможет преградить путь любым попыткам возрождения фашизма.

К. Шеменков

Фашизм — порождение монополистического капитала и крайней империалистической реакции — принес неисчислимые беды народам, особенно тех стран, где он был установлен еще до второй мировой войны или к которым протянул свои щупальца в годы войны. Ненависть к фашизму всех народов, в первую очередь советского и греческого, особенно испытавших на себе его варварство, безмерно велика.

Однако несмотря на беспредельную ненависть народов, несмотря на то что в ходе войны фашизм потерпел сокрушительное военное, политическое, идеологическое и моральное поражение, он не был стерт с лица земли. Это социальное явление живо и сегодня и пестуется теми же силами, которые создали его еще до войны, чтобы использовать в нужный момент в качестве динамичного средства подавления стремлений народов к демократии и прогрессу, навязывания авторитарной воли местных монополистических и империалистических кругов и подрыва международной безопасности и мира.

Пример Греции, Чили и других стран, где фашизм (неприкрытый, в форме неофашизма или милитаристской военщины) установил в последнее десятилетие открытую или закамуфлированную диктатуру, свидетельствует об опасности, существующей и в наши дни.

Фашистская опасность не всегда очевидна. Фашизм, учитывая чувство ненависти, которое испытывают к нему народы, обновляет формы деятельности и делает все, чтобы скрыть свое преступное лицо. В одних условиях фашисты выступают как ретивые защитники демократических и парламентских институтов, в других — временно скрываются за спиной наиболее реакционных политических кругов или находят убежище под кровом милитаристской военщины и международных империалистических агрессивных блоков. В одном случае они дословно повторяют довоенные фашистские и антикоммунистические лозунги, в другом — придают своей идеологии самые либеральные оттенки. То они целиком заимствуют шовинистические, империалистические призывы, то надевают антиимпериалистическую и антимонополистическую маску, чтобы скрыть свои намерения,

Поэтому выявление методов создания и организационных форм их деятельности в той или иной стране является первостепенным долгом каждого борца за мир и демократию и вкладом в борьбу народов против угрозы фашизма, за устранение условий, которые порождают и питают его.

Этими намерениями руководствовался и автор данной работы в исследовании неофашистской диктатуры, установленной в Греции в 1967 году и просуществовавшей до 1974 года.

С момента установления тирании хунты у народов, живущих как в самой Греции, так и за ее пределами, возникло много вопросов. Они касались социальных и политических причин, вызвавших в тот период драматические события, и затрагивали характер, движущие силы и социальную опору режима, установленного военной хунтой. Вопросы и дискуссии были порождены также особенностями диктатуры хунты, ее связями с агрессивными империалистическими кругами и с международным неофашизмом, характером ее идеологии и лозунгов.

В своих попытках исследовать греческую действительность последних лет многие греческие и зарубежные ученые, социологи, общественные и политические деятели не давали правильных ответов на эти вопросы. Их суждения порой были поспешными и односторонними. Правда, в своем подавляющем большинстве работы, посвященные анализу событий в Греции 1967—1974 годов, осудили режим тирании. И это, безусловно, позитивный момент, поскольку в этом отразилась преобладающая, глубокая тенденция человечества к демократическому и мирному развитию. Однако обнаружившиеся в некоторых исследованиях путаница и противоречия, допущенные, пусть и без злого умысла, по вопросам о роли иностранного империализма, прежде всего США, а также НАТО в установлении диктатуры, о характере режима хунты и его главной опоры, привели автора к мысли, что возникшие вопросы требуют точных, тщательно подготовленных и объективных ответов.

Данная работа, естественно, не дает оснований утверждать, что вопрос исчерпан, что сказано последнее слово о семилетней тирании и проблемах, которые она породила в современной Греции и за ее пределами. Автору чужды подобные тщеславные устремления. Глубокое раскрытие сути режима «черных полковников» в Греции, форм и методов деятельности неофашистов во всем

мире требует совместных, неослабевающих, постоянных усилий многих исследователей. Автор данной работы был бы удовлетворен, если бы считал, что его личные усилия являются вкладом, пусть и небольшим, в борьбу народов против империализма и фашизма, в какой-то мере пробуждающим чувство бдительности и помогающим сплочению всех, кто борется за демократию и мир.

Перевод и издание этой работы в Советском Союзе, стране, где фашизм неслыханными преступлениями раскрыл свою подлинную суть, является большой честью для автора. Одновременно это накладывает на автора большую ответственность, потому что он отдает свою работу на суд самых эрудированных и требовательных читателей, которые обладают не только самым добрым и отзывчивым сердцем, но известны и своей взыскательностью, повышенной справедливой и объективной требовательностью к книгам советских и зарубежных авторов.

Вместе с тем работа является скромной попыткой воздать должное и выразить глубокую признательность народам, прежде всего советскому народу, солидаризовавшемуся с борьбой греческих демократов против фашистской диктатуры за возвращение демократии в страну, где она родилась.

Вопрос о широкой международной солидарности с греческим народом также был среди тех, которые не всегда находили правильную оценку различных исследователей. Как на Западе, так и в самой Греции нашлись люди, особенно среди явных или скрытых идеологов империализма и реакции, которые оспаривали факт солидарности социалистических стран, и особенно Советского Союза, с народом Греции в те черные дни диктатуры.

О непреклонной солидарности с греческим народом правительства СССР, общественных организаций, всех советских людей немало написано в советской и прогрессивной греческой печати и, безусловно, будет написано еще много. И те немногие страницы, которые посвящены в этой книге братской помощи советского народа народу Греции в трудные дни диктатуры, следует рассматривать не только как попытку восстановить правду, но и как скромный вклад в укрепление и развитие дружественных связей между нашими народами, которые испытывают те же чувства ненависти к фашизму и пламенной любви к свободе, демократии и миру.

Афины, 1980 год, март

Неофашизм — это реальность современной Греции. Он имеет в стране не только прошлое, но и настоящее, а если обстановка не изменится к лучшему, то, возможно, и будущее.

Неофашизм — опасное общественное явление периода после второй мировой войны — нашел свое конкретное выражение в Греции в виде диктатуры военной хунты, которая угнетала страну в течение семи лет. Установленный в Греции 21 апреля 1967 г. режим рухнул в результате широкого народного сопротивления, полной изоляции и под тяжестью собственных преступлений.

Уход хунты с политической арены и приход к власти гражданского правительства не должны успокаивать. До сих пор остаются невыясненными многие вопросы: в чем состояли глубинные общественно-политические причины, породившие драматические события в Греции? Кто организовал и поддерживал переворот 21 апреля 1967 г.? Каков, по существу, характер строя, навязанного военно-фашистской хунтой? Каковы движущие силы и социальная структура режима? Каковы основные вопросы, которые события в Греции поставили перед греческим и международным освободительными демократическими движениями? Какие следует извлечь уроки и сделать выводы?

Происшедшая в Греции трагедия привлекает и поныне внимание греческих и иностранных ученых и политических деятелей. Наиболее обнадеживающим является позитивный вывод почти всех исследований и публикаций — он свидетельствует о стремлении человечества к демократическому и мирному развитию — это единодушное осуждение режима тирании, установленного в Греции. Однако среди публицистов и ученых были и такие, которые не пожелали углубиться в изучение причин, вызвавших семилетнее правление хунты. Они не дали

научного, объективного анализа сути военного режима, не определили общественно-политические силы, на которые этот режим опирался. Такой подход к историческим событиям не способствует вооружению народа, и прежде всего молодежи, опытом, помогающим исключить подобное в настоящем и будущем своей страны.

В данной работе предпринимается попытка дать обстоятельный и объективный ответ на вопросы, возникшие в результате анализа прошлого и сегодняшней действительности. Предпринята попытка опровергнуть ошибочные концепции. Автор не думает, что он дал всеобъемлющую оценку событиям и тем более сказал последнее слово о семилетней тирании хунты. В настоящее время беспокойство вновь охватывает народ Греции. Устремления автора направлены на то, чтобы в меру своих возможностей сделать выводы из трагического прошлого, выделить те общественно-политические истоки, которые породили раковую опухоль фашизма, те силы, которые продолжают, по сути, ту же политическую линию, чем подвергают страну опасности новых осложнений. Автор надеется, что это повысит политическую бдительность народа, будет содействовать сплочению антиимпериалистических, антимонополистических, антифашистских сил и поможет преградить путь любым попыткам оживления фашизма.

КОРНИ

●●●●● 1

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

 MH° 1.

стантином и такими видными буржуазными деятелями,

как П. Канеллопулос и К. Караманлис. В конце концов, и сам первый диктатор Г. Пападопулос отказался от этой лжи в интервью английской газете «Санди телеграф». После разоблачения мифа «о коммунистической угрозе» он вынужден был признать, что «деятельность коммунистов не угрожала демократии в Греции»².

Если произвольные утверждения хунты о причинах переворота были отброшены ее сторонниками, то односторонность и предвзятость взглядов греческих и иностранных исследователей о корнях этого переворота не были подвергнуты опровержению.

Большинство западных ученых и публицистов отмечало ряд второстепенных, внутренних и внешних, факторов, которые привели к установлению диктатуры, но не дало даже общего анализа послевоенной общественно-политической обстановки в Греции, которая фактически приблизила черную ночь 21 апреля 1967 г. Другие правильно подчеркивали роль американского империализма в послевоенном развитии Греции, но не связывали ее с мировой стратегией и тактикой империалистических сил США и, по сути, игнорировали внутренний кризис общественно-политической системы зависимой страны, что в итоге привело к диктатуре. Но были и такие исследователи, которые придерживались крайне консервативных взглядов или замалчивали роль американских империалистов и НАТО, а установление диктатуры объясняли только субъективными причинами.

Профессор Нью-Йоркского университета С. Руссеас, знаток американской действительности, в книге «Смерть демократии» дал, например, много полезных сведений о заговорах Пентагона и ЦРУ против Греции. Однако вместо раскрытия роли американских и греческих монополий в установлении диктатуры он пришел к поспешному выводу, что главной причиной ликвидации демократии был страх американцев перед «возрастающей популярностью А. Папандреу»³.

Другой американский ученый греческого происхождения — профессор обществоведения Иллинойского университета Ш. Мосхос впал в иную крайность. Замалчивая роль внешних империалистических сил в послевоенном развитии Греции и установлении диктатуры, в уни-

* А. Папандреу — лидер партии Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК), сын бывшего премьер-министра, возглавлявшего партию Союз центра, Г. Папандреу.

сон с хунтой он заявил на VII Международном конгрессе социологов в Варне в сентябре 1970 года, что установление диктатуры было вызвано только внутренними факторами, и прежде всего «неспособностью буржуазных политических партий осуществлять руководство страной при помощи парламентаризма»⁴.

Некоторые политические деятели Греции, хотя они в той или иной мере и были против диктатуры, избегали затрагивать вопрос об ответственности американского империализма и НАТО за преступление 21 апреля. Они не признавали ни собственной вины, ни губительных последствий антидемократической и антикоммунистической политики правившей накануне переворота партии. Например, лидер находившейся в то время у власти партии Национальный радикальный союз (ЭРЭ), которая сыграла определенную роль в создании благоприятных условий для активизации неонацизма, считал, что к перевороту 21 апреля привели две главные причины: «наличие честолюбивых офицеров и банкротство демократии»⁵. В своих последующих выступлениях в 1973 году⁶ он, правда, вскользь касался роли США в сохранении режима хунты. Однако своей политической линией, которую проводил впоследствии, он показал, что необходимых уроков из прошлого не извлек.

Журналист Я. Катрис в своей в целом содержательной книге «Рождение неонацизма» более смело определил главную ответственность американского империализма за организацию и поддержку фашистского переворота и одновременно подчеркнул роль буржуазных политических партий в разжигании губительного для страны антикоммунизма, чем и были созданы благоприятные условия для установления диктатуры. Хотя он и очень верно охарактеризовал антикоммунизм как оружие реакции, используемое для получения максимальных выгод и привилегий для правящих кругов, а также в качестве пугала тех, кто хочет полностью или частично ликвидировать демократические институты⁷, но и он не пошел дальше и не отметил, что последствием антикоммунизма явился раскол демократических сил. Не сказал автор ничего и об ответственности руководства партии Союз центра, которое упрямо отвергало все предложения левых прогрессивных сил о сотрудничестве в целях устранения фашистской опасности. Правильно характеризуя хунту как «неонацистскую опухоль правой реакции»⁸, он не объяснил, почему «монополистическая

олигархия прибегла к крайнему средству — ликвидации буржуазно-демократических институтов».

Полковник Д. Хондрокуикс в своей интересной книге «Голгофа греческой демократии» привел немало заслуживающих внимания фактов о деятельности хунты в армии и ее выступлениях против буржуазной демократии. Однако он не указал глубоких социально-политических причин, приведших к диктатуре, и роль в этом империализма, а лишь перечислил некоторые внешние их проявления (королевский переворот 1965 г., назначение на ключевые посты офицеров — сторонников диктатуры, публикации правой прессы и т. п.)⁹.

Такой же односторонний и поверхностный подход проявили некоторые исследователи при изложении причин, вызвавших установление фашистской диктатуры в Греции. Так, например, французский журналист М. Марсо в книге «Греция полковников», почти полностью отрывая фашистский переворот от объективных общественно-политических его истоков, объясняет установление диктатуры только субъективными факторами. Главной причиной успеха переворота он считает его «безупречный план» и «молниеносные действия хунты», а также нежелание греческого народа «бороться за обанкротившуюся демократию»¹⁰.

Авторы других исследований о греческих событиях последнего десятилетия — на этот раз из так называемых «левых», игнорируя основополагающий принцип марксизма о необходимости изучения каждого явления конкретно исторически, отрицали главные факторы, приведшие к перевороту и упразднению и без того незначительных проявлений демократии, и сосредоточили внимание на второстепенных факторах. В этих работах поистине левые подвергаются критике то «справа», то «слева». Они обвиняются в том, что «не сделали достаточных уступок партии Союз центра и не пошли на соглашение с ней «без каких-либо условий», что предали забвению классовые интересы и передали руководство демократической борьбой в руки буржуазии».

П. Параскевопулос, например, в прошлом издатель левой газеты «Авги», в книге «Свидетельства 1963—1964 гг. Как мы пришли к диктатуре» возлагает ответственность за установление диктатуры в равной мере на все политические силы страны. Он недооценивает классовый состав греческого общества и в особенности роль, которую играли политические деятели различных клас-

сов, и почти полностью игнорирует роль империализма и все, что связано с ним в стране.

И уж совсем невероятным является то, что автор этой книги возлагает главную ответственность на левых. Он считает, что в период, предшествовавший диктатуре, левые силы не следовали «политике переустройства, реорганизации в рамках Атлантического союза», но связывали «борьбу против опасности диктатуры с борьбой за завершение демократизации», использовали в своих целях и «иные виды борьбы помимо парламентской». Своей борьбой за национальное сопротивление и настойчивостью в признании «величия Сопротивления» они, по мнению автора, «стали причиной разжигания национальных страстей».

Мелкобуржуазность, солидарность с наиболее отъявленными антикоммунистами П. Параскевопулос демонстрирует, считая, что вина левых состоит в том, что «они не выступали в пользу и не добивались компромисса правительства Союза центра с королевским двором, а в июльские дни не поддержали С. Стефанопулоса* в его стремлении примириться с Союзом центра», а также в том, что «неблагоразумными массовыми демонстрациями разрушили институты парламентаризма и сыграли на руку сторонникам диктатуры»¹¹.

Об ответственности левых, которую они, безусловно, несут, будет сказано ниже. Однако уже сейчас необходимо подчеркнуть, что их ответственность не снижает преступной роли внутренних и внешних империалистических кругов.

Нельзя уменьшать ответственность реакционных сил Греции в подготовке и поддержке диктатуры. Нельзя признать правильными несостоятельные и надуманные взгляды Параскевопулоса и др. о политике левых, которую они хотели изобразить не только как политику хвостизма, но и отождествляли ее с политикой правящего класса.

Взгляды так называемых «левых» были не менее ошибочны и опасны, чем взгляды правых, и отличались той же антинаучностью и односторонностью. Они привели авторов к нигилистическим оценкам антидиктаторского движения.

Даже краткий обзор некоторых работ о причинах

* С. Стефанопулос — консервативный политический деятель, в настоящее время лидер крайне правой «Национальной группировки».

установления фашистской диктатуры в Греции показывает, что проблема была и остается очень серьезной и нуждается в коллективных усилиях для правильного и научно обоснованного ответа. Забегая несколько вперед, можно сказать, что приход диктатуры породили причины как внутреннего, так и внешнего характера.

Внутренние причины, тесно переплетаясь с внешними, были связаны с факторами послевоенного развития греческого общества: соотношением общественно-политических сил перед установлением диктатуры и несамостоятельной внешней политикой страны, которую проводили правящие реакционные круги, а также с глубоким кризисом этой политики.

Внешние причины, которые лишь условно можно отличить от внутренних, касаются главным образом характера современного империализма, прежде всего американского, его попыток установить мировое господство и форм, в которых такая политика нашла свое претворение в Греции и в соседних с ней странах.

ВНУТРЕННИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ДИКТАТУРЫ

Переворот, произведенный хунтой, и установление диктатуры имели свои корни прежде всего в природе общественной и политической системы, господствовавшей в Греции, в обострении противоречий самой этой системы, которые в послевоенной, зависимой от империализма Греции значительно углубились. Развитие капитализма, несмотря на местную специфику, носило в Греции те же характерные черты, что и в других странах, хотя и несколько запоздалое развитие производительных сил в стране привело к объединению крупного банковского, промышленного и торгового капитала, к концентрации производства, к появлению и росту монополий и к развитию впоследствии государственно-монополистического капитализма.

Греческий финансовый капитал прибрал к рукам большую часть экономики страны (промышленное производство, энергетическую систему, природные богатства, транспорт, торговлю и т. п.). Одновременно появились и укрепились гиганты судоходства, тесно связанные с

иностранным капиталом. Они контролировали значительную часть общего объема инвестиций и жестоко эксплуатировали не только 130 тыс. человек, занятых в этой отрасли, но и тысячи трудящихся других отраслей, в которые был вложен их капитал.

Эта тенденция к объединению и концентрации капитала, к получению максимальной прибыли привела, как и в других странах капитализма, к ужесточению эксплуатации трудящихся Греции, к обострению противоречий между монополистическими, финансовыми группировками. Господствующие классы капиталистических стран стремятся подавить растущее рабочее и массовое движение и с целью обеспечить власть финансовой олигархии прибегают к усилению исполнительной власти в ущерб законодательной, к ограничению и без того призрачной буржуазной демократии, к использованию полицейских методов управления.

В Греции в силу ряда особых исторических, экономических и политических условий это стремление в послевоенный период приобрело исключительный размах.

Как известно, в Греции, в отличие от других стран, до сих пор не решен целый ряд вопросов буржуазно-демократического характера. Поэтому еще более обострились экономические, политические и общественные противоречия между широкими народными массами и правящим классом. Несмотря на определенный уровень развития экономики и создание ряда новых отраслей промышленности, Греция долгое время и после второй мировой войны оставалась главным образом сельскохозяйственной страной. Отличительная особенность ее состояла в значительной зависимости от империалистического, монополистического капитала. Поскольку местная плутократическая олигархия поставила себя в зависимость от иностранного капитала, отдавая ему львиную долю прибыли, то уровень промышленного развития Греции не достигал уровня развития промышленно развитых стран Запада. В силу специфических условий местная олигархия не только не делала уступок, которые обычно делали и делают трудящимся массам правящие классы ведущих капиталистических стран, а все больше искала выход в усилении эксплуатации и тем самым еще более углубляла пропасть, отделявшую ее от народных масс. Зависимость от иностранного капитала и желание обеспечить свое господство в стране побуждало буржуазию подчинять интересы нации диктату империализма, что

способствовало превращению ее в реакционный и анти-демократический класс.

Все эти элементы, существовавшие и ранее, еще более усилились после второй мировой войны, когда зависимость страны от иностранных монополий расширилась и приобрела разносторонний характер.

С окончанием войны в стране, как известно, сложилась чрезвычайно неустойчивая для местной плутократической олигархии обстановка. Как и в других европейских странах, демократические силы во главе с коммунистами благодаря героической и полной самопожертвования борьбе против фашистских захватчиков вышли из испытаний войны более сильными, окрепшими и с несравненно более широким влиянием на народные массы. Убедительным свидетельством этого является тот факт, что в стране с 7-миллионным населением количество членов коммунистической партии достигло в 1945 году 400 тыс. и ее влиянием было охвачено свыше 1,5 млн. избирателей. Рабочий класс был объединен во Всеобщую конфедерацию трудящихся Греции (ГСЭЕ), которая следовала революционным путем, сплоченная вокруг Коммунистической партии Греции. Крестьянство и средние слои городов придерживались тактики сотрудничества с рабочим классом в политической борьбе за демократическое преобразование страны. В то же время позиции плутократической олигархии и ее политических представителей после войны резко пошатнулись в результате их сотрудничества с фашистскими захватчиками, терпимости к «новому гитлеровскому порядку», неучастия и даже тайной или открытой борьбы против национального движения Сопротивления. Положение реакционных господствующих кругов становилось шатким также в силу того, что после освобождения страны правящая верхушка не располагала необходимой экономической базой и соответствующим механизмом (армией, жандармерией и т. п.), чтобы противостоять народным силам. Она не успела еще политически и идеологически подготовить почву для противодействия и подавления мощного демократического движения.

Трудное положение местных воротил капитала и опасение того, что Греция может быть вырвана из империалистической упряжки, беспокоили английский империализм, имевший обширные экономические и стратегические интересы в стране и делавший еще во время войны все возможное, чтобы воспрепятствовать ее демо-

кратическому развитию. Стремясь устранить главное препятствие на пути своих колониалистских интересов — демократическое движение страны, — английский империализм, следуя традиционной политике «разделяй и властвуй» и используя все формы интриг и происков, саботировал широкое движение Сопротивления — Национально-освободительный фронт (ЭАМ) и усиленно готовил открытое вооруженное вмешательство.

Это вмешательство имело целью сокрушить народные силы и восстановить власть реакционной олигархии и, как стало известно позднее, было подготовлено еще до Ялтинской конференции и не имело никакой связи с мифом «о разделе Европы на сферы влияния», столь настойчиво и искусно распространяемым империалистической пропагандой в последующие годы.

29 сентября 1943 г. премьер-министр Англии У. Черчилль в телеграмме генералу Исмею отдал приказ подготовить и направить в Афины сразу после ухода гитлеровских захватчиков специальную часть из «5 тыс. английских солдат на бронемашинах, вооруженных автоматическим оружием и пулеметами». Эта часть должна была подавить любые попытки установления демократического порядка в стране. Накануне освобождения Черчилль в телеграмме министру иностранных дел А. Идену подчеркивал: «Полагаю, что дело сейчас обстоит следующим образом: либо мы поддерживаем Папандреу, — даже в случае, если потребуется применение силы, как мы об этом договорились, — либо мы отказываемся от всякой заинтересованности в Греции»¹².

В подготовке вооруженного столкновения, планируемого с целью ликвидации движения Сопротивления и возвращения к власти реакционной олигархии и последующей фашизации общественно-политической жизни страны, решающую роль сыграли многие представители старого политического мира и реакции, которые в годы гитлеровской оккупации оставались в Афинах или бежали за рубеж. С. Гонатас, Г. Гривас и им подобные стали инициаторами создания «охранных батальонов» и других банд, которые в сотрудничестве с фашистскими оккупантами открыто боролись против движения Сопротивления. Другие реакционеры действовали тайно против демократических сил. Так, премьер-министру правительства в изгнании Г. Папандреу удалось вырвать у Черчилля обещание после освобождения направить в Грецию войска. Некоторые прилагали отчаянные усилия

сохранить дух и силы фашистской диктатуры, установленной Метаксасом * 4 августа 1936 г., с тем чтобы использовать ее в своих интересах в послевоенный период.

Об этих грязных замыслах писали известные радикальные деятели в публикациях, увидевших свет гораздо позднее. Так, В. Карапанайотис, один из министров правительства в изгнании, писал С. Венизелосу **: «Люди, сгруппировавшиеся вокруг короля на Ближнем Востоке, не думают ни о чем ином, кроме как о сохранении диктатуры» ¹³. В телеграмме Цудеросу от 8 апреля 1942 г. С. Венизелос писал, что «король продолжает следовать антинародной политике, пытаясь сохранить на высших постах фашистски настроенные элементы» ¹⁴. В циркуляре морскому министерству от 5 августа 1943 г. он выразил удивление и негодование в связи с тем, что эмигрантские политические круги в Каире, вместо того чтобы содействовать скорейшему и окончательному разгрому фашистских захватчиков, готовят почву, «чтобы и после войны в нашей маленькой Греции были люди, способные насаждать фашистские методы» ¹⁵.

Историк Г. Дафнис пишет, что Цудерос, один из первых премьер-министров правительства в изгнании, уже в мае 1942 года, еще до встречи Черчилля со Сталиным и до того, как представители Национально-освободительного фронта (ЭАМ) заключили непримлемое для народного движения Ливанское соглашение, подписал соглашение с англичанами, которое «подчинило греческие вооруженные силы штабу английского командования на Ближнем Востоке» ¹⁶.

Таким образом, английские, с благословения американских, империалисты при содействии бывших коллаборационистов и политических деятелей реакции, используя благоприятную ситуацию, созданную подписанием Ливанского и Казертского соглашений ***, спровоцировали в декабре 1944 года столкновения, в результате которых народ, отдавший все для борьбы и разгрома фашиз-

* И. Метаксас — реакционный политический деятель. В 1936—1941 годах возглавлял фашистский режим в Греции.

** С. Венизелос — видный политический деятель, лидер либеральной партии.

*** По Ливанскому соглашению 1943 года войска Народно-освободительной армии (ЭЛАС) подчинялись командованию английских войск на Среднем Востоке; по Казертскому соглашению 1944 года вооруженные силы ЭЛАС передавались под непосредственное подчинение английскому генералу Скоби и были лишены права находиться в центральных районах Греции.

ма, был лишен возможности установить в Греции свободу, независимость и демократию. Столкновениями в декабре 1944 года иностранные империалисты и их греческие пособники добились своей главной цели, однако не решили всех проблем, которые хотели бы решить. Прогрессивное освободительное движение понесло тяжелый урон, утратило ведущие позиции, но благодаря глубоким корням и героизму борцов за демократию и независимость не потеряло связи с народом и продолжало оставаться серьезной сдерживающей силой на пути осуществления империалистических планов.

Хотя иностранный империализм и местная плутократическая олигархия провокацией столкновений и особенно подписанием Варкизского соглашения* не достигли своих целей, им удалось создать необходимые предпосылки для перегруппировки сил реакции и подготовки новых контрударов.

Для осуществления своих замыслов силы внешней и внутренней реакции сразу же после подписания Варкизского соглашения уничтожили свыше 1200 борцов движения Сопротивления и 85 тыс. заключили в тюрьмы. Так была подготовлена почва для контрудара, для провокации гражданской войны 1946—1949 годов, что явилось вызовом прогрессивным силам. Этот провокационный вызов был принят бывшим руководством прогрессивного движения без глубокого изучения ситуации.

Выступление реакционных сил против народного движения происходило в благоприятной для них ситуации: английский империализм вновь был главным вдохновителем и организатором вооруженного нападения на борцов за демократию, независимость и прогресс, однако победа досталась реакции нелегко. Реакция натолкнулась на столь сильное сопротивление демократических сил, что вынуждена была искать дополнительной помощи. Ослабевшая в войне и разваливавшаяся под ударами национально-освободительного движения Британская империя была вынуждена уступить свои позиции более сильному партнеру — Соединенным Штатам Америки, стремившимся к мировому господству.

Именно в этот критический момент гражданской войны, имевшей важнейшие последствия для Европы, особенно для района Восточного Средиземноморья и

* Это соглашение предусматривало немедленное разоружение Народно-освободительной армии.

Ближнего Востока, была провозглашена «доктрина Трумэна», которая дала возможность упрочить власть реакции и ограничить независимость Греции.

При помощи и поддержке американского империализма местной олигархии удалось не только восстановить свои пошатнувшиеся в годы войны позиции, но и значительно укрепить и расширить их. Благодаря содействию американских монополий кучка денежных воротил стала еще могущественнее. Рядом с ней возникали и росли новые крупные магнаты, судовладельцы, монополии и банковские объединения, которые строили свое благополучие на тесном сотрудничестве с иностранным капиталом, на бесстыдном предании независимости и самостоятельности своей страны.

Господство иностранных и местных монополий в Греции, жестокая и все усиливавшаяся эксплуатация трудящихся города и деревни, возрастание мощи и увеличение прибылей крупных монополий углубляли общественные противоречия.

Экономическая олигархия и представлявшие ее политические силы, стремясь покрыть не соответствующие возможностям страны военные расходы и расходы на содержание раздутого полицейского аппарата, созданного в послевоенный период, и не желая поступиться своими доходами, переложили всю тяжесть экономического бремени на плечи трудящихся. Систематически удлинился рабочий день, ограничивались и отменялись профсоюзные свободы, право на забастовку, урезывались средства на социальное страхование. Под тяжестью невыносимых налогов, роста цен на промышленную продукцию и усиления конкуренции крупных предпринимателей мелкие хозяйства постепенно разорялись, из-за сокращения рабочих мест в стране стала расти волна эмиграции. Мелкие ремесленники, интеллигенция, представители искусства, учащиеся и молодежь в целом все больше испытывали на себе пагубные последствия проникновения иностранного капитала и политики подчинения олигархии, которую проводили реакционные политические силы страны. Поэтому, несмотря на волну репрессий, которые обрушила реакция после гражданской войны на борцов Сопrotивления, народная борьба в защиту интересов трудящихся, за демократию и независимость страны разрасталась.

В результате разрыв между правящей верхушкой и трудящимися массами все более углублялся, создава-

лись новые объективные предпосылки для развития демократического и рабочего движения. Внутренний кризис режима, установленного после второй мировой войны при помощи иностранных штыков, усиливался.

Империализм и внутренняя реакция стремились сдержать и расколоть растущее народное демократическое движение, которое несло в себе угрозу больших потрясений. Желая укрепить режим, они все более настойчиво стали прибегать к подавлению демократических свобод, к усилению аппарата насилия и к фашизации общественной и политической жизни страны.

Тенденции к ограничению и полной ликвидации остатков буржуазной демократии и к фашизации появились не после июльского переворота 1965 года, как утверждают некоторые авторы¹⁷, а сразу же после второй мировой войны и усилились после провозглашения «доктрины Трумэна» и вступления Греции в НАТО. Дальнейшее обострение противоречий и углубление внутреннего кризиса значительно усилили эти тенденции.

Приєднавшись к политике «холодной войны», которой следовали в тот период заатлантические хозяева, и сделав антикоммунизм знаменем своей идеологии и официальной политики, реакционные силы Греции стремились сохранить фасад буржуазной демократии, но, фальсифицируя и так ничего не приносящие народным массам основные институты этой демократии, подрывали ее основы. Сохранялся главный законодательный орган буржуазной демократии — парламент, и даже, в известной мере, разрешалось участие в нем представителей прогрессивных сил, но права парламента ограничивались и одновременно значительно усиливалась исполнительная власть. Основные законопроекты, касавшиеся вопросов национальной безопасности, бюджета страны и т. п., вносились не в парламент, а на рассмотрение полномочного комитета, который состоял в основном из представителей правых. Формально признавались такие права, как право голоса, свобода слова, право на забастовку и т. п., но в то же время сохраняли силу чрезвычайные меры периода гражданской войны и предвоенные фашистские законы. Были приняты и новые законы (№ 1254/1949, 2689/1953, В. Д. 28 апреля 1954 г. и т. п.), на основании которых Компартия Греции в течение почти 20 лет была вне закона, граждане преследовались и подвергались аресту без всякой мотивировки, 60 тыс. политэмигрантов было запрещено возвращение на родину, без удо-

ствоверения в политической благонадежности не разрешался прием на работу, вся духовная жизнь страны была поставлена под полицейский надзор, разжигался антикоммунизм.

При помощи «прибыльного дела» антикоммунизма, этого пугала, которое вот уже 125 лет реакционные силы земли используют для того, чтобы скрывать эксплуатацию и подавление народов, руководящие круги Греции заслужили благосклонность и поддержку империализма. Была объявлена непримиримая война всему, что напоминало национальное Сопротивление и антифашистскую борьбу, амнистированы и полностью восстановлены в своих правах все те, кто поддерживал переворот 4 августа 1936 г., а также все военные преступники. Были взяты под защиту и покровительство такие отъявленные враги демократии и предатели родины, как Маньядакис, которого в годы второй мировой войны английское министерство иностранных дел называло «оголтелым фашистом»; Темелис, который открыто предложил свои услуги оккупантам; генерал Геракинис, который провозгласил, что «тот, кто возьмет в руки оружие против немцев,— не грек». Были выдвинуты на государственные посты, в армию, на дипломатическую службу люди, которые отличились при фашистской диктатуре Метаксаса, сотрудничали с фашистскими оккупантами и несут прямую ответственность за тяжкие преступления против своего народа в годы оккупации.

Антикоммунизм, ставший частью официальной государственной идеологии, не только отравлял общественную и политическую жизнь страны, открывал путь многочисленным антиконституционным нарушениям и дискриминации в отношении прогрессивно настроенных граждан, но и создал возможность самым реакционным неофашистским силам обосновывать свою антидемократическую деятельность и вводить в заблуждение либеральных государственных деятелей.

В этом плане характерно заявление на суде главных виновников переворота 1967 года бывшего премьер-министра П. Канеллопулоса: «Информация о том, что в коммунистических и других организациях сосредоточено оружие, была ложной... Я был жертвой этой информации в течение полутора лет»¹⁸. В своей книге «Политические испытания» он писал: «Сведения о том, что в руках подрывных организаций сосредоточено оружие, были ложными и служили темным целям»¹⁹. Один из демократически

мыслящих военных генерал Г. Иорданидис, признавая губительное влияние антикоммунизма и откровенно осуждая его, писал: «Мы все смогли хорошо узнать наших целеустремленных коммунистов. Мы узнали то, о чем не имели случая узнать ранее,— многие греческие патриоты провели всю жизнь в тюрьмах и ссылках только за то, что верили и говорили, что человек не должен эксплуатировать человека»²⁰.

Иностранные и местные монополии и реакционные политические силы, которые взяли на вооружение антикоммунизм, вдохновляли и направляли антидемократическую политику, все же не считали необходимым уже в тот период создание откровенно фашистской партии. В памяти народа были еще свежи ужасные преступления фашизма в Европе и в нашей стране, поэтому, считаясь с чувствами народа, они не рискнули прибегнуть к таким открытым действиям.

Вместе с тем они сохраняли фашистских последышей переворота 4 августа 1936 г., тех, кто сотрудничал с оккупантами, и считали их и неофашистов своим оплотом на случай резкого обострения внутренней ситуации. Делали они это при помощи государственного аппарата и правящих партий. Одновременно создавались и укреплялись антикоммунистические организации.

Незаконные террористические организации, созданные реакционными силами в период обострения экономического и общественно-политического кризиса и ослабления капиталистических порядков, процветали в 50-е годы во время восьмилетнего правления партии Национальный радикальный союз (ЭРЭ). Главными из них были: «антикоммунистический крестовый поход Греции» (АСЭ) во главе с бывшим заместителем руководителя «охранных батальонов» Пелопоннеса в период гитлеровской оккупации подполковником в запасе Т. Пакадонгонасом и подполковником в запасе Г. Димопулосом; «всегреческий национальный крестовый поход» (ПЭС) во главе с А. Томопулосом (впоследствии кандидат от партии Маркезиниса); «национальное общественное возрождение» во главе с участниками переворота 4 августа и сторонниками «нового порядка» Фандакисом и Даскопулосом, которые по гитлеровскому образцу издавали газету «Борьба»; «союз борцов и жертв национального Соппротивления Северной Греции» во главе с К. Гиозмасом, который носил фашистскую форму и воевал на стороне гитлеровцев против партизан ЭЛАС, а во время правления партии

ЭРЭ поддерживал переписку с министром Т. Макрисом; «союз национально мыслящих эллинов», который сотрудничал с организацией Гиозмаса; «союз командиров и бойцов антикоммунистической борьбы», основанный после гражданской войны известными террористами Х. Сурласом, С. Каламбаликисом, К. Вурлакисом и др.; «организация национального Сопротивления» во главе с известным сторонником немецкого фашизма Л. Вреттакисом, который поддерживал контакты и переписку с командующим армией О. Ангелисом во время правления хунты; «общество вернувшихся из-за занавеса», организованное по инициативе Г. Георгаласа, ставшего тогда министром, и др.

Особую активность в дохунтовский период проявляли при поддержке или попустительстве властей незаконные террористические организации молодежи. Главными из них были: «национальная общественная организация студентов» (ЭКОФ), которую в 1960 году выдавали за организацию, стоящую вне политики и партий, но которая вскоре была разоблачена как неофашистская организация; «корпус обнадеживающей молодежи» (СЕН), устав которого предусматривал военную подготовку молодежи по образцу молодежных организаций «нового порядка» Западной Европы; «Храбрые» во главе с бывшими военными; «организация национальной молодежи» (ОЭН); «греческая королевская организация молодежи» (ЭВОН) во главе с лидером «нового порядка» Фандакисом; «молодежь национальной деятельности», имевшая вооруженные формирования и возглавлявшаяся руководителем канцелярии партии ЭРЭ Панайопулосом, и др.

Все эти организации были созданы сразу же после выборов 1958 года по предложению сторонника диктатуры, издателя газеты «Элефтерос Козмос», всегда восхвалявшей хунту, С. Констандопулоса.

Для осуществления этого предложения правительство ЭРЭ организовало тайный, закулисный комитет, в котором принимал участие и будущий диктатор Г. Пападопулос. Этот комитет, получивший позднее наименование — Отдел изучения КИП* и состоявший из таких известных неофашистов и агентов охраны, как Георгалас, Грамматикопулос, Папаяннопулос и др., являлся штабом руководства всех террористических организаций. Деятельность этих организаций направлялась и финанси-

* Греческая служба безопасности.

ровалась государственными органами и из секретных источников. Местная олигархия и ее политические представители в государственном аппарате создавали и всячески укрепляли эти организации, с тем чтобы, не компрометируя государственную власть, подрывать и наносить удары по народному движению.

Все эти организации по своей сути являлись неофашистскими, хотя, возможно, и не все их члены были неофашистами. Цели и методы деятельности (организация антидемонстраций, шпионаж и хулиганство, поджоги зданий и другого рода провокации, угрожающие письма прогрессивным деятелям, участие в фальсификации выборов и т. п.), полувоенный состав лидеров, военная подготовка и воинская дисциплина, подбор кадров из бывших сотрудников фашистских оккупантов, участников переворота 4 августа и сторонников «нового порядка», культивирование самого грубого антикоммунизма и прославление фашистского прошлого самим руководством и органами пропаганды раскрывают их фашистский характер.

Незаконные террористические организации, являясь основой руководителей службы безопасности в борьбе с народным демократическим движением, дали возможность официальным органам принуждения прятаться за якобы «безответственно допускаемыми» подпольными организациями всякого рода нарушениями и скрывать свою собственную антидемократическую деятельность. Раздувая антикоммунизм и культивируя атмосферу беспорядка, они открывали путь главным ударным силам неофашизма, которые скрывались в армии и в секретных службах.

Армия в Греции, за редким исключением, всегда являлась опорой реакции. С начала XX века военные принимали участие примерно в 20 переворотах и создали около 30 нелегальных или полуполигальных военных организаций, которые стремились подавить демократию и установить тоталитарный режим. Из рядов армии вышли диктаторы типа Пангалоса, Кондилиса, Метаксаса.

Роль военщины возросла после поражения демократических сил в гражданской войне, после распространения «доктрины Трумэна» на Грецию. С этого времени армия под руководством Пентагона и НАТО систематически готовилась к выступлению, ожидая лишь подходящего момента для подавления народного движения.

Использование реакционной военщины как ударной силы иностранных и местных монополистических кругов

не было автоматическим. Известный сторонник фашистского переворота С. Констандопулос, действовавший закулисно, писал: «Вмешательство армии не явилось внезапным и неожиданным. Оно было результатом длительного процесса, который обычно невидим»²¹.

По мере банкротства политики зависимости и подчинения и обострения кризиса всей системы, которую установили иностранный империализм и местная реакция, в стране после второй мировой войны все активнее выдвигалась армия как орудие «спасения» от «анархии и коммунизма», все решительнее продвигались на ключевые посты государственного аппарата наиболее фанатичные милитаристские элементы, все оживленнее становилась деятельность незаконных фашиствующих организаций. Эти организации стали появляться еще в период второй мировой войны, когда возникла реальная угроза существованию прогнивших устоев.

Позже, в годы оккупации, на Ближнем Востоке в противовес демократическим тенденциям в среде военнслужащих был создан Союз молодых офицеров (САН), открыто антикоммунистической и промонархической направленности. Организация эта впоследствии была расширена и переименована в Священный союз греческих офицеров (ИДЕА). Конечной целью этого союза было установление диктатуры. Эта цель скрывалась под лозунгами борьбы с коммунизмом и защиты «национальных идеалов». Членом союза мог быть только крайний антикоммунист или монархист. Руководители союза культивировали среди младших членов представление о том, что вступление в эту организацию означало для них приобщение к кругу избранных и таким образом открывало путь для скорейшего зачисления в офицерский корпус.

Проходившие после освобождения Греции чистки не затрагивали эту закамуфлированную фашистскую военную организацию, а в период гражданской войны (1946—1949 гг.) ее деятельность вновь оживилась. По сути, как признает генерал Т. Цакалотос, союз никогда не прекращал своего существования и признавался тайно или открыто руководителями всех буржуазных политических партий²².

Для осуществления собственной конечной цели союз постоянно продвигал своих людей на ключевые посты в государственный аппарат, в армию и в террористические организации и в критические ситуации своими действиями старался повлиять на политическое развитие страны.

Первое выступление союз совершил 30—31 мая 1951 г. под предлогом недовольства, которое среди части офицеров вызвал уход Папагоса * из армии. В этот период и позднее, во время правления партии ЭРЭ, политика союза полностью отождествлялась с политикой правительства.

После 1956 года в союзе стали выдвигаться такие деятели, как Кардамакис, Нацинас, Гогусис, Веллиос, Хаджипетрос, Макарезос, Мексис, К. Пападопулос, которые впоследствии играли ведущую роль в правлении хунты.

Милитаристская, фашистская деятельность в армии усилилась после парламентских выборов 1958 года, в ходе которых прогрессивные силы завоевали 79 мест и таким образом стали главной оппозиционной группировкой в парламенте. Согласно заявлениям С. Констандопулоса, к этому периоду относится и начало активизации хунты, которая объединила в своих рядах самые реакционные, милитаристские элементы. Как показали последующие события, во главе хунты были некоторые генералы Генерального штаба и командующие крупными соединениями. Одновременно под руководством американских секретных служб сформировалась группа полковников и младших офицеров — малая хунта, которая вдохновлялась фашистскими идеями и концепциями.

Падение правительства Караманлиса в 1963 году и победа на парламентских выборах демократических сил потрясли союз, который опасался, что его ликвидируют. Но вскоре, особенно после июльского (1965 г.) переворота, он перешел в контрнаступление. По утверждению полковника Д. Хондрокукиса, правительство Союза центра игнорировало заявления демократически настроенных офицеров и не пошло на чистку или ликвидацию союза. Власти не тронули организаторов и руководителей тайного фашистского движения в армии, которые в период деятельности правительства Стефанопулоса получили возможность занять все ключевые позиции. Хунта продвинула Спандидакиса, близкого родственника Паттакоса, на должность начальника Генерального штаба, а на все важные посты в армии были назначены наиболее верные члены союза. Так, Паттакос стал командиром танковой бригады в Гуди, а Асланидис — его заместителем, Мака-

* Папагос — военный и политический деятель, маршал, лидер консервативной партии Греческий сбор, премьер-министр в 1951—1955 годах.

резос был направлен в первый отдел генштаба, Балопулос — в третий, Ладас захватил военную полицию (ЭСА), Руфогалис — службу безопасности (КИП), Иоаннидис — кадетское училище, Леккас — четвертый отдел генштаба и т. д. Чтобы армия лучше справлялась с ролью душителя демократических свобод, как признал на процессе газеты «Элефтерия» в январе 1964 года генерал Пецопулос, в рамках «динамичной организации и психологической подготовки» получили развитие безудержный национализм и антикоммунистическая пропаганда. Создавалась подходящая атмосфера для возможных «энергичных действий».

Бывший начальник Генерального штаба армии генерал Кардамакис провозгласил в 1963 году: «Чем правее, тем лучше», а генерал Цакалотос писал еще в июле 1961 года: «Рано или поздно при правительстве Панандреу, если оно отрезвеет, или при любом другом законном правительстве армия будет призвана спасти нацию».

Культивируя в армии слепой антикоммунизм, руководящие круги позаботились о том, чтобы привлечь к преподаванию в кадетской школе и других военных училищах известных своими фашистскими взглядами профессора К. Плевриса и ставших при хунте министрами Г. Георгаласа и Т. Папаконстантину, которые впоследствии пытались разработать основы и систематизировать неофашистскую идеологию хунты.

Не удивительно, что с подобными духовными поводами и квазисоциологами неофашизм стал единственной идеологией офицеров, выросших из призванной в армию молодежи. Они были воспитаны на фашистских идеях о том, что, например, «политика и ее представители — это увеличивающиеся симптомы заката и разврата», «народ вовлекается в идеологическую борьбу, и поэтому его действительные желания не могут иметь, да и не имеют значения», «желания нации могут выражать только избранные представители армии, которые несут миссию спасителей нации от внутреннего врага».

Таким путем, углубляя и расширяя деятельность фашистских организаций в армии, которая стала «государством в государстве», культивируя неукротимый антикоммунизм и продвигая наиболее реакционных милитаристских деятелей на важнейшие посты в государственном аппарате, армия стала играть все более решаю-

щую роль в политическом развитии страны. В период, когда страной правила реакция, роль военщины настолько возросла, что, как писал бывший секретарь королевского двора Г. Цигандес, «многие буржуазные деятели избегали политики, потому что боялись постоянной угрозы какого-нибудь военного переворота, который заставит их прибегать к унижительным компромиссам»²³.

Впрочем, армия не представляла собой единого целого. Как в политическом мире, так и в руководстве вооруженными силами имелись серьезные трения, которые отражали противоречия греческого общества. Рядом с продажными и фашиствующими милитаристами в армии служили и многие патриотически настроенные офицеры, представители средних и даже низших слоев. Этот факт не давал полной гарантии всемогущей хунты. Поэтому иностранный империализм вместе с греческой реакцией, основывая свои планы об использовании в подходящий момент армии в качестве душителя любого проявления свободы и демократии, опирался не только на хунту, но и на секретные службы, особенно на Центральную службу безопасности (КИП).

КИП организовалась и протянула свои шупальца во все концы страны в разгар политики «холодной войны» и антикоммунизма. Чтобы оправдать свое назначение, КИП создала уже в самом начале своей деятельности шпионскую сеть за рубежом, нейтрализовала иностранных агентов внутри страны и организовала сбор информации. Вскоре, однако, она превратилась во всемогущий и бесконтрольный центр преступлений и интриг. Включив в свой состав лучших агентов службы безопасности, гитлеровских батальонов, которые уничтожали патриотов в период оккупации, уголовников, она стала организатором всех политических преступлений и заговоров, которые совершались в последние двадцать лет в Греции.

Согласно отчетам бывшего руководителя КИП генерала Нацинаса, служба безопасности располагала 30 тыс. высокооплачиваемых агентов и щедро субсидировалась государством. По признанию одного из сотрудников высокого ранга Т. Апостолопулоса (псевдоним Т. Варикопулоса), во времена фашистской хунты служба имела 40 тыс. агентов и получала огромные суммы из Вашингтона, который «всегда решает и определяет все»²⁴.

Во главе КИП до переворота находился генерал Папагеоргопулос, который в своих особых целях прибегал к услугам дочери Паттакоса — Розы. Как заявил итальянской газете «Аванти» английский журналист Л. Файнер, который жил 14 лет в Греции, а также по данным, которые приводит в своей обличительной книге «Почему я принял участие в заговоре хунты и ЦРУ против А. Папандреу и греческой демократии» журналист К. Дьякояннис, одно время сотрудничавший с КИП, главную роль в этом «синдикате преступности» играли полковник Пападопулос и его родственник В. Цакас, главный сподручный по террору и пыткам, бывший диктатор Я. Палеологос, бывшие министры Пипинелис и Тотомис, руководитель фашистской группы «4 августа» Плеврис, издатель газеты «Элефтерос Козмос» С. Констандопулос и др. Все они одновременно являлись агентами ЦРУ²⁵.

Создавая этот многоликий полицейский террористический аппарат, руководящие монополистические реакционные круги ускоряли процесс ограничения и ликвидации остатков буржуазной демократии, дальнейшего усиления фашизации страны, фактически готовили материальные, организационные и идеологические предпосылки диктатуры.

Процесс усиления фашизации, который начался сразу после второй мировой войны, ускорился после 1958 года и прошел следующие этапы. Первым важнейшим этапом были выборы 1961 года, «выборный переворот», как его называли демократические силы. Он был организован на основе плана «Перикл» при прямом вмешательстве американского империализма, военщины и КИП и предусматривал изгнание прогрессивных сил из парламентской системы. На этих выборах целые армейские батальоны голосовали дважды и трижды. Огромных размеров достигла волна насилия и фальсификаций. В итоге выборы привели к изменениям в пользу правых сил, которые в парламенте представляла партия ЭРЭ.

Следующим после выборов 1961 года этапом на пути фашизации было принятие еще более антидемократического законодательства крайне правым правительством. Закон о регулировании вопросов, касающихся безопасности страны, от 18 июля 1962 г. продлевал и расширял действия принятых ранее чрезвычайных мер и фашистских законов, которые дали право реакционному пра-

вительству под предлогом противодействия «внутренней опасности» или «подрыву основ порядка» приостанавливать действие основных статей конституции и вводить чрезвычайное положение.

Если реакция видела, как это признал бывший тогда министром акад. К. Цацос, что сокращаются возможности для маневрирования и уже недостаточны «парламентские игры» доброго старого времени для обеспечения своего господства²⁶, то она прибегала к самым бесстыдным антидемократическим методам. Чтобы законодательно закрепить политику ограничения прав и фашизации, реакция решила в 1963 году пересмотреть действующую конституцию в сторону ужесточения. Правительство ЭРЭ внесло в парламент соответствующий проект, который предусматривал дальнейшие ограничения прав парламента, отмену парламентской неприкосновенности, ограничение права быть избранным, отстранение представителей трудящихся от участия в законодательных делах, контроль над печатью, по существу, отмену права на забастовку, конституционное закрепление упразднения независимости страны и присоединение ее к империалистической упряжке. В этом проекте просматривалась закамуфлированная линия на ликвидацию буржуазно-демократической системы и подготовку к установлению диктатуры. Хотя этот проект не удалось протолкнуть через парламент, он создал базу для конституции фашистской хунты. Абсолютно прав проф. Ф. Веглерис, когда он подчеркивает, что большинство рабочих положений конституции 1968 года заимствованы из «22 глав предложений о пересмотре конституции, которые были внесены правительством ЭРЭ 21 февраля 1963 г.»²⁷.

Переворот, проведенный путем фальсификации выборов, и антидемократическое наступление реакции в законодательстве не дали ожидаемых результатов. Внутренние противоречия не ослабли. Рабочее движение не шло на убыль, а приняло более широкий размах. Число участвовавших в забастовках возросло с 516 тыс. в 1961 году до 818 тыс. в 1962 году и примерно до 1 млн. человек в 1963 году. Реакция с благословения американских опекунов усилила террористическую деятельность, умножила провокации, еще больше раздула антикоммунизм и сделала следующие шаги по пути фашизации общественной и политической жизни страны. Прежде всего на авансцену политической жизни

настойчиво стала выдвигаться неофашистская военщина. Ее влияние стало распространяться на государственный аппарат и полугосударственные организации. Провокации в районе Эвроса*, организованные под руководством ЦРУ и КИП, нападения в Триполи свидетельствовали о появлении специальных отрядов военных, которые прошли подготовку и обучение в училищах НАТО методам подавления народного движения. Главари милитаризма, потрясая пугалом коммунизма, открыто заговорили о необходимости установления диктатуры. Затем по образцу банд наемных убийц ЦРУ были созданы и пушены в дело «булавочные банды». Убийство депутата левых Григориса Ламбракиса в Салониках положило начало политическим убийствам, которые стали средством запугивания масс и сдерживания демократического движения. Когда и эти меры не обеспечили режиму надежности и прочности, на которые рассчитывали их вдохновители и исполнители, а гнев и возмущение народа привели к падению крайне правого правительства и к внушительной победе демократических сил на парламентских выборах 1964 года, реакционные круги сделали еще один шаг по антидемократическому пути — организовали июльский монархический переворот 1965 года, повлекший свержение избранного народом правительства Союза центра и незаконный приход к власти отвергнутых народным голосованием правых кругов.

Этим шагом местные и иностранные монополии стремились нанести удар и сокрушить нараставшее рабочее и народно-демократическое движение.

Дворцовый переворот, однако, натолкнулся на энергичное сопротивление рабочего класса, всех демократических сил. В течение 70 дней народные силы противостояли планам реакции, и число участников забастовок в 1965 году достигло 1400 тыс. Наперекор террору и насилиям демократические силы не ослабли, антиамериканские настроения в народе усилились.

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что ино-

* В 1964—1965 годах Пападопулос командовал артиллерийской частью в районе Эвроса, на границе с Турцией. В части были выведены из строя двигатели всех машин и тягачей, в карбюраторах которых обнаружили сахар. Реакция обвинила прогрессивные силы в организации саботажа, а правительство Г. Папандреу — в попустительстве. Впоследствии было установлено, что инициатором этой операции был Пападопулос.

странный империализм и его местные сторонники своими антидемократическими маневрами абсолютно ничего не добились. Несмотря на сопротивление народа, силы реакции, используя ошибки, допущенные руководством массовым движением, сумели укрепить свои позиции в государственном аппарате, особенно в армии. Силой они захватили руководство важнейшими профсоюзными организациями, чтобы ослабить боевые выступления трудящихся. В итоге им удалось направить развитие политической жизни страны вправо.

С другой стороны, закулисными интригами и подкупом иностранные и местные реакционные круги вызвали еще большее недоверие народа к законодательным органам страны, подорвали и так непрочные буржуазно-демократические принципы. Росту этого недоверия содействовало проявившееся в самых разнообразных формах разложение реакционных правых сил, которые находились у власти в стране после второй мировой войны. Разоблачение сотрудничества министров и других государственных деятелей с фашистскими оккупантами, скандал из-за соглашений электрической компании ДЭИ, который всплыл при правительстве ЭРЭ*, рост расходов на содержание королевского двора, резко контрастировавший с низким уровнем жизни народа, скандальные соглашения правительства с авиакомпанией «Олимпиаки», которая была освобождена от уплаты налогов и получила новые участки земли, и целый ряд других «историй», которые обнаружились в период, предшествовавший хунте, привели к падению престижа правящих кругов в глазах народа, дали материал фашиствующим элементам для обработки армии и способствовали реализации их планов.

Эти факты и усиление недоверия народа к буржуазной демократии, существовавшей до хунты, не могут быть расценены как единственная причина установления диктатуры в Греции, но они сыграли решающую роль в дальнейшей фашизации политической жизни и подготовке выступления самой черной реакции. К тому же существовавшие государственные институты оказались не в состоянии обеспечивать интересы правящих кругов.

* Парламентская комиссия в 1965 году установила, что правительство ЭРЭ в 1960—1963 годах необоснованно предоставило льготы и преимущества американской и французской фирмам.

С 1966 года реакция в силу ряда внешних факторов (о чем речь пойдет ниже) начала активно готовить открытое выступление. К этому времени стало ясно, что иностранному империализму и его местным сторонникам обычными методами не удастся разгромить рабочее и демократическое движение и что продолжающийся кризис угрожает их планам. Тем более, что под напором массового демократического движения одно за другим правительства изменников были вынуждены слагать свои полномочия. Тогда в политике реакции более отчетливо стали проявляться две тенденции в достижении своих целей: одна — путем фальсификаций и использования механизма парламентских выборов и другая — путем открытой военной диктатуры.

Эти тенденции находили выражение в поисках компромисса между буржуазными партиями и в организации фальсифицированных выборов, чтобы парламентским путем исключить левых и других последовательных демократов из активной политической жизни страны; одновременно велась подготовка военщины к динамичным решениям. Первая тенденция обеспечивалась соглашением, достигнутым между ЭРЭ и Союзом центра о совместном признании переходного правительства Параскевопулоса, которое было создано для организации очередного фарса с парламентскими выборами. Для решения проблемы вторым способом закулисно стали привлекаться к активному действию все тайные и явные приверженцы диктатуры — от агрессивных кругов Пентагона и НАТО до местных милитаристов, включая королевский двор и наиболее правую часть греческой реакции.

Бывший начальник генштаба, один из столпов диктатуры генерал Спандидакис, писал позднее: «Мое мнение о необходимости вмешательства армии выкристаллизовалось за несколько месяцев до апреля при переходном правительстве, и мой приказ офицерам штаба, которым я доверял, — полковникам Г. Пападопулосу и Н. Макарезосу, о вступлении в силу плана «Прометей» специально для Афин был отдан в середине февраля 1967 года»²⁸.

План установления диктатуры фактически был ускорен тем, что под давлением народа на 28 мая были назначены парламентские выборы. Эти выборы не давали никаких гарантий победы реакции и тем более подавления широкого демократического движения. Уже то-

гда, заявил позднее П. Папалигурас, когда при поддержке королевского двора страной управляла партия, обладавшая всего 105 из 300 мест в парламенте, «рассматривалась возможность введения военного положения (что допускалось лишь с согласия парламента. — *Прим. пер.*) в случае появления угрозы беспорядков в предвыборный период»²⁹.

Установление диктатуры рассматривалось в качестве выхода из политического кризиса в кругах генералитета и королевского двора.

Королевский двор, игравший роль «высшего» покровителя и защитника привилегий иностранных монополий и местной олигархии, замешанный в политических и экономических аферах, становился все более оторванным от народных масс. Гнев и возмущение народа начали расшатывать трон. Чтобы избежать полного краха монархии, окружение двора, следуя указаниям из-за океана, задолго до переворота хунты ориентировалось на диктатуру. В октябре 1966 года король Константин заявил, что в случае необходимости готов приостановить действие ряда статей конституции и он к этому прибегнет, если его трону, интересам иностранных монополий и местной олигархии будет грозить серьезная опасность. За четыре дня до переворота, совершенного хунтой, «Нью-Йорк таймс», видимо, хорошо осведомленная о греческой действительности, писала: «Окружение двора считает, что, поскольку будущему династии грозит опасность со стороны демократических сил, любые средства хороши».

Намерение короля установить диктатуру позднее подтвердил его любимец, кандидат на пост главы диктатуры генералов Цакалотос. В своем письме в газеты несостоявшийся диктатор писал, что, когда в конце 1966 года сформировалось переходное правительство Параскевопулоса, король через своего секретаря уведомил его, что «это правительство сроком на два-три месяца является просто уступкой Папандреу и впоследствии его заменит сильное военное правительство во главе с генералом Цакалотосом, которому по этой причине не следует покидать Афин»³⁰.

Именно здесь нужно искать объяснение словам короля Константина, сказанным на первой встрече с полковниками, сразу же после переворота: «Я бы совершил революцию несколько дней спустя, предварительно договорившись с США. Почему вы меня не спроси-

ли?»³¹. Именно в этих целях, как было установлено позднее, 20 февраля 1967 г. король отдал приказ генералу Спандидакису, начальнику Генерального штаба, готовить переворот. Об этом приказе знали высшие офицеры: К. Колиас, командующий 1-м армейским корпусом, И. Манетас, командующий 2-м корпусом, Г. Зоитакис, командующий 3-м корпусом, Х. Пападопулос, командующий вооруженными силами на островах, О. Ангелис, заместитель начальника Генерального штаба, и некоторые другие.

На Высшем военном совете, который возглавлял переворот, Спандидакис и другие генералы проявили нерешительность в отношении даты проведения переворота. Одни называли 22 апреля, другие — 23 апреля, а третьи — даже 28 мая — дату проведения парламентских выборов. Видя эти колебания и нерешительность, представители малой хунты полковников и их сторонники назначили выступление на 21 апреля, и Спандидакис, который заигрывал с обеими хунтами генералов и полковников (вторая, хотя она и меньше, была динамичнее первой), полностью солидаризировался с ними.

Таким образом, полковники малой хунты, которые были лучше подготовлены в школах НАТО к подобным акциям, имели более опытную организацию, чем ИДЕА генералов, и, главное, были теснее связаны с секретными службами, «обошли» генералов большой хунты в осуществлении заговора против народа. В своем письме в греческие газеты генерал Спандидакис признал, что как начальник генштаба он был застигнут врасплох переворотом 21 апреля, который был совершен на 24 часа раньше, чем намечалось, но не противился ему. Наоборот. Поскольку переворот стал свершившимся фактом в районе Афин, он благословил его и отдал приказ об осуществлении плана «Прометей» по всей стране³². Этот факт подтвердил и бывший руководитель КИП генерал-лейтенант Папагеоргопулос. В своем письме в газеты он указал, что Высший военный совет принял решение о вмешательстве вооруженных сил, чтобы отсрочить выборы, и об этом было известно доверенным лицам начальника генштаба Пападопулосу и Паттакосу, которые поспешили опередить генералов, поскольку «не доверяли им и сомневались в их способностях»³³.

Иными словами, руководящие круги Пентагона, НАТО и секретных служб, которые опекали малую хун-

ту, опасались, что король, генералы и правые, несмотря на длительную антидемократическую деятельность и «успешное» проведение политики зависимости и подчинения страны США и НАТО, не смогут укротить демократическое движение и создать прочный диктаторский режим. Предложение о проведении переворота в ходе предвыборной кампании или в день выборов, 28 мая, было отвергнуто из-за страха перед массами, которые стали значительно активнее и деятельнее после победы демократических сил на предыдущих парламентских выборах. Избрано было 21 апреля, то есть последний день перед началом избирательной кампании. Подтверждение тому мы находим в признаниях агента ЦРУ С. Констандопулоса.

Таким образом, полковники малой, но более динамичной хунты, пользуясь особым доверием и поддержкой наиболее реакционных империалистических кругов, пустив в ход танки, установили в стране диктатуру. Королевский двор и генералы большой хунты полностью примирились с ними на общей платформе борьбы с демократией и народным движением, чем фактически отождествили себя с диктатурой. Король Константин был одним из главных виновников ликвидации парламентаризма и успеха фашистского переворота. Неудавшаяся попытка организованного им контрпереворота не может являться для него оправданием. Хунте способствовало и то обстоятельство, что армия отождествлялась с королевским двором. В соответствии с положениями конституций 1911 и 1952 годов — «король командует всеми сухопутными и морскими силами» — армия воспитывалась в духе полного повиновения королю и антидемократических воззрений; среди офицеров, в частности, была распространена такая идея, что, находясь в подчинении короля, они обязаны беспрекословно следовать за ним даже тогда, когда он проводит авантюристическую политику заговоров и организует перевороты.

Глубокий анализ свидетельствует о том, что король виновен в приходе к власти хунты и должен отвечать перед народом. В этом убеждают следующие факты. Король 1) приветствовал наступление танков, двинутых хунтой. По его словам, «то, что сделано, совершенно ради спасения страны». Своей позицией он подтолкнул переход военно-воздушных и военно-морских сил на сторону хунты или, по меньшей мере, нейтрализовал их; 2) узаконил переворот, приведя к присяге первое прави-

тельство, сформированное хунтой, во главе с Колиясом; 3) оправдал организаторов переворота, заявив в речи, обращенной к министрам диктатуры, что «демократические институты были подорваны» и посему полковники послужили стране; 4) сделал все, для того чтобы укрепить диктатуру. Например, одному из руководителей хунты он заявил: «Я скажу генералам, чтобы они оказали помощь и содействовали успеху правительства».

* * *

Переворот и установление диктатуры не были результатом только кризиса режима олигархии, слабости ее правителей и антидемократической политики. Определенную роль в этом сыграл и продолжавшийся раскол демократических сил.

Полковники смогли «заковать в цепи» греческий народ совсем не потому, что действовали в условиях «изумительной конспирации» и «искусно использовали фактор внезапности», как пишут некоторые политологи и публицисты, а потому, что демократические партии и организации своевременно, сплоченно не воспрепятствовали сдвигу к фашизму, силы демократии не были объединены даже перед лицом непосредственной опасности и не приняли никаких мер к тому, чтобы отразить открытое выступление реакции.

Коммунистическая партия Греции, Единая демократическая левая партия (ЭДА), все левые прогрессивные организации хотя и не очень настойчиво подчеркивали появившуюся опасность диктатуры, тем не менее они неоднократно обращались к буржуазно-демократическим партиям и организациям с предложением сплотить общедемократический фронт или, по крайней мере, усилить борьбу, которая преградила бы путь наступлению неофашистской реакции. Программное заявление КПГ 1957 года, решения VIII съезда партии 1961 года, Программа борьбы за демократизацию, обнародованная в 1964 году, неоднократные предложения КПГ и ЭДА после королевского переворота 1965 года, пять пунктов, предложенных ЭДА в 1966 году в качестве основы для сотрудничества политических сил страны и для общей борьбы в защиту демократии и выхода страны из сложного положения, — всеми этими действиями в сочетании с неустанной деятельностью за сплочение левые сделали немало для реализации антифашистского, демократиче-

ского единства. Однако лидеры либерально-демократических группировок, зараженные духом антикоммунизма и ставившие свои классовые интересы выше общей задачи защиты демократии, отвергали конкретные предложения левых о единстве действий, повторяя роковую ошибку 1936 года, чем, желая того или нет, оставили «открытой дверь» для прихода неофашистской хунты.

Многие политические деятели и газеты демократического центра указывали на опасность дальнейшей фашизации общественной и политической жизни страны, говорили и об угрозе военного переворота, призывали короля «отмежеваться» от хунты, но они не сделали никакого конкретного шага для отпора неофашизму и, более того, создавали обстановку благодушия своими рассуждениями о том, что реакция не пойдет на установление фашистского режима, так как США, НАТО и «Общий рынок» этого не одобрили бы³⁴.

Когда генерал Кардамакис в 1963 году бросил свою известную фразу — «чем правее, тем лучше», лидер Союза центра Г. Папандреу совершенно правильно подчеркнул, что подобные позиции «ведут к фашизму». Но в то же время Папандреу поднял знамя борьбы «на два фронта», «против двух крайностей», что, по существу, означало усиление антидемократических сил и вероятный приход к власти диктаторов, упорно отвергал любые предложения о единстве, не предпринял никаких конкретных действий к усилению антифашистской деятельности всех демократических сил. И когда после парламентских выборов 1964 года Союз центра оказался у власти, он продолжил ту же политику нерешительности и уступок требованиям реакции, что противоречило подлинным настроениям его сторонников. Боясь народа, Союз центра сохранил без изменения юридический и полицейский аппарат власти и дал тем самым возможность смертельному врагу демократических свобод оправиться от поражения, сберечь силы, сохранить искусственную атмосферу антикоммунизма и подготовить свое контрнаступление.

Но и после первых серьезных вылазок реакции (монархический переворот 1965 г.) и появления явной угрозы неофашизма большинство руководителей Союза центра не извлекло необходимых уроков. Они продолжали политику антикоммунизма и раскола демократических сил, сеяли заблуждения насчет того, что крайняя реакция не решится установить диктатуру, так как

это сделать не позволит международный политический климат, ну а если и решится, то это затронет только коммунистов, а не либеральные круги.

Г. Папандреу пошел на проведение парламентских выборов, чтобы использовать их как средство раскола демократических сил. На Совете короны в начале сентября 1965 года он сказал: «Выборы представляют возможность для разделения, а не для сотрудничества народа. Следовательно, выборы были бы идеальным средством раскола сотрудничества в низах; что касается руководства ими, то, естественно, сотрудничества в нем нет и быть не может»³⁵.

Накануне переворота реакция по наущению иностранных и местных секретных служб сострепала известное «дело Аспида»* (Щит) и смогла освободиться от ряда нежелательных для нее демократически настроенных офицеров. Во время карательных операций полицией было ранено 50 бастовавших рабочих-строителей, арестовано свыше 100 профсоюзных активистов. Однако даже такие акции, направленные против всего демократического лагеря, не побудили либеральных руководителей преодолеть предубеждения и пойти на объединение и сплочение ради антифашистской борьбы. Вместо этого они сделали ряд новых уступок реакции и создали тем самым дополнительные благоприятные возможности наиболее оголтелым ее представителям активизировать свои действия.

Таким образом, недооценка неофашистской опасности, создание реакционной пропагандой обстановки благодушия, чувство боязни и недоверия к народным массам, нерешительность, непоследовательность и антикоммунистические предубеждения среди значительной части либерального руководства буржуазии явились главными причинами отсутствия единства демократических сил и препятствием в организации общего отпора угрозе диктатуры. Вместе с тем, как подчеркивал ЦК КПГ, ошибки, недостатки и путаница, существовавшие в тот период среди левых сил, отрицательно сказались на работе по обеспечению единства масс и подготовке их к отпору неофашистской опасности. КПГ, главная руководящая сила левых организаций, Единая демократическая левая партия (ЭДА), Национальная аграрная

* «Дело Аспида» — процесс против группы офицеров, обвиненных в заговорщической деятельности.

партия (ЭАК) и др. в своих документах прежде всего подчеркивали глубину политического кризиса, возрастающие угрозы диктатуры, особенно после событий 1965 года. Политбюро ЦК КПГ в заявлении от 29 января 1966 г. указывало на то, что американский империализм, наиболее реакционные круги плутократии, королевский двор и продиктаторское ядро партии ЭРЭ при помощи реакционной военщины готовят установление диктатуры. В заявлении от 7 февраля 1966 г. КПГ поддерживала пять пунктов ЭДА, в которых были выражены требования ко всем партиям «решительно осудить и отразить угрозу диктатуры, провести через три месяца переходным правительством, обладающим общим доверием, парламентские выборы, дать гарантии участия в этих выборах всех партий, включая КПГ, на равных основаниях».

Левые организации не видели и, главное, тщательно не изучали внутренних и внешних факторов, свидетельствовавших об угрозе неофашизма. Они не видели подлинной роли американских и наиболее реакционных сил НАТО в Греции, всей величины опасности их вмешательства и вследствие этого не разворачивали идеологической и политической работы в массах, особенно в армии, которая превратилась в слепое орудие американского империализма. Механически перенося на Грецию тезис о положительной роли национальной буржуазии в ряде развивающихся стран, они облегчали тем самым ревизионистам возможность извращать генеральную линию КПГ и проводить хвостистскую политику в отношении консервативных буржуазных сил.

Не оценив изменений, происшедших на мировой арене и внутри страны, КПГ на VIII съезде сформулировала положение о том, что демократические и социалистические преобразования в Греции будут происходить мирным путем. В комплексе с другими это ошибочное положение породило глубокие заблуждения по поводу легальных форм борьбы и привело к недооценке внепарламентской деятельности. Не было принято никаких практических мер к тому, чтобы все силы направить на отпор угрозе фашизма, как этого требовала обстановка. Более того, до последнего момента народные массы были ориентированы на участие в предвыборной кампании. В итоге они не были организационно и психологически готовы оказать сопротивление хунте.

Обстановку усугубил распуск в 1958 году партийных организаций, способных возглавить подготовку трудящихся к отражению угрозы фашизма и к революционным битвам, которые назревали, к правильному сочетанию легальных и нелегальных форм борьбы и к переходу в нужный момент от мирных к немирным формам борьбы.

Бесспорным представляется тот факт, что левые ни на мгновение не прекращали попыток достигнуть единства демократических сил. Однако причины того, что это единство не было достигнуто, не следует искать только в нерешительности и отступлении Союза центра, хотя это, безусловно, сыграло главную роль. За продолжавшийся раскол сил демократии несут свою ответственность и бывшие руководители левых сил, которые пошли на уступки либеральным буржуазным кругам и не сделали всего необходимого для достижения единства.

Эти недостатки усугубились появлением в рядах левых сил ошибочных взглядов по вопросу о характере либеральной буржуазии в Греции, о якобы авангардной ее роли, а также тем, что все решительнее стали выдвигаться лозунги «о безоговорочной поддержке» Союза центра как меньшего зла и признании его «руководящим фактором» в борьбе за демократическое возрождение страны. Была поставлена под сомнение необходимость существования самостоятельной партии рабочего класса, которая руководствовалась бы революционной марксистско-ленинской теорией. В определенной мере эти ревизионистские взгляды порой даже преобладали.

Создавшееся положение усиливало раскольническую политику руководства Союза центра и препятствовало левым силам выработать и последовательно проводить принципиальную политику единства, которая диктовалась бы фактическим соотношением политических сил. Одновременно это положение вело к губительным для народного движения решениям, лишало движение своего штаба, способного подготовить и направить массы на решающую борьбу за демократию и прогресс.

* * *

Таким образом, внутренний общественный и политический кризис, неспособность реакции справиться с нараставшим народно-демократическим движением ста-

ли главной причиной установления диктатуры. Отсутствие единства демократических сил облегчило осуществление антинародных планов реакции. Но этим не исчерпываются причины, которые вызвали и сделали возможным установление диктатуры. Нельзя признать правильной точку зрения некоторых антидиктаторских кругов, которые рассматривают диктатуру как фактор «по существу местный», вытекающий только из «внутренних политических и общественных противоречий»³⁶. Внутренние факторы, которые привели к фашистскому перевороту, были тесно связаны с рядом внешних факторов, которые оказали не меньшее влияние на происходившие в Греции события.

РОЛЬ ВНЕШНИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Большинство исследователей событий в Греции последнего десятилетия, объективно изучавших факты развития страны в связи с иностранным, главным образом американским, присутствием, приходят к выводу: одной из главных причин, в результате которых Греция оказалась под сапогом хунты, является ее практически полная зависимость от иностранного капитала, и в первую очередь американского; вдохновителями и организаторами военного переворота 21 апреля были американский империализм и наиболее реакционные, агрессивные круги НАТО, которые вместе с монополиями составляли главную опору диктатуры.

Сегодня известно, что план «Прометей», который предусматривал осуществление чрезвычайных мер по превращению Греции в военный лагерь в случае нападения «с севера», был разработан по инициативе США в штабах НАТО и накануне переворота «приспособлен» для выступления хунты. Характерно, что для непосвященных приказ о тревоге для всех воинских соединений «в час икс» (сигнал к осуществлению плана «Прометей») являлся только началом «особых маневров НАТО».

Спустя несколько дней после переворота датская газета «Политикен» писала об ответственности секретных служб США и НАТО за установление диктатуры: «Мно-

го фактов свидетельствует о том, что в подготовке военного переворота в Греции приняли участие некоторые страны — союзники Греции по НАТО»³⁷.

И действительно, никто не может отрицать, что воинские соединения, осуществившие переворот, принадлежали вооруженным силам НАТО и были приведены в действие по приказу его штабов, что танки, растоптавшие демократию, бронемшины, авиация, все военные средства, примененные хунтой для насаждения насилия, были американского производства, что люди, руководившие заговором, прошли подготовку в школах Пентагона и принадлежали к секретной службе КИП, что посол США в Афинах Талбот неоднократно встречался с организаторами переворота накануне совершенного ими преступления, что военные корабли 6-го американского флота курсировали в те дни у греческих берегов, поддерживая своим присутствием мятежников.

Но если этих фактов недостаточно, чтобы обосновать вывод о главной ответственности американского империализма и НАТО за установление диктатуры, то последующее семилетнее правление хунты и события последидиктаторского периода еще нагляднее разоблачают их роль как главной опоры режима.

Как стало известно позднее из материалов, собранных специальной комиссией американского сената, возглавляемой сенатором Ф. Черчем, ряд американских военных и политических деятелей: сенатор С. Термонд — член сенатской комиссии по делам вооруженных сил, адмирал А. Берк — начальник штаба военно-морского флота, генерал Л. Норстэд, занимавший пост главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе в 1956—1963 годах, и др. задолго до переворота хунты хорошо знали, что в «определенных американских кругах изучались условия, при которых для спасения положения в Греции требовалась помощь военных»³⁸.

Многочратно на протяжении семилетнего правления хунты представители американских кругов и НАТО цинично заявляли, что переворот и режим хунты пользуются безграничной поддержкой США и Атлантического союза. Выступая в сенате в 1968 году, К. Клиффорд, министр обороны США, подчеркнул, что правительство не может оставить без поддержки режим хунты, потому что «обязательства Соединенных Штатов как члена НАТО являются намного важнее, чем характер правительства Греции»³⁹. Государственный секретарь США

Д. Раск, отвечая на критику сенатора Белла, сказал: «Нравится или не нравится режим в Греции, он поддерживается потому, что это отвечает интересам политики США». «Мы сделали огромные вложения в Грецию и заинтересованы в обеспечении безопасности этой страны. Наши постоянные интересы заключаются в сохранении обороноспособности этой страны как члена НАТО». Другие официальные лица США, например заместитель государственного секретаря США Дейвид и ряд представителей Пентагона в НАТО, не уставали говорить о том, что военный режим хунты способствовал укреплению юго-восточного фланга НАТО, что Греция была единственной страной Средиземноморья, чьими услугами без всяких затруднений мог пользоваться 6-й американский флот, поэтому необходимо продолжать оказывать хунте военную помощь.

Становится ясным, что политику США в отношении Греции определяли американские стратегические интересы, а отнюдь не стремление сохранить свободу и демократию. Как писала «Нью-Йорк таймс», достаточно было бы США погрозить пальцем, чтобы хунта убралась. Но этого не разрешали сделать круги Пентагона, продолжала газета, которые первостепенную роль отводили военным нуждам и считали, что прекращение военной помощи Греции было бы опасным для находящихся на ее территории военных баз США.

Чтобы успокоить мировое общественное мнение, руководящие круги США подняли большую шумиху о прекращении на какое-то время американской военной помощи диктаторскому режиму. Однако, как выяснилось в сенате США, только в 1969 году Соединенные Штаты предоставили хунте военную помощь на сумму 158 млн. долл., или в 2 раза больше, чем было предоставлено Греции в 1966 году. В целом с 1968 по 1970 год США предоставили хунте военную помощь на сумму 326,9 млн. долл.⁴⁰

В начале 1973 года в демагогических целях и чтобы избавить правительство США от постоянной критики конгресса, диктаторы хунты заявили, что впредь не будут получать какую-либо американскую помощь бесплатно. Однако и после этого, уже в 1973 году, полковники получили от США помощь в размере 73 млн. долл. (15 млн. долл. в качестве дара и 58 млн. долл. в форме займов)⁴¹.

Все эти факты опровергают утверждение о том, будто «официальная американская политика не могла включать в себя поощрение переворота 1967 года»⁴², и подтверждают известное положение о том, что американский империализм сыграл одну из главных ролей в установлении и укреплении диктатуры в Греции.

После установления в Греции при помощи НАТО диктатуры государственный секретарь США Д. Раск заявил в палате представителей, что целью НАТО является обеспечение условий, при которых правительство будет избираться самим народом, а не навязываться извне. Не успела мировая печать подхватить и распространить заявление Раска о якобы демократичности Атлантического союза, как генеральный секретарь НАТО Й. Лунс поспешил его опровергнуть, сказав, что «он желал бы, чтобы и другие страны НАТО последовали примеру Греции»⁴³.

Однако именно пример Греции наглядно и со всей полнотой раскрывает характер НАТО как стража реакции и душителя демократии в Западной Европе.

После переворота, совершенного хунтой, в печати Западной Европы активно обсуждалась ст. 4 Североатлантического договора, которая закрепляет основную роль НАТО как орудия подавления стремлений народов к глубоким социальным преобразованиям. В этой статье говорится: «Договаривающиеся стороны будут консультироваться между собой всякий раз, когда, по мнению любой из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность любой из Договаривающихся сторон окажется под угрозой»⁴⁴. Как писал комментатор «Дейли экспресс» Г. Пинкер, специалисты ему разъяснили, что выражение «по мнению любой из них» означает, что любой член союза и, естественно, не самый слабый, может проявить инициативу и спровоцировать ради «общих интересов НАТО» военное вторжение в страну, которой грозит революция...⁴⁵, или, другими словами, где народ полон решимости всеми средствами защищать свои демократические права.

О том, кто обладает правом вето в подобных инициативах, красноречиво говорится в одном из секретных документов, увидевших свет после переворота, совершенного хунтой, и подписанных представителями Пентагона в НАТО генералами Маконеном и Спайви. В этом документе указывается, что на основе секретного соглашения американские войска получили от НАТО право вмеша-

тельства во внутренние дела стран, в которых оказываются под угрозой интересы Атлантического союза и США вследствие внутренних беспорядков, а власти этих стран сами не в состоянии справиться с ситуацией⁴⁶.

Еще более откровенным в отношении действительных целей НАТО был заместитель начальника штаба высшего командования объединенных вооруженных сил НАТО, западногерманский генерал В. Баудиси. В интервью, которое он в 1967 году дал редактору журнала «Штерн», было сказано: «Запомните три главнейших принципа Атлантического союза: укрепление внутреннего положения стран-членов, политическая солидарность союзников и единая стратегия. Если в прошлом главное внимание было обращено на два последних, то сегодня оно все больше сосредоточивается на первом».

Таким образом, наиболее ответственные представители этого агрессивного блока прямо или косвенно признали то, что откровенно проявилось на примере Греции: важнейшей миссией НАТО является подавление силой стремления народов улучшить условия своей социальной и политической жизни, стремления к демократии и прогрессу. Иными словами, они признали, что НАТО не имеет никакого отношения к защите принципов свободы и гражданских прав.

При помощи экономического проникновения и вооруженного кулака НАТО, опираясь на поддержку местных монополистических кругов, которые в известной степени использовали в своих интересах американские капиталовложения, империализм США укрепил свои позиции в Европе и добился реализации своей экспансионистской стратегии.

Глубокое экономическое и политическое проникновение американского империализма и укрепление его позиций в Западной Европе происходило одновременно со значительным накоплением и концентрацией капитала в этом районе мира и стремлением местных монополий к получению больших прибылей. Это привело к обострению противоречий между американскими и местными монополиями, между американским империализмом и господствующими классами западных стран, между трудящимися массами и американским империализмом, к росту антиамериканских настроений среди широких слоев населения, к усилению открытой или скрытой оппозиции среди руководящих кругов этих стран.

Выражая беспокойство французских финансовых кругов глубоким проникновением американского капитала в важнейшие отрасли экономики Франции, премьер-министр Франции Ж. Помпиду заявил в 1963 году: «Американские инвестиции в Европе были желательны для нее. Мы сами их стимулировали, так как они способствовали росту предпринимательской деятельности. Несмотря на это, было бы очень плохо, если бы некоторые отрасли экономики стран «Общего рынка» оказались под властью экономических сил, которые принимают решения за пределами этого рынка»⁴⁷.

Подобные настроения французских финансовых кругов, которые недвусмысленно были выражены Ж. Помпиду, нашли практическое осуществление в более независимой внешней политике, начатой де Голлем, и в выходе Франции из военной организации НАТО. Аналогичные тенденции стали проявляться и в других странах Европы, тесно связанных с американским капиталом.

Империализм США, опасаясь ослабления своих экономических позиций и политического влияния в западноевропейских странах, стал более активно поддерживать, явно или закулисно, наиболее реакционные силы в их стремлении ограничить буржуазную парламентскую демократию и в подавлении демократического движения, во все большем сползании, где это возможно, к неофашизму, который являлся дополнительной и более надежной гарантией обеспечения его интересов.

В этих условиях местные силы реакции и неофашизма укрепили свои позиции; усилили выступления против демократии, используя прежде всего и главным образом внутренние противоречия и углубляющийся экономический кризис. Однако ни при каких обстоятельствах они не могли бы укрепиться и иметь какие-либо перспективы успеха, если бы не опирались на поддержку иностранных, в первую очередь американских, империалистических кругов.

В результате расследования по делу о плане «Прометей» было установлено, что усиление и укрепление фашистской хунты в Греции явилось результатом солидарности империализма с неофашизмом. Подтверждение этому дал на пресс-конференции в Штутгарте в 1969 году руководитель западногерманских неофашистов фон Тадден. Когда в 1968 году перед неофашистами ФРГ остро встала угроза запрещения национал-демократической партии (НДП), продолжатели дела Гитлера

обратились к руководящим кругам Вашингтона, Лондона и Парижа с просьбой о защите. Как заявил фон Тадден, США, Англия и Франция положительно реагировали на эту просьбу. Выражая настроения американских империалистических кругов, «Нью-Йорк таймс» в своей редакционной статье также рекомендовала боннскому правительству ни в коем случае не трогать партию наследников Гитлера.

Тесные связи агрессивных империалистических кругов США и НАТО с самой черной реакцией и неофашистами были раскрыты и в ряде других стран Западной Европы. Как стало известно, первая попытка фашистского переворота в 1964 году в Италии была совершена на основе плана, выработанного неофашистами в армии и жандармерии при помощи секретных служб НАТО и США. И когда вторично, в 1970 году, террористы «черного фронта», возглавляемые принцем Боргезе, планировали путем переворота захват власти, они вновь опирались на поддержку не только местной реакции и милитаристских кругов своей страны, но и на безраздельную поддержку американского империализма и НАТО. Этот факт подтверждает вывод Компартии Италии о том, что угроза неофашизма кроется не столько в остатках фашизма, сколько в тесных связях и в поддержке, которую получают банды неофашистов из различных империалистических центров⁴⁸.

Таким образом, появление и развитие неофашизма в Западной Европе необходимо рассматривать не как изолированное явление внутреннего характера, не как следствие исключительно внутреннего кризиса, а как одно из главных проявлений современного империализма, его генеральной стратегии.

И раньше фашизм захватывал и удерживал власть в ряде стран Европы, опираясь не только на силы внутренней реакции, но и на иностранные империалистические круги. Однако сегодня, когда фашизм разоблачил себя полностью в глазах мирового общественного мнения, когда внутренние противоречия обострились, демократическое движение приобрело больший размах и возросло стремление народных масс к демократии, наступление и укрепление фашизма в действительности невозможно без поддержки империализма и особенно без широкой поддержки агрессивных монополистических кругов США.

Все это наиболее остро и рельефно проявилось в Греции, где внутренняя обстановка после войны приобрела чрезвычайно напряженный характер и страна попала в полную зависимость от американского империализма.

* * *

Греция в силу своего важного стратегического положения, занимаемого в системе империализма, наличия богатых источников полезных ископаемых и более дешевой по сравнению с другими европейскими странами рабочей силы всегда находилась в центре внимания империалистических кругов. Интерес империализма, и в первую очередь американского, по причинам, изложенным выше, еще больше возрос в послевоенный период.

Оружие, которое применили американские претенденты на мировое господство для осуществления своей стратегии в Греции, было тем же, какое они применяли в других районах мира: экономическая экспансия, военное и политическое подчинение. Разница заключалась только в том, что если в других странах Европы американское проникновение начиналось с экономического вторжения, то в Греции все происходило в ином порядке. Специфические условия, сложившиеся в стране после войны в результате крайнего обострения противоречий между реакционной олигархией и абсолютным большинством народа, в сочетании с экспансионистской политикой США побудили американский империализм провозгласить «доктрину Трумэна», которая открыла путь сначала для военного и политического подчинения страны, а затем и для вторжения американского капитала.

Провозглашение «доктрины Трумэна» сопровождалось широкой пропагандистской кампанией. Всеми средствами империалистическая реакция провозглашала, что главной целью доктрины является «защита свободы и демократии», «экономическая помощь Греции и Западной Европе в целом». В то же время на закрытых заседаниях комиссии по иностранным делам сената США, проходивших в те дни, с откровенным цинизмом был раскрыт подлинный характер «доктрины Трумэна» как комплекса мер, обеспечивающих прежде всего и главным образом стратегические интересы американского империализма.

Сенатор Уилэн, выступая на заседании комиссии, ясно и прямо заявил, что помощь, которую обещают США согласно «доктрине Трумэна», будет предоставляться с учетом интересов самих Соединенных Штатов. «Наши интересы являются важнейшим фактором, — подчеркнул Уилэн. — Наше присутствие там объективно отвечает целям США. Эти цели заключаются в том, чтобы будущая война не разразилась у американских берегов. Мы должны позаботиться о том, что если возникнет необходимость вести войну, то мы должны иметь, чем воевать. Главное здесь — нефть»⁴⁹. Министр обороны США Форрестол и американский посол в Афинах М. Ви пошли еще дальше, раскрыв главную цель этой доктрины. Они указали, что ее цель состоит в установлении господства США в Европе и на Средиземном море. «США должны вторгнуться в Грецию, — заявили они, — не потому что этой страной ограничиваются интересы Соединенных Штатов, а потому что эти интересы простираются значительно дальше — до Дакара и Касабланки, потому что присутствие американцев всегда было внушительнее в Средиземном море, чем в каком-либо ином месте»⁵⁰.

Для осуществления этих главных стратегических устремлений американский империализм после провозглашения «доктрины Трумэна» не только помогал местной реакции выйти «победителем» во внутренней борьбе с демократическими силами, но и размещал капиталы, которые давали ему возможность подчинить экономическую и политическую жизнь страны. С марта 1947 по декабрь 1966 года они израсходовали в Греции 4166 млн. долл. В эту сумму не входят расходы, которые связаны с вооружением греческой армии тяжелым оружием; они ежегодно достигали 100 млн. долл.⁵¹ Эта сумма, конечно, не являлась даром американских монополий своим «бедным родственникам» в Греции, а являлась как бы платой за превращение страны в придаток США, в их главную военную базу в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье, средством давления на политическую жизнь, на развитие страны.

Военное и экономическое проникновение американского империализма в Грецию серьезно повлияло на ее политическое развитие. И поскольку экономика Греции по сравнению с экономикой других стран, принявших американские инвестиции, была более слабой, то и нажим США в политической сфере был практически неприкрытым и более сильным.

Право регулировать политическую жизнь страны, которое США приобрели при помощи «доктрины Трумэна», «плана Маршалла» и своих капиталов, позднее было закреплено рядом военных и экономических соглашений неоколониалистского характера.

18 февраля 1952 г. правительством Пластираса — Венизелоса был подписан договор о присоединении Греции к НАТО. Спустя примерно год, 12 октября 1953 г., правительство Папагоса подписало соглашения о предоставлении Соединенным Штатам военных баз, в которых было обусловлено предоставление американским вооруженным силам права в любое время, когда они сочтут необходимым, использовать территорию, морское и воздушное пространство Греции в своих военных целях и стратегических планах в Средиземноморье. Несколько позднее, 7 сентября 1956 г., правительство ЭРЭ подписало соглашение о правовом режиме вооруженных сил Соединенных Штатов в Греции, которое закрепляло пресловутую экстерриториальность, или, иными словами, законодательное освобождение от ответственности американских солдат. Были подписаны также еще два соглашения о тайном хранении атомного оружия на территории страны.

Параллельно послевоенные правительства Греции приняли ряд законов (1953, 1961, 1967 гг.), предоставлявших преимущества для инвестиций иностранных капиталов в Греции, которые открыли путь для колониальной эксплуатации природных богатств и труда греческого народа.

На основе всех этих соглашений и привилегий американский империализм стал главным регулятором политической жизни страны. Посредством вмешательства в каждом конкретном случае американских дипломатических представителей народу было навязано правительство Папагоса в 1951 году, санкционировано введение мажоритарной избирательной системы, чтобы обеспечить победу партии Греческий сбор, отстранен Стефанопулос.

Системой кабальных соглашений неоколониалистского характера, «пристегиванием» Греции к упряжке американского империализма и НАТО Греция была наводнена военными базами США, греческая армия, по выражению помощника Трумэна К. Фрици, превращена в «подразделение американских вооруженных сил»⁵², восемь греческих дивизий (среди них и механизированная часть, действовавшая в Афинах ночью 21 апреля 1967 г.)

поставлены под прямой контроль НАТО, на плечи Греции возложен непосильный для нее груз военных расходов.

Чтобы превратить греческую армию в слепое, покорное орудие осуществления агрессивных, антинародных планов НАТО и подготовить реакционную военщину к роли ударной силы финансовой олигархии и душителя демократического движения, американский империализм потратил 1500 млн. долл., выучил и продвинул на ключевые посты наиболее доверенных лиц, усилил свой контроль над греческими вооруженными силами и, в конце концов, превратил их в решающее средство установления своего политического и военного господства в стране.

США стремились запугать страну призраком «коммунистической опасности». По их наущению в 1952 году были арестованы и казнены Н. Белояннис, Н. Плумбидис и другие борцы, в 1958 году состряпаны различные антикоммунистические процессы и в 1961 году осуществлен план «Перикл», обеспечивший партии ЭРЭ победу на парламентских выборах.

О первостепенной роли, которая отводится в политике США антикоммунизму, можно судить, в частности, по заявлению председателя комиссии по иностранным делам сенатора Фулбрайта, который с горечью признавал, что «во имя антикоммунистической верности мы смыкаемся с прогнанными режимами и поддерживаем правительства, которые подрывают в своих странах политическое, социальное и общественное равновесие».

Вмешательство американского империализма во внутренние дела нашей страны, ущемление национальной независимости были настолько явными, что даже консервативные и либеральные деятели вынуждены были признать, что, по существу, регуляторы политической жизни страны находятся за океаном.

Выступая на заседании парламента 22 января 1962 г., Е. Авероф, министр иностранных дел, заявил: «Не мы осуществляем контроль над вопросами внешней политики. Его осуществляют и другие правительства, иногда в силу природы самих вопросов в большей степени, чем мы»⁵³. Позднее, выступая на собрании в гостинице «Хилтон», А. Папандреу сказал: «Весь этот период (с момента передачи Англией своего места патрона Америке. — С. З.) иногда открыто, иногда скрытно мы просили вмешательства союзников в нашу политическую жизнь,

привыкли верить, что регулирующими факторами решающего значения являются мнение, желание и утверждение американцев»⁵⁴.

Аналогичные признания о роли США в Греции вынуждены были сделать и некоторые консервативные органы греческой печати. «Катимерини» в 1955 году писала: «Помощь, которую нам предоставляют США, и покровительство наших великих «союзников» превратили Грецию в жалкий протекторат». Десять лет спустя другая правая газета «Этникос Кирикс» признала: «Миссией помощи американцы властвовали над нашей экономикой, превратились в государство в государстве, распоряжались нашими министрами».

В американской политике, направленной на лишение Греции суверенитета, существенную роль сыграли различные шпионские разведывательные службы США, которые охватили своими всепроникающими щупальцами государственную и общественную жизнь страны.

Как известно, начало деятельности ЦРУ в Греции совпало с введением в действие «доктрины Трумэна». Местное отделение ЦРУ во главе с первым его руководителем, американцем греческого происхождения Карамесинисом, развернуло активную деятельность еще в 1951 году и до фашистского переворота уже имело в своем распоряжении свыше 1200 агентов, которые осуществляли контроль над греческой службой безопасности (КИП) и направляли деятельность неофашистских организаций и хунты в армии и государственном аппарате.

Широкая сеть агентов ЦРУ в Греции имела свои разветвления в важнейших отраслях экономики, общественной и политической сферах. Агенты скрывались, как правило, под маской служащих американского посольства в Афинах, журналистов и специалистов различных иных американских учреждений. По признанию бывших сотрудников ЦРУ Ф. Эйдж, В. Маркетти и Д. Маркса, они располагали миллионами долларов для создания электронной разведки, подкупа людей, для всякого рода провокаций. Все средства были дозволены, поскольку они служили интересам монополий и экспансионистской политике США во всем регионе Восточного Средиземноморья и Балкан. Среди них первостепенное место отводилось фашизации общественной и политической жизни страны, разрушению политических сил, которые обнаруживали пусть только намеки к сопротивлению, провоци-

рованию беспорядков и созданию обстановки политической нестабильности в стране, организации саботажа, экономическому давлению и, наконец, всемерному укреплению реакционной военщины, которая готовила заговор против буржуазной демократии.

Вмешательство ЦРУ в общественную и политическую жизнь Греции приняло такие размеры, что дошло даже до организации политических преступлений, которые отравляли атмосферу и вели к диктатуре. Согласно секретному отчету американского военного атташе в Афинах полковника Маршалла, который был опубликован в афинской печати, горгопотамская провокация 29 ноября 1964 г.*, стоившая жизни 13 патриотам, была делом рук ЦРУ и местных неофашистов. В этом докладе, кроме того, говорилось, что «лица, принявшие участие в операции, получали подробные инструкции и действовали под строгим контролем американских агентов из КИП»⁵⁵.

Бывший руководитель КИП полковник в отставке А. Папатерпос, один из тех, кто хорошо знаком с деятельностью секретных служб, сказал о методах работы ЦРУ следующее: «ЦРУ способствовало свержению правительства Папандреу и фабрикации тонкой политической интриги, получившей название «дело Аспида». Оно всячески противилось устранению из КИП лиц, с которыми сотрудничало. ЦРУ продиктовало Папандреу осуществить решение о разделе Кипра»⁵⁶.

Еще один специалист в области разведки, бывший руководитель второго отдела командования армией генерал-майор в отставке П. Панургиас, подтверждая политические интриги ЦРУ и роль его в углублении кризиса, заявил: «Существовавшее тогда обострение обстановки ЦРУ использовало и искусственно нагнетало, продвигая через своих людей в Греции собственные планы»⁵⁷.

Среди местных агентов, которых ЦРУ использовало в Греции, первое место занимали члены хунты, ставшие впоследствии диктаторами. Г. Пападопулос, согласно самой достоверной информации и по признанию сотрудников ЦРУ, был старым и наиболее верным его агентом. Как заявил газете «Нью-Йорк таймс» В. Маркетти, Пападопулос поддерживал связи с ЦРУ с 1952 года, а среди военных, выполнявших его поручения, были Д. Иоан-

* Взрыв мины во время митинга, посвященного годовщине успешно проведенной участниками движения Сопротивления операции против гитлеровцев.

нидис и другие. Американцы испытывали такое большое доверие к агентурным и разведывательным способностям Пападопулоса, что после специального обучения в секретной разведывательной школе в США сразу определили его как наиболее подходящего кандидата в будущем на пост диктатора.

Бывший секретарь короля Константина Г. Цигандес в своих воспоминаниях писал, что один из сотрудников ЦРУ в Греции, который занимал пост первого секретаря американского посольства в Афинах, во время обсуждения политической ситуации в стране еще в 1964 году ценнично заявил: «Запомните полковника Пападопулоса. Он хорошо будет вами управлять»⁵⁸. С таким же упорством агенты ЦРУ пытались внушить мысль об особой ценности Пападопулоса офицерам армии. Полковник в отставке Д. Хондрокукис писал в этой связи, что в 1965 году один из старших американских офицеров спросил его, согласен ли он с тем, что «полковник Пападопулос обладает достоинствами для будущего руководства Грецией»⁵⁹.

ЦРУ стремилось наилучшим образом выполнить свою задачу. Оно содержало Пападопулоса как своего наиболее перспективного агента, одновременно внедрило его в ИДЕА и предоставило возможность находиться при королевском дворе, с тем чтобы он уверенно чувствовал себя среди генералов и дворцовых кругов и в подходящий момент мог вместе со своими сообщниками обеспечить участие этих кругов в полном подчинении Греции антинародным планам американского империализма.

* * *

Военное и политическое подчинение Греции американской стратегии сопровождалось ее экономическим закабалением.

Данные, которые стали известны о закулисной стороне «доктрины Трумэна», в достаточной мере разоблачают роль американского капитала как инициатора и проводника этой доктрины. Министр обороны США Форрестол писал в своем дневнике, что «доктрина Трумэна» увидела свет в результате неоднократных обсуждений международной обстановки и экономического положения Соединенных Штатов, происходивших в начале 1947 года между министрами Гарриманом, Маршаллом, Паттерсоном, Снейкером, Форрестолом и представителя-

ми крупнейших банков и промышленных объединений Олдриджем, Горденом, Ренцлером и др.⁶⁰

Американская газета «Санди Уоркер», рассказывая о заседании конгресса, который одобрил «доктрину Трумэна», писала в августе 1947 года: «В ходе последнего заседания конгресса крупным трестам удалось добиться одобрения целого ряда антинародных законов. Самой мудрой операцией считается успех семьи Морганов в связи с помощью Греции и Турции»⁶¹. Выступая по этому вопросу в греческом парламенте в декабре 1953 года, С. Венизелос сказал, что применение «доктрины Трумэна» американцы поставили в зависимость от предоставления возможности эксплуатировать энергетические богатства Греции американской компании «Эмбаско», которая является дочерним предприятием монополистического объединения Морганов⁶². Благодаря «мудрым операциям» «доктрины Трумэна» и преимуществам, которые предоставила местная реакция законом 1953 года о покровительстве иностранному капиталу, американским монополиям удалось захватить ключевые позиции в экономике Греции, завладеть богатыми источниками полезных ископаемых и широко эксплуатировать трудящихся.

Но монополистические и империалистические круги США, использовавшие Грецию в качестве одного из главных плацдармов для осуществления своих экономических и стратегических интересов, стали менять свою тактику тогда, когда увидели, что все их усилия сокрушить демократическое движение внутри страны терпят неудачу, когда НАТО дало трещину в связи с выходом Франции из его военной организации, когда рост национально-освободительного движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке стал угрожать потерей этого прибыльного и столь необходимого для экспансионистской политики нефтеносного района.

Старые парламентские и обычные террористические методы уже не могли на длительный срок сохранить господство американских монополий в Греции, которая, по выражению посла Соединенных Штатов в НАТО Х. Кливленда, «составляет не фланг, а сердцевину Атлантического блока». Поэтому монополистические круги США пустили в ход другую карту — фашистскую диктатуру. В этих целях в 1966 году в Афины прибыл посланец Пентагона — заместитель министра обороны США М. Нотон. Его миссия, как он заявил, заключалась в

«модернизации греческой армии». Эта «модернизация», однако, как показали последующие события, не означала ничего иного, как усилия проложить путь диктатуре. Во время пребывания Нотона в Греции был образован 7-й штаб психологической войны во главе с будущим диктатором Пападопулосом. И через некоторое время умножились провокации, взрывы бомб по всей стране, ускорилась подготовка к полной ликвидации парламентской демократии, а, в конце концов, предпочтение в осуществлении этих преступных целей было отдано самому близкому Пентагону и НАТО органу — воспитанным в духе фашистской идеологии полковникам малой хунты, которые находились на службе у американских секретных служб и были готовы выполнить волю своих местных и иностранных патронов.

Еще одним красноречивым свидетельством роли американского империализма и НАТО в поддержке диктатуры, в удушении свободы и независимости народов явились трагические события на Кипре.

Продолжавшийся ближневосточный кризис, ослабление позиций Израиля, дальнейший рост освободительного движения арабских народов и, наконец, уменьшение доходов многонациональных нефтяных монополий вызвали у американского империализма и НАТО серьезное беспокойство в связи с угрозой их интересам в этом районе и повысили внимание к Кипру. Того, чего они не смогли добиться при помощи интриг в течение семилетнего периода фашистской диктатуры, они решили достичь путем переворота 15 июня 1974 г. и последующим вторжением турецких войск на остров. Этими акциями империалистические и натовские круги стремились сбросить президента Макариоса, ликвидировать независимость Республики Кипр, разделить остров и превратить его в базу НАТО.

Реализация этих планов, выработанных генералом Иоаннидисом, агентом ЦРУ Коромом и штабом НАТО, была возложена на Национальную гвардию, в составе которой находились 1000 греческих офицеров и других посланцев хунты, и на подпольную террористическую организацию ЭОКА-2, объединявшую в своих рядах многих агентов ЦРУ и КИП.

Американский журнал «Ньюсуик» писал, что любые, даже малейшие сомнения в роли, которую сыграли агенты хунты в кипрских событиях, рассеялись после послания, направленного путчистами телеграфом грече-

скому режиму хунты. В этом послании они писали: «Операция «Президент» началась. Все развивается по плану». Французская «Монд» в статье, посвященной заговору против Республики Кипр, писала, касаясь роли американцев, следующее: «Редко ситуация представляется столь отчетливой. В Европе законное правительство свержается при помощи переворота., американцы приносятся невинными. Они оставляют убитую республику на милость своим наемникам в Афинах»⁶³. Спустя несколько дней «Нью-Йорк таймс» была более откровенной в отношении роли американского империализма в свержении президента Макариоса, когда писала, что правительственные круги США занимали «благоклонную позицию в отношении турецких акций на Кипре» и что турки «действовали при помощи американского оружия, которое им было предоставлено для этих целей НАТО»⁶⁴.

Эти факты в совокупности с упомянутыми ранее заявлениями руководящих кругов Североатлантического блока в пользу режима хунты, вместе с открытой и всесторонней поддержкой, которая была оказана этими кругами фашистской диктатуре на протяжении всего периода ее существования, не оставили ни у одного трезво мыслящего человека и тени сомнения в том, что греческая фашистская хунта была любимым детищем тех сил, которые сыграли решающую роль в ликвидации последних остатков демократии и в сохранении диктатуры в Греции на протяжении почти семилетнего периода.

Неоспорим тот факт, что американский генерал Гудпейстер, командующий вооруженными силами НАТО в Европе, назвал режим хунты в Греции «образцом» для всех стран — членов НАТО, а генеральный секретарь Североатлантического блока Лунс, поспешивший выразить свое личное удовлетворение изменениями, происшедшими в Греции в 1974 году, ранее не сказал ни слова против хунты и ее антинародных и антидемократических дел.

Поэтому и новые заявления представителей этих же кругов о «радости, которую испытывают» от устранения хунты, воспринимаются греческими патриотами как циничные насмешки и фарисейство. Эти лицемерные декларации оказались не в состоянии прикрыть ответственность кругов США и НАТО, напротив, они вызвали беспокойство демократической общественности как внутри страны, так и за рубежом в связи с дальнейшими уси-

лиями этих кругов вернуть Грецию в военную организацию НАТО и всеми способами удержать ее в качестве пленника этого лагеря войны и душителя свобод народов.

После свержения диктатуры в Соединенных Штатах и в Греции увидели свет разного рода документы и материалы, публикация которых имела целью убедить мир в том, что американский империализм не несет никакой ответственности за установление и сохранение у власти неофашистской хунты.

Сильные антиамериканские настроения греческого народа, вызывавшие серьезное беспокойство представителей американских монополий, и стремление проводить прежнюю политику в этом стратегическом пункте Средиземноморья вынуждали заокеанских политиков предпринять попытку переложить бесспорную ответственность официального Вашингтона на ЦРУ, которое якобы действовало независимо от Пентагона⁶⁵, либо на отдельных лиц — дипломатов Таска и Талбота, вице-президента США С. Агню или государственного секретаря Г. Киссинджера. Сами же руководители ЦРУ в лице бывшего начальника ее греческого филиала Д. Эма и др. пытались возложить ответственность на дипломатов⁶⁶, в то время как Талбот обвинял второй отдел Пентагона — ДИА (Дифенс интеллидженс айдженси)⁶⁷.

Однако ничто не может скрыть правду, которая заключалась в том, что ЦРУ и Пентагон, ДИА и дипломатические представители США в Греции были полномочными посланцами и доверенными лицами Белого дома, носителями и исполнителями агрессивной и антидемократической американской стратегии и тактики в Греции.

Решение об установлении диктатуры, как свидетельствуют документы, было принято совместно руководством ЦРУ, Пентагона и государственного департамента США. Согласно данным, преданным гласности М. Гайлдсом и опубликованным 15 мая 1967 г. в 1200 газетах США и других стран и никем не опровергнутым в последующем, в середине февраля 1967 года в Вашингтоне состоялось секретное совещание Совета национальной безопасности США. В этом совещании, писал М. Гайлдс, приняли участие руководящие деятели Пентагона, госдепартамента и ЦРУ, которые обсуждали различные аспекты готовившегося переворота в Греции. Как заявил тогда предшественник Киссинджера, специальный по-

мощник президента У. Ростоу, «результаты, к которым мы пришли или, возможно, к которым удалось прийти, связаны, безусловно, с будущим процессом развития событий в Греции (т. е. с переворотом хунты. — С. З.)»⁶⁸.

Тот факт, что позднее Соединенные Штаты отозвали своего посла из Афин и на какое-то время приостановили открытое обеспечение хунты оружием, не опровергает сказанного выше. Как косвенно признали сами политические представители США, американский посол был отозван не потому, что «зажег зеленый свет» полковникам хунты, а потому, что оказался неспособным замаскировать роль США в перевороте, успокоить демократическую общественность США и тех сенаторов, которые открыто выразили протест против американской политики в отношении переворота в Греции, притушить сильные антиамериканские настроения в греческом народе. Что же касается снабжения хунты оружием, то оно не только продолжалось тайно, с использованием иных каналов, но и неуклонно возрастало. И именно с этого момента началась неуклюжая фальсификация действительности и был брошен вызов чувствам народа несостоятельными и антиисторическими утверждениями некоторых официальных представителей из числа противников хунты о том, что в установлении диктатуры не несут никакой ответственности американцы и что «греческий народ, которому якобы присущи унаследованные от предков способность к преувеличению и поспешность в действиях, сам ответствен за свои судьбы»⁶⁹,

Империалистические круги настойчиво культивировали миф о якобы глубокой демократичности режима хунты.

Сами диктаторы так же, как в свое время их предшественники, фашистские руководители Германии и Италии, но в значительно большей мере сделали все возможное, чтобы режим, установленный силой танков, не был охарактеризован как фашистская диктатура. Хунта и ее сторонники стали на все лады трубить о том, что режим 21 апреля в Греции не является фашистским,

как как хорошо знали, какую ненависть и отвращение к фашизму испытывают греческий народ и мировая общественность. «Мы не фашизм, мы не нацизм», — очень часто подчеркивал в своих речах диктатор Пападопулос. В подтверждение этих заявлений приводились, как правило, утверждения о том, что хунта «не выступала как объединенная фашистская партия», «не имела вождя — фюрера» и «не имела своего мировоззрения»¹.

От простого отрицания фашистского характера режима с присущей фашистам наглостью диктаторы перешли к утверждению, что их режим не был и чисто тоталитарным. Чтобы сделать правдоподобным этот тезис, они, подобно бесноватому Геббельсу, считали, что могут спекулировать на революционных традициях греческого народа, и заявляли, что их переворот был «революцией», которая стремилась оздоровить общественную и политическую жизнь страны. Не отказываясь от этого основного пропагандистского лозунга в целях обмана греческой и мировой общественности, они стали утверждать затем, что режим, установленный 21 апреля 1967 г., был переходным на пути к учреждению подлинной демократии. Некоторые ограничительные меры, говорила клика Пападопулоса, принятые на первой стадии революции, имели целью выкорчевать гниль прошлого, чтобы «вылечить больной греческий народ» и создать условия для перехода к подлинной демократии. Подобную чушь с небольшими изменениями повторяла и новая клика хунты, которая унаследовала идеи Пападопулоса.

Путаница и неопределенность при характеристике диктаторского режима умышленно или неосознанно допускались некоторыми иностранными и греческими исследователями событий, политическими деятелями, которые придерживались и антидиктаторской линии. Одни из них в перевороте видели только простую смену власти с иностранной помощью, другие — попытку реакционных сил удержать массы дальше от вершины политической пирамиды. Швейцарский политолог Сиотис и проф. Нью-Йоркского университета С. Руссеас рассматривали диктаторский режим как обычную буржуазную диктатуру или смесь традиционного реакционного военного режима и тоталитаризма². Политические деятели Греции К. Караманлис, К. Мицотакис, П. Канеллопулос, Е. Авероф, Г. Маврос и др. считали его чисто тоталитарным режимом или режимом «со многими элементами тоталитаризма»

Некоторые политологи, игнорируя подлинное понимание фашизма и его нынешних форм, характеризовали режим хунты с некоторыми оговорками как обычную военную диктатуру. Н. Пуладжас пишет, что этот режим «имеет больше общего с военной диктатурой, чем с фашизмом в точном смысле этого слова»³. В. Филиас подчеркивает, что «ошибочно было бы характеризовать афинскую военщину как фашизм»⁴. Бывший проф. Афинского университета Х. Коризис в книге «Авторитарный режим» утверждает, что режим 21 апреля «не может быть охарактеризован как фашистский, поскольку он не включает основных черт фашизма»⁵.

Главные аргументы Коризиса и других авторов, придерживающихся тех же взглядов, сводятся к следующему: а) режим хунты не имел народной основы; б) не имел фашистской партии; в) пропаганда хунты была карикатурой фашистской пропаганды; г) режим не был диктатурой денежного капитала, ибо носители его были мелкобуржуазные, средние слои населения»⁶.

Антидиктаторские круги, такие как Всегреческое освободительное движение (ПАК) и Демократическая оборона, отмечали вред, который наносится путаницей в определении характера режима хунты, но они не дали научного, всестороннего анализа существа этого режима, не раскрыли его содержания. В проекте программы и в других документах ПАК диктатура характеризовалась как «мрачная форма оккупации нашей страны Пентагоном, США в рамках Атлантического блока в целях полного порабощения Греции»⁷ или «как маска американской оккупации»⁸.

Коммунистическая партия Греции на XI пленуме ЦК, созванном в июне 1967 года, охарактеризовала режим хунты как «фашистскую военную диктатуру наиболее реакционных кругов греческой плутократии, которая господствует по наущению и при прямой поддержке наиболее агрессивных кругов американского империализма и НАТО»⁹. Эта характеристика режима хунты была повторена КПГ и в заявлении ее Центрального Комитета в марте 1973 года. Такая же характеристика режима хунты давалась коммунистическими партиями Европы на совещании в Карловых Варах в 1967 году и в ходе последующих встреч делегаций этих партий с делегацией Коммунистической партии Греции.

В отличие от ясной и последовательной характеристики режима хунты, которая была дана основными поли-

тическими партиями рабочего движения Греции и других стран Европы, ряд левых антидиктаторских группировок занял одностороннюю позицию. Это еще больше усилило путаницу в очень важном вопросе о характере режима греческих полковников. Так называемое «внутреннее бюро», например, в заявлении 1968 года и на IX пленуме ЦК в 1969 году характеризовало режим 21 апреля как «диктатуру милитаристского, неофашистского типа наиболее реакционных кругов греческой монополистической олигархии, местного космополитического капитала, тесно связанного с крупными иностранными, преимущественно американскими, монополиями»¹⁰. Однако в более позднем заявлении в июне 1971 года «внутреннее бюро» уже не говорит о фашистской или неофашистской, а говорит просто о военной диктатуре, не объясняя причин изменения характеристики режима хунты. Некоторые представители ревизионизма, игнорируя основные черты фашизма и его особенности, которые проявляются сегодня в различных странах, не только не характеризуют диктатуру как неофашистскую, но без всяких оснований приходят к выводу, что «фашизм изжил себя... в силу внутренних законов развития государственно-монополистического капитализма на современной стадии научно-технической революции и современного соотношения сил в мире»¹¹.

Группировка ревизионистов, издававшая печатный орган «Агон», подвергнув критике непоследовательность и односторонность характеристики режима так называемого «внутреннего бюро» и подчеркнув существенное значение изучения характера режима для определения правильной линии антидиктаторской борьбы, в итоге заканчивает тем же выводом, что диктатура хунты представляла собой «продолжение правления буржуазных классов»¹². Далее эта группировка утверждает: «Не будучи фашистским с самого начала, переворот не стал таковым и спустя пять лет, так как и сегодня он не опирается на какую-либо народную базу»¹³.

Другая выступавшая с ревизионистских позиций совместно с «внутренним бюро» группировка, затем постепенно преобразованная в самостоятельную группу под названием «Хаос», утверждала, «что диктатура была чисто внешним явлением, так как власть хунты целиком опиралась на иностранный фактор и на государственный механизм — армию»¹⁴.

Называющие себя марксистами-ленинцами и другие левацкие малочисленные группировки — маоисты и троцкисты характеризовали режим хунты как фашистский, но целиком отождествляли его с предшествующим парламентским режимом. По их утверждению, режим хунты в Греции был «завершением фашистского, продажного, проамериканского режима»¹⁵, существовавшего в стране ранее, и серьезно не отличался от него, потому что «режим монополистического капитализма является фашистским, в какой бы форме он ни проявлялся»¹⁶.

Возможно, на первый взгляд полемика вокруг характеристики режима хунты покажется сегодня беспредметным исследованием далекого прошлого или пустым спором о терминах. Но это не так.

Вопрос этот связан с проблемой глубоких социальных и политических причин, породивших диктатуру, с четким определением ее социальных корней и, наконец, с указанием виновных — не только непосредственных участников преступления 21 апреля, но и духовных вдохновителей его — всех, кто своими делами и политикой способствовал продвижению и укреплению неофашизма в Греции. Необходимость привлечь к ответственности за это преступление всех виновных вызывается национальным требованием устранить возможность появления аналогичных опасных ситуаций. Одновременно это поможет создать предпосылки, которые откроют путь к подлинной демократии в стране.

ФАШИЗМ И НЕОФАШИЗМ

Прежде чем анализировать характер режима хунты, необходимо, с нашей точки зрения, указать, хотя бы вкратце, основные положения, характеризующие фашизм: что такое фашизм, как и когда он возник в прошлом и каковы особенности его сегодня.

Фашизм — это общественное явление, возникшее после первой мировой войны, в условиях обострения кризиса империалистической стадии развития капитализма. Фашизм должен был укрепить классовое господство крупной буржуазии и не допустить революционных социальных перемен.

В период между двумя мировыми войнами фашистская диктатура была установлена в ряде стран, в том

числе в Греции, чтобы сломить революционное, демократическое и национально-освободительное движение и разрушить организации рабочего класса, подготовить агрессивные войны, и прежде всего нападение на первую страну социализма — Советский Союз, являющийся оплотом трудящихся всего мира. Установление фашистской диктатуры в разных странах продемонстрировало слабость класса буржуазии, его неспособность обеспечить свое господство парламентскими средствами. В то же время оно свидетельствовало о недостаточной силе и готовности рабочего класса и его союзников противостоять наступлению фашизма.

По своей сущности фашизм не является надклассовой государственной властью, которая будто бы стоит над двумя основными классами — пролетариатом и буржуазией, как утверждали в прошлом О. Бауэр и другие социологи. Не является он и неким мелкобуржуазным движением, восстанием негодующих мелкобуржуазных слоев, которое привело к захвату власти, как заявлял английский социалист Брейлсфорд. Фашизм, согласно классическому определению, которое было дано международным революционным движением и взято на вооружение всеми прогрессивными учеными и социологами, является открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, шовинистических, империалистических группировок финансового капитала.

Фашизм не является простой сменой у власти одной буржуазной партии другой, он полностью меняет форму классового господства буржуазии. Буржуазная демократия заменяется другой формой буржуазной власти — открытой террористической диктатурой реакционной части плутократической олигархии.

С учетом экономических, социальных и политических условий в каждой стране фашизм проявляет себя в различных формах. Если в Италии и Германии он опирался на массовые партии, то в других странах (Венгрии, Болгарии, Польше, Греции и др.) он захватил власть при помощи наиболее милитаристской части военщины и реакционных политических кругов. В одних странах был немедленно ликвидирован парламент и запрещена деятельность всех политических партий (Польша, Греция), в других — сохранялись некоторые формы парламентаризма, которые наполнялись откровенно фашистским содержанием (Германия и др.). В одних условиях еще до захвата власти фашистам при помощи демаго-

гии удавалось привлечь на свою сторону наиболее отсталые в политическом отношении мелкобуржуазные и рабочие массы (Германия), в других условиях, захватив власть путем переворота, они пытались посредством насилия и демагогии сплотить вокруг себя массы и завоевать народную поддержку (диктатура 4 августа 1936 г. в Греции).

В некоторых странах во главе фашистских режимов и партий стояли еще до установления диктатуры (Италия, Германия) относительно сильные руководители, в других — ничтожные личности, опираясь на военную клику, захватили власть (Болгария, Польша, Греция), а затем уже стремились выбиться в вожди.

Иными словами, фашизм до второй мировой войны захватывал власть, не имея опоры в народе, а затем пытался завоевать на свою сторону широкие общественные слои при помощи государственного и террористического механизма. Это, однако, как подчеркнул Г. Димитров, не меняет его характера и, более того, не должно вызывать никакого самообмана и благодущия¹⁷.

Устанавливая фашистскую диктатуру 4 августа 1936 г. в Греции, И. Метаксас использовал терпимое отношение короля и поддержку буржуазных партий, но главной опорой его была не партия, которой в общепринятом смысле и не существовало, а наиболее реакционная часть греческой военщины. Метаксас не пользовался поддержкой масс, не имел организационно оформленной, обладавшей опытом фашистской партии и подготовленного аппарата. Избитыми лозунгами он прикрывал отсутствие цельной идеологии. Захватив власть, террором и демагогией он пытался перетянуть на свою сторону народные массы, предстать перед ними «спасителем нации» и создать идеологическую надстройку под лозунгом «третьей греческой цивилизации».

Во всех случаях цель фашизма оставалась той же — всеми средствами обеспечить интересы монополистических кругов.

Методы, которые использовались для реализации этой цели, с незначительной разницей были в основном одинаковыми: безудержный кровавый террор, беспардонная демагогия и циничная ложь. В годы фашизма, в предвоенный период и во время войны, которую он развязал во имя интересов империалистов, свыше 26 млн. человек были брошены в лагеря смерти и 11 млн. человек были уничтожены в крематориях. Всего за этот период более

54 млн. человек было убито, свыше 90 млн. ранено и 28 млн. изувечено.

Фашизм, как подчеркнул один из героев-антифашистов Юлиус Фучик, состоял не только из тюрем, концентрационных лагерей и виселиц, представлял собой не только кровавый террор и физическое порабощение людей. Он стремился поработить человеческое мышление, растоптать идеи и убеждения, которые рассматривал как угрозу фашистскому режиму и, следовательно, самим капиталистическим устоям. Фашизм как порождение капитала в своем стремлении к упрочению господства был готов использовать любые средства — от грубой силы до систематического идеологического одурманивания масс.

Идеология фашизма, несмотря на вариации в различных странах, имела определенные общие черты. Основываясь на яром антикоммунизме и крайнем национализме, она культивировала расизм и ненависть к людям труда, фанатизм и суеверие. Вместе с тем носители этой бессистемной, антинаучной и антигуманной идеологии использовали демагогические лозунги в целях обмана масс.

Ловко используя в своих целях горячее стремление народов к процветанию и прогрессу, фашистские идеологи раздували шовинизм и утверждали, что только фашизм способен добиться достижения этих целей и защитить национальные интересы. Они учитывали страх и беспокойство мелкобуржуазных масс перед социальными волнениями и давали обещания обеспечить «порядок и безопасность». Они не стеснялись использовать социалистические лозунги там, где не считали это опасным. При этом учитывалось тяготение трудящихся к социализму. С другой стороны, они принимали во внимание нужды и требования трудящихся и их антикапиталистические настроения и обещали улучшение условий жизни и устранение классовых антагонизмов.

Довоенный фашизм стал для народов синонимом преступления и неограниченного насилия, национального предательства и грабежа, развращенности и обнищания, безудержной демагогии и идеологического оболванивания. Хотя фашизму и удалось захватить власть в ряде стран при помощи и поддержке наиболее сильных монополистических кругов, мировой опыт показал, что победа его отнюдь не была неизбежной. Он сумел

навязать народам свою кровавую тиранию, потому что рабочий класс в этих странах из-за политики сотрудничества с буржуазией, которой следовали лидеры социал-демократии, очутился перед лицом наступления реакции политически разоруженным и расколотым. Фашизм временно победил в различных странах Европы и потому, что рабочий класс оказался изолированным от своих естественных союзников и не сумел создать боевой, антифашистский, демократический фронт, так как чернорубашечники, нацисты и другие фашисты увлекли за собой, пользуясь демагогией, значительные мелкобуржуазные слои, особенно крестьянство, молодежь и люмпен-пролетариев. Мешали проведению борьбы против фашистской угрозы в довоенный период и ослабляли эту борьбу ошибки левых прогрессивных сил, недооценка ими фашистской опасности и слабая массовая идеологическая и политическая работа среди крестьян и мелких собственников города, среди молодежи и наиболее отсталых слоев населения, да и в самом рабочем классе.

Борьба, возглавляемая советским народом и его Вооруженными Силами, привела в ходе второй мировой войны к разгрому фашистского чудовища в его логове, она принесла спасение человечеству от безмерных страданий. Несмотря на военное, политическое и идеологическое поражение фашизма, несмотря на то что фашизм стал для людей наиболее ненавистным общественным явлением, он не исчез полностью как политическое движение и в наши дни продолжает угрожать народам новыми авантюрами.

Господствующие классы в некоторых странах (Испании, Португалии) при поддержке империализма сумели сохранить фашистский строй в течение длительного времени. При полном попустительстве и даже солидарности крупных капиталистических стран антигитлеровской коалиции (США, Англии) фашизм очень быстро стал вновь собирать и перегруппировывать остатки своих сил там, где корни его были глубже, прежде всего в Италии и ФРГ, начал активизировать свои действия в ряде других стран (Франции, Австрии, Нидерландах и т. д.), сумел при помощи оружия НАТО и зарубежных секретных служб захватить власть в Греции, а позднее — в Чили и показал, что фашистская опасность и сегодня является для народов реальностью.

Фашизм, причинивший человечеству неисчислимые

бедствия, сегодня вновь воскрешается силами, которые заинтересованы в том, чтобы держать его в качестве запасного варианта на случай необходимости. Как социальное явление, как неотъемлемая часть империализма, фашизм, как и причины, его порождающие, продолжает жить, приспособливаясь к новой обстановке, развивается и обновляется.

Многие социологи, историки и публицисты мира, занимавшиеся в последнее время изучением фашизма, сделали верные оценки. Однако наряду с правильными утверждениями в ряде работ можно обнаружить и попытки извращения его классового характера. Некоторые авторы пытаются представить фашизм как движение бунтующих мелкобуржуазных масс, не связанных с финансовой олигархией и монополиями. Другие объясняют его как изолированное выступление военщины или как попытку отдельных личностей, одержимых манией величия, навязать свою волю и продемонстрировать силу. Нашлись и такие, кто с университетских кафедр или в печати, умышленно закрывая глаза на суровую действительность, представляет фашизм как «крайность», «случайность» или «преходящее явление», как не способный возродиться организм.

В течение почти всего послевоенного периода значительная часть западных ученых недооценивала опасность фашизма и выдвигала тезис о том, что это проклятие как общественное явление уже уничтожено, что при нынешнем соотношении политических сил в Европе у него нет никаких надежд на успех. Западногерманский историк Г. Нотле, например, в книге «В эпоху фашизма» утверждает, что фашизм в качестве определенной формы тоталитаризма представляет собой такое политическое явление, которое появляется только однажды. Поскольку же обе фашистские разновидности — итальянский фашизм и германский национал-социализм — силы, порожденные своей эпохой, были уничтожены, то больше не существует оснований для их возрождения.

Фашизм, однако, не только полностью не устранен как угроза, но в наши дни существует в обновленном виде и имеет свое собственное лицо — неофашизм. Неофашизм по своей классовой сущности, главным направлениям, целям и применяемым средствам не отличается коренным образом от довоенного фашизма. Однако как общественное явление нашего времени он имеет и свои

особенности, в частности это касается поддерживающих его социальных сил, тактики и идеологии. Неофашизм — это фашизм нашей эпохи, эпохи обострения кризиса империализма, развития научно-технической революции и коренных изменений в соотношении сил в мире в пользу социализма и общественного прогресса.

Империализм в нашу эпоху активно использует в своих интересах методы государственно-монополистического капитализма. Поскольку при помощи только этих методов становится все труднее решить возрастающие социальные проблемы и вывести капиталистическую систему из глубокого кризиса, поскольку усиливается наступление на демократические права и свободы трудящихся, империализм все чаще прибегает там, где, конечно, позволяют условия, к последнему своему средству — к помощи неофашистских сил. Эти силы, как и раньше, вскармливаются и укрепляются монополистическими, финансовыми кругами, чьи интересы они представляют и в пользу кого действуют. Крупный капитал сегодня, как и в прошлом, делает ставку не только на неофашистов. Он укрепляет и выдвигает на авансцену традиционные консервативные и реакционные силы буржуазии. С этими силами он устанавливает тесные политические связи, чередует их пребывание у власти, обновляет, если нужно, методы их деятельности и только тогда, когда видит, что дальнейшее использование их становится невозможным, когда убеждается, что не остается иного пути для обеспечения своих интересов, тогда он прибегает к открытому наступлению на народные свободы, упраздняет традиционные методы буржуазного парламентаризма и при помощи неофашистов устанавливает террористическую диктатуру.

При всех условиях и в случае, когда у власти консервативные силы и когда власть захватывают неофашистская военщина или неофашистские партии, монополистические финансовые круги руководят и направляют деятельность своих ставленников закулисно. Они составляют главную опору строя, но почти никогда сами открыто не участвуют в работе правительства. Но это ни в коем случае не меняет классового характера буржуазной парламентской демократии или фашистской диктатуры. Хотя массовой опорой буржуазных консервативных партий, так же как и фашистских движений, являлись не только несколько сот семей правящих классов, но и наиболее отсталые слои крестьян, городской

мелкой буржуазии и рабочих, это, в свою очередь, не меняет коренной сути фашизма или неофашизма. Он остается выразителем интересов монополий, железным кулаком, созданным для подавления демократического и рабочего движения. В этом первостепенной важности вопросе у фашизма и неофашизма нет абсолютно никаких различий.

Неофашизм, однако, по сравнению с фашизмом довоенного времени имеет и свои особенности. Прежде всего в результате обострения кризиса империализма, банкротства фашизма как политической системы и идеологии в итоге второй мировой войны у фашистского движения значительно сузилась массовая база. Реакционным силам стало намного труднее выступать вместе с явно фашистскими партиями. Там, где сохраняются глубокие корни фашизма (Италия, ФРГ), появились послевоенные неофашистские партии с открытыми или замаскированными неофашистскими лозунгами, которые стремятся к установлению кровавой диктатуры местного и иностранного монополистического, финансового капитала. В других странах, особенно в тех из них, где демократические традиции более сильны и относительно большее развитие получило рабочее движение, реакционные монополистические и империалистические круги пытаются добиться тех же результатов другим путем, опорой на международные и местные милитаристские круги и секретные службы империализма.

Итак, в настоящее время на авансцену политической жизни все решительнее выдвигаются круги военщины, которые представляют наиболее реакционные неофашистские политические силы. Эти круги пытаются захватить власть, не имея зачастую никакой опоры в массах, а затем силой оружия и демагогией пробуют привлечь на свою сторону политически и идеологически отсталые слои населения.

В отличие от прошлого, неофашизм не может рассчитывать на успех при поддержке только местных реакционных сил. Поэтому он прибегает к помощи агрессивных империалистических кругов, которые всегда готовы поддерживать самые реакционные элементы любой страны, если речь идет об обеспечении их собственных интересов и реализации агрессивных захватнических планов. Таким образом, неофашизм становится орудием неокOLONиализма, проводником империалистической политики всемирного господства и экспансии.

В политической сфере неонацизм проявляет себя более гибким по сравнению с фашизмом, особенно в период, предшествующий захвату власти. Насколько это возможно, он пытается скрыть свое подлинное лицо под маской консервативной партии, отстаивает демократию и, конечно, говорит об «уважении» буржуазных парламентских институтов, об их «оздоровлении». В условиях, когда создание массовых и явно неонацистских партий представляется затруднительным, неонацистские силы активизируют свою террористическую деятельность и готовят опытных профессиональных исполнителей. В некоторых странах (ФРГ, Италия) мы обнаруживаем, что парламентская деятельность у них переплетается с террористическими, преступными актами.

Имеются особенности и в идеологии неонацизма. С одной стороны, эта идеология сохраняет главные черты идеологии фашизма — ярый антикоммунизм и шовинизм, расизм и ненависть ко всему прогрессивному. а с другой — попытки скрыть свое подлинное лицо под псевдodemократическими лозунгами и призывами защиты «европейского единства», «сохранения культурных ценностей» от «вульгарного материализма» и «экономического детерминизма».

Относительно новым моментом в идеологии и тактике неонацизма является сближение, по крайней мере во внешнем его проявлении, с идеологией и тактикой левых группировок. Как неонацисты, так и левые группы на основе безудержного антисоветизма пытаются клеветать на Советский Союз, принизить его огромный вклад в борьбу народов за международную разрядку, за мир, демократию и социальный прогресс. Оба эти течения используют в качестве основных методов своей деятельности провокации и изолированные террористические акции, которые подрывают единство трудящихся в борьбе за их права.

Неонацизм, получая щедрую поддержку от местной плутократической олигархии и империализма и используя насилие в сочетании с безудержной демагогией, представляет собой реальную угрозу народам. Но победа его нигде не является неизбежной. Изменение соотношения сил в мире в пользу социализма и прогресса, бесспорные успехи социалистического содружества и прогрессивных сил нашей планеты в реализации принципов мирного сосуществования, подъем борьбы народных масс в защиту своих прав и демократии составляют

серьезную преграду на пути осуществления планов империализма и его наиболее ретивых политических деятелей.

Для того чтобы предотвратить опасность неофашизма, требуется, как это подтверждает современная мировая практика, обеспечить боевое антифашистское единство трудящихся и всех демократических сил, неустанная бдительность, настойчивая борьба против фашистской идеологии, в какой бы форме она ни проявлялась и под какой бы оболочкой ни скрывалась, вести борьбу за расширение и упрочение демократии. На основе анализа характерных особенностей фашизма и неофашизма в мировом масштабе приступим к исследованию характера режима греческой хунты.

* * *

Прежде всего следует подчеркнуть несостоятельность аргументов пропаганды хунты, утверждавшей, что режим не являлся фашистским, поскольку не имел заранее созданной партии и общепризнанного лидера.

Как уже указывалось, истории известны случаи, когда находившаяся в меньшинстве военщина устанавливала обслуживавший монополистические круги режим военной диктатуры, не имея ни массовой партии, ни лидера, пользовавшегося популярностью в народе. Достаточно соответствующего соотношения классовых сил и ряда объективных предпосылок, чтобы перепуганный правящий класс вверил свою судьбу, пусть временно, наиболее реакционным милитаристским кругам. Именно так произошло в Греции, где из-за тяжких лишений и испытаний, выпавших на долю народа в период фашистской диктатуры 1936—1940 годов и гитлеровской оккупации 1941—1944 годов, народ ненавидел фашизм. Фашизм не мог получить опоры в греческом народе, как не могла бы получить поддержки ни одна партия, которая вышла бы на политическую арену с открытыми или даже закамуфлированными фашистскими лозунгами. Нечто подобное произошло позже и в Чили.

Таким образом, аргументы хунты являются не чем иным, как жалкой попыткой скрыть свое подлинное лицо и роль своих высоких покровителей. Впрочем, последующие действия хунты, ее попытки выдвинуть Пападопулоса как «сильную личность», которая «спасла Грецию» и вернула ей «прежнее величие», concentra-

ция всей полноты власти в его руках, отчаянные попытки создать единый политический организм, который служил бы и целям режима, опровергали утверждения лидеров хунты и их борзописцев о характере режима и вынудили их самих перенести акценты в своей пропаганде на другие лозунги.

Хунта пыталась ввести в заблуждение общественное мнение лозунгом о якобы революционном характере диктатуры, о схожести переворота с движением 1909 года в Гуди*. Но и этот лозунг не мог найти отклика в массах, поскольку не имел ни научной, ни исторической основы.

Как известно, революция означает коренные изменения в экономической, социальной и политической сферах, то есть ломку прежней общественно-экономической системы и переход власти от одного класса к другому. Диктатура хунты означала лишь изменение формы государственного управления (ликвидация парламента, политических партий и т. п.), но не влекла за собой коренных социальных изменений. Власть монополий не только оставалась нетронутой, но стала еще прочнее, а эксплуатируемые классы подвергались еще большей эксплуатации.

Не было никакой связи между переворотом хунты и движением 1909 года. Если в 1909 году восходящий в ту пору класс буржуазии, несмотря на все колебания и нерешительность, стремился добиться расширения и укрепления демократии, оздоровления общественной жизни от пороков коррупции и разложения, то переворотом 21 апреля наиболее реакционные монополистические круги и иностранный империализм, переживавшие глубокий кризис, стремились укрепить свою власть путем ликвидации всех демократических порядков.

Это различие очень верно подмечено рядом исследователей¹⁸. Если хунта опиралась на силы вне страны, действовала обманом и считала народ незрелым, «пригодным только к пребыванию в гипсе», то «Военный союз», возглавлявший движение 1909 года, опирался на поддержку народа. Если для ИДЕА и хунты коммунизм был смертельным врагом, а союзниками — королевский двор и привилегированные классы, то руководители дви-

* В 1909 году группа восставших офицеров в военном лагере Гуди (район Афин) потребовала демократизации политической жизни страны.

жения 1909 года, напротив, считали эти круги своими врагами. И если, наконец, первые провозгласили — «чем правее, тем лучше», то вторые на своем знамени начертали — «чем ближе к народу, тем лучше».

Лживость другого модного лозунга хунты о «глубоком переходе к режиму подлинной демократии» убедительным образом продемонстрировала сама хунта своими практическими делами, о которых подробно будет рассказано далее (см. гл. IV).

Положения о «тоталитарном режиме» или режиме с «элементами тоталитаризма», которые отстаивает ряд социологов и политических деятелей Греции, являющиеся применением к условиям нашей страны империалистической теории «тоталитаризма», которой, по существу, вуалируется действительный характер диктатуры хунты.

В соответствии с реакционной теорией «тоталитаризма» при тоталитарных режимах, которыми являются диктатуры крайне правых и крайне левых, господствуют насилие и деспотизм, в то время как при буржуазной парламентской демократии, являющейся идеальным государственным режимом, существует «действительная свобода и демократия». Иными словами, власть рабочего класса и других слоев трудящихся масс, которая представляет высшую форму демократии, согласно этим концепциям, уподобляется кровавой фашистской диктатуре, социалистический строй характеризуется как антидемократический, а режим буржуазного парламентаризма — как истинная демократия.

Буржуазные ученые и консервативные политические деятели, которые применяли эти концепции к обстановке, сложившейся в Греции, и характеризовали диктатуру хунты как «тоталитарный режим крайне правых сил», рассматривали вопрос о тирании хунты только под углом зрения государственной власти и правовых принципов, но не исследовали эту проблему в тесной связи с экономическими и социально-политическими условиями, приведшими хунту к власти и поддерживавшими ее. Тем самым замалчивался социальный характер власти, служившей наиболее реакционным местным и иностранным монополистическим кругам. Кроме того, такой подход давал возможность смягчать ответственность буржуазного политического мира за создание благоприятного для установления фашистской диктатуры климата и позволял сеять в народе ложные представления, что, в отличие от «двух крайностей», только умеренные бур-

жуазные силы якобы являются лучшей гарантией демократии.

Весь международный и греческий опыт свидетельствует об обратном — буржуазные консервативные или либеральные круги в прошлом не только не защищали демократию, а, напротив, подрывали и готовили ее гибель. Некоторые социологи и представители старых буржуазных партий пытались умышленно стереть из памяти народа уроки истории, чтобы и дальше пользоваться оружием антикоммунизма и выдвинуть своих представителей на роль наиболее подходящих и единственных преемников режима хунты.

Одностороннее толкование режима хунты допускают и те, кто характеризует его только как творение зарубежных сил, как режим американской оккупации. При этом снижается или затушевывается роль местной олигархии в поддержке диктатуры, в известной степени лишается социального смысла антидиктаторская борьба и не подчеркивается в должной мере вопрос об условиях, которые должны быть созданы, чтобы страна вновь не оказалась в таком положении, которое привело к диктатуре хунты.

Ту же ошибку повторяли и некоторые представители антидиктаторского движения, которые, стоя на левых позициях, характеризовали режим хунты как военную диктатуру или рассматривали внешний фактор изолированно, в отрыве от внутреннего фактора — местной олигархии и проводимой ею политики.

Те, кто утверждал, что диктатура хунты была единственным продолжением власти класса буржуазии, игнорировали тот факт, что диктатура не являлась обычной заменой одного реакционного правительства другим, а была коренным изменением государственной формы классового господства буржуазии — заменой парламентской демократии террористической диктатурой наиболее реакционных монополистических и милитаристских кругов. Хунта не отстранила одну буржуазную партию, чтобы привести к власти какую-либо другую, а запретила деятельность всех политических партий и парламента, упразднила все буржуазно-демократические свободы, а затем стремилась к ликвидации или полному извращению смысла демократических институтов, к ограничению и полному разгрому рабочего движения, к укреплению власти местной олигархии, к обслуживанию интересов иностранного капитала.

Не менее опасны утверждения ревизионистов, что режим хунты не был фашистским, потому что не имел и не стремился заручиться поддержкой народа. Все, кто отстаивает подобные взгляды, повторяют с незначительными изменениями утверждения апологетов хунты, а главное, забывают, что и в прошлом существовали фашистские режимы, которые не имели опоры в народе, что силы, которые приводили эти режимы к власти, в известной степени в дальнейшем добивались необходимого влияния в массах. Они отлично понимали, что только террором и социальной демагогией невозможно долго продержаться у власти.

Придерживающиеся указанных ошибочных взглядов выдвигают и такой аргумент в пользу отрицания фашистского характера хунты, что она не пользовалась влиянием среди мелкобуржуазных слоев населения. Но при этом делается ошибка, подобная той, которую допускали до войны некоторые представители левого движения в Европе, характеризовавшие фашизм как мелкобуржуазное движение. Действительно, фашизм довоенного времени находил почву главным образом среди мелкобуржуазных слоев. Однако, как подчеркнул VII конгресс Коммунистического Интернационала, это не означает, что фашизм был мелкобуржуазным движением, он был органом насилия наиболее агрессивных монополистических кругов. Он не выжидал, чтобы вначале привлечь на свою сторону мелкобуржуазную массу, а затем захватить власть. Когда обострялись до предела социальные противоречия и олигархия оказывалась не в состоянии методами парламентаризма держать в узде трудящихся, она прибегала к установлению фашистской диктатуры и впоследствии всеми средствами стремилась создать для фашизма необходимую опору в народе, если это не было сделано заранее. Этот процесс, с некоторыми отклонениями, можно наблюдать в различных странах и сегодня. Опасность этих взглядов состояла в том, что возобладание их могло породить самообман, вредную самоуспокоенность народных масс и привело бы антидиктаторское движение на гибельный путь недооценки работы в массах, вызвало бы пассивность и ослабило бы разоблачение несостоятельности пропаганды и демагогии неофашизма.

Абсолютно ошибочными были ревизионистские взгляды о том, что на современной стадии развития государственно-монополистического капитализма и научно-тех-

нической революции не может существовать фашистской опасности и, следовательно, диктатура не может характеризоваться как неофашистская. Как показал пример не только Греции, но и других европейских стран (ФРГ, Италии и др.), где государственно-монополистический капитализм и научно-техническая революция находились на значительно более высокой стадии развития, и как показал недавний пример Чили, империализм становится все более реакционным, цинично попирающим все демократические права. Эта тенденция в последнее время становится преобладающей. Там, где эксплуататоры, оставаясь в рамках буржуазной демократии, не в состоянии удержать власть, они прибегают к фашизации общественной и политической жизни и к установлению террористических режимов фашистского типа. На Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году было подчеркнуто, что империализм в борьбе против рабочего движения все чаще прибегает к попранию демократических прав и свобод, использует открытое насилие и грубые методы полицейского террора.

Представители экстремистских группировок, характеризовавшие режим хунты как завершающий предыдущие «фашистские неоколониалистские режимы», повторяли ту же ошибку, которую допустили некоторые левые круги до VII конгресса Коминтерна. Исходя из того, что любой режим власти буржуазии основывается на насилии, эти круги называли его фашистским.

Как прошлое, так и настоящее свидетельствуют о том, что все буржуазные режимы опираются на насилие, разница состоит лишь в степени и форме проявления насилия, выступающего иногда в совершенно неприкрытой форме. И все же случаи открытой фашистской диктатуры можно перечислить по пальцам. Для характеристики режима как фашистского недостаточно насилия, которое, особенно в сегодняшних условиях, может скрываться под покровом невидимой густой сети правового, управленческого и психологического механизма террора. Фашизм, безусловно, является наиболее реакционной диктатурой олигархии, но мы не можем каждый реакционный режим называть фашистским только потому, что он использует насилие в качестве своего главного орудия. Тот, кто любой режим насилия характеризует как фашистский, ставит клеймо фашизма на каждое буржуазное правительство, на каждую буржу-

азную партию, использующих методы насилия в интересах своего класса, тот мешает народным массам отделить фашизм от обычной диктатуры господствующего класса, тормозит сплочение всех антифашистских сил, создает путаницу и в конечном счете ослабляет антифашистскую борьбу.

Для того чтобы дать правильную оценку диктатуры хунты, необходимо рассматривать ее как конкретное историческое и общественное явление, то есть исследовать внутренние и внешние условия, которые ее породили, выделить основные цели и методы, которые она использовала, и, главное, определить социальные силы, поддерживавшие ее. Исходя именно из этих задач, прогрессивные силы Греции и других стран Европы, по нашему мнению, дали полную и действительно научную характеристику режиму греческой хунты. Эта характеристика оставалась верной и не утратила своей злободневности и тогда, когда диктатура хунты превратилась в президентскую диктатуру и когда некоторые военные были выведены из состава правительства и оно само стало рядиться в «политическую мантию», и позднее, когда другая группировка похвалялась, что ликвидировала чрезвычайные полномочия первого диктатора и вывела всех военных из состава правительства.

ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАШИСТСКИЙ ХАРАКТЕР РЕЖИМА

Что дает нам основание говорить о режиме хунты как сугубо неофашистской, военной диктатуре?

Прежде всего основой для подобной характеристики служит анализ причин переворота 21 апреля и установления диктатуры. Как мы уже подчеркивали, послевенные события в Греции показали, что все методы насилия, применявшиеся в рамках парламентаризма местной реакцией и ее зарубежными покровителями для сокрушения демократического движения и укрепления своей власти, попытки разрешить социально-политические противоречия старыми приемами оказались тщетными, и тогда эти силы решили прибегнуть к крайней

мере — ликвидации буржуазной демократии и установлению фашистской диктатуры.

Далее, цели, которые поставила перед собой хунта. Диктаторы трубили на все лады, что переворот 21 апреля был совершен во имя спасения страны от коммунизма и оздоровления политической жизни. Действительные их цели были совершенно иными. При помощи диктатуры местные и иностранные монополистические круги и их марионетка — хунта хотели подавить демократическое движение за обновление греческого общества, обеспечить необходимые предпосылки для безудержной эксплуатации трудящихся страны, за счет интересов народа решать внутренние проблемы, закрепить позиции американского империализма и НАТО в Греции в целях бесконтрольного использования ее территории как плацдарма для своих авантюристических планов и образца, который может быть применен и в отношении других стран — членов Североатлантического блока.

Эти цели, возможно, более ограниченные, были присущи плутократической олигархии и представляющим ее политическим силам и до переворота. В таком случае, что же именно придает фашистский характер диктатуре хунты? Прежде всего методы, средства, которые использовались для достижения указанных целей. Эти средства далеко выходят за пределы буржуазной парламентской демократии и являются точным воспроизведением методов довоенного фашизма или сочетанием тактики довоенного фашизма и послевоенного неофашизма.

Массовые аресты, содержание в тюрьмах и концентрационных лагерях тысяч демократов, зверские убийства патриотов, роспуск парламента и запрещение деятельности всех коммунистических партий и демократических организаций, недопущение любой профсоюзной активности и ликвидация всех прав, которые трудящиеся завоевали в тяжелой и длительной борьбе, составляют слепое повторение, пусть даже в миниатюре, тех средств, которые применяли предшественники и «учителя» полковников в фашистской Италии и гитлеровской Германии, в франкистской Испании или при диктатуре Метаксаса, для того чтобы сокрушить рабочее и демократическое движение. Псевдопарламент и консультативный комитет Пападопулоса явились совершенной копией соответствующих органов Муссолини, а различ-

ные законодательные акты хунты позаимствованы из дополнительных * законов Франко.

Временная ликвидация концентрационных лагерей диктатором Пападопулосом, частичная амнистия, ликвидация монархии и шумная кампания вокруг «политизации» и «глубокой демократизации» были не чем иным, как попыткой сочетать старые фашистские методы с новой, приспособленной к нынешней эпохе неофашистской тактикой. Во времена Гитлера буржуазная демократия безжалостно крушилась нацистским топором. Сегодня она режется на части тонкой бритвой, на которой стоит штамп заатлантической «западной демократии». Прежде общая обстановка и внутреннее соотношение сил позволяли держать над головами коммунистов и других демократов фашистский топор, постоянно угрожая физической расправой. Сегодня, сталкиваясь с сопротивлением внутри страны и давлением международной солидарности, неофашизм вынужден менять тактику: временно закрывать концентрационные лагеря, порой предоставлять амнистию, «прикрывать» фашистский террор пухлыми томами законодательных актов, которые, по существу, являются невидимым механизмом психологического насилия, охватывающим все слои населения всех возрастов, включая детей.

Дополним характеристику фашистского режима хунты еще одним доводом — портретами заправил хунты.

Как в существующих неофашистских движениях ряда стран, так и в Греции основное ядро хунты в армии, органах безопасности, секретных службах и в различных организациях реакционного толка составляли оставшиеся с довоенного времени фашисты, лица, сотрудничавшие с гитлеровскими оккупантами, и представители неофашистской военщины, которые в школах НАТО и в разведывательных службах США были воспитаны в духе «холодной войны» и ярого антикоммунизма.

Диктатор Пападопулос, по сообщению западной печати¹⁹, во время второй мировой войны служил в «охранных батальонах» под командованием полковника Куркулакоса, которому в период хунты бывший подчиненный даровал должность директора Аграрного банка с огромным окладом в 130 тыс. драхм в месяц. После

* Совокупность законодательных актов, принятых после гражданской войны и составляющих основной закон франкистского режима.

войны Пападопулос обучался в школе военной разведки НАТО и, по заявлению заместителя директора ЦРУ В. Колби, сотрудничал с американской разведкой, на содержании которой он находился еще с 1952 года²⁰. Вернувшись в Грецию опытным, подготовленным разведчиком, он был поставлен во главе отдела психологических операций Генерального штаба, принял активное участие в фальсификации выборов 1961 года. Он был организатором провокации фашистского типа в связи с саботажем, якобы имевшим место в военных частях в Эвросе, и стал одним из главных заправил КИП. Английская газета «Обсервер» писала о Пападопулосе, что он был полностью во власти ЦРУ не только потому, что он бывший его агент, но и потому, что ЦРУ располагало сведениями о его сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами и о его службе в «охранных батальонах».

Ближайшими сподвижниками Пападопулоса, по крайней мере на начальной стадии переворота и фашистской диктатуры, являлись полковник Н. Макарезос и генерал С. Паттакос, которые прошли обучение в тех же разведывательных школах НАТО и США и служили в качестве активных агентов КИП. Паттакос, как сообщала западная печать, в период оккупации был агентом гестапо и одновременно находился на службе у английской Интеллидженс сервис, которая фактически «играла в прятки» с гитлеровской разведкой. По данным западногерманских архивов, генерал Д. Патилис, который до смерти занимал пост второго заместителя премьера правительства хунты, первый помощник Пападопулоса Агатангелос, полковник И. Ладас, Н. Кантонас и другие бывшие министры диктатуры в период второй мировой войны сотрудничали с оккупантами в их борьбе против национального движения Сопротивления, обагрили руки кровью многих патриотов и уже тогда симпатизировали фашистским идеям.

Министр хунты И. Кулис в книге, посвященной восхвалению гитлеризма, и Т. Плеврис, являвшийся личным секретарем И. Ладаса, в своей книге «Антидемократ» открыто выступили против буржуазной демократии и парламентаризма, воспевая «достоинства» национал-социализма и фашизма. Т. Плеврис в 1960 году создал организацию «4 августа» и выпускал газету под тем же названием, в которой вплоть до переворота вел пропаганду в пользу установления фашистской диктатуры и считался официальным лидером неонацистского

движения в Греции. В период диктатуры Плеврис почитается как истинный неонацист и назначается профессором в школу общей армейской подготовки, в кадетское училище, в школу полиции и жандармерии, ему поручается руководство организацией «Храбрые».

Среди столпов фашистской диктатуры следует назвать также бывшего депутата ЭРЭ Н. Фармакиса, издавна поддерживавшего связи с международным неонацизмом и являвшегося, по данным американского журнала «Нэйшн», главным связующим звеном между хунтой и ЦРУ. Фармакис еще до падения правительства Караманлиса во время своей поездки в США в 1963 году выступал за установление диктатуры в Греции. Позднее при содействии известных деятелей неонацизма Ш. Миллера и З. Цолкмана он пытался объединить неонацистские группы страны в единую организацию типа «нового порядка». В ночь на 21 апреля 1967 г. этот матерый неонацист действовал с оружием в руках и был назначен на пост члена «революционного комитета по печати».

Бывший руководитель молодежи ЭРЭ Г. Алфантакис, тесно связанный с Фармакисом, прошедший курс наук в рядах реакционной незаконной неонацистской студенческой организации — ЭКОФ и сотрудничавший в их печатном органе «Эхо учащихся», который финансировался секретными службами, сначала тайно предложил свои услуги хунте, а после изменений 25 ноября 1971 г. был выдвинут на пост заместителя главы правительства Иоаннидиса. Падение хунты не отрезвило этого заядлого неонациста. Он выставил свою кандидатуру в парламент от партии крайней реакции Гаруфальяса, а затем взялся защищать в военном трибунале палачей из военной полиции (ЭСА).

Целая плеяда других активистов реакционной организации ЭКОФ получила высокие посты во время диктатуры. Д. Каракостас, член руководства ЭКОФ Пандиоса*, был назначен заместителем министра при премьер-министре в правительстве Иоаннидиса — Андруцопулоса. П. Манолопулос — один из учредителей и руководителей ЭКОФ, который возглавлял организацию молодежи ЭРЭ в 1965—1967 годах, в первые годы диктатуры получил пост номарха (губернатора. — *Прим. пер.*) Теспротии, а в 1970 году стал министром

* Высшая школа экономических и политических наук в Афинах.

труда. Л. Папанчелис — учредитель ЭКОФ — стал во времена хунты генеральным секретарем по делам печати и информации. Руководящие деятели этой же реакционной организации Д. Николитсеас и С. Панусакис были назначены хунтой специальными советниками по делам молодежи. Крупный промышленник Х. Михалос, который позднее стал вице-президентом другой реакционной неонацистской организации ОЭН — СЭН, во время хунты получил пост заместителя министра промышленности, а затем — заместителя министра при премьер-министре.

В ближайшем окружении хунты оказались и те, кто «прославился» преследованиями и пытками демократов в период диктатуры 4 августа — И. Карахалиос, И. Холевас и К. Папаспиропулос, и те, кто сотрудничал с гитлеровцами, и убийцы Григориса Ламбракиса — К. Гиозмас, Мицу и Готцаиманис*, а также другие отбросы общества, подобранные неонацизмом в свои ряды.

* * *

Тесные связи режима греческой хунты с довоенной фашистской диктатурой 4 августа, со всеми находившимися у власти фашистскими режимами и с неонацистскими движениями в Европе являются красноречивыми свидетельствами фашистского характера режима полковников.

Диктаторы хунты никогда не отрицали, что были верными последователями и наследниками фашистской диктатуры Метаксаса.

Они гордились своими учителями и предшественниками и всеми силами старались реабилитировать темные дела и имена руководителей этой диктатуры. Они не только сохранили законы, которые были приняты при Метаксасе, но, искажая историю, пытались представить заправил диктатуры героями. Министр иностранных дел правительства хунты П. Пипинелис в своей книге «История внешней политики Греции в 1923—1941 гг.» называл вдохновителя, организатора и руководителя фашистской диктатуры 4 августа И. Метаксаса «крупным политическим деятелем». Признанием преемственности

* Все эти лица, осужденные за убийство Г. Ламбракиса на различные сроки заключения, были досрочно освобождены хунтой.

хунты с довоенным фашистским режимом Греции явилось решение диктаторов хунты поставить памятник Метаксасу в Афинах и отъявленному антикоммунисту и фашисту Маньядакису в Коринфе. Бывший министр И. Ладас, являясь правителем Фессалии, направил циркуляр всем местным органам городов и деревень, в котором рекомендовал называть улицы и площади именем Метаксаса²¹.

В целях укрепления собственных позиций неофашисты Европы и других континентов максимально концентрировали свои силы, расширяли международные связи. Ими постоянно организовывались международные совещания широкого или ограниченного состава в Мадриде и Риме, в Мюнхене и Париже, в Лиссабоне и Льеже. Они сколотили международный центр со штаб-квартирой в Мадриде и стали издавать в ФРГ свой печатный орган журнал «Европейская нация». Руководил изданием бывший офицер личной охраны Гитлера Эрхард.

Неофашисты и их покровители во всем мире пытаются скрыть эти тесные связи и отрицают существование какого-либо международного центра по руководству и координации их деятельности. Тем не менее является неоспоримым, что неофашисты используют различные средства для развития своих связей, обмениваются опытом и в решающие моменты многократно усиливают свою активность. Это, конечно, не означает, что неофашисты выступают одновременно во всех странах, используют всюду одну и ту же форму организации и их деятельность направляется из единого центра. И до войны фашизм не располагал единым руководящим центром, его тактика определялась соответственно внутренним условиям каждой страны. В то же время, выражая интересы местных и иностранных монополий, фашизм, несмотря на особенности в каждой стране, имел и определенные общие принципы, являвшиеся основой их максимального сближения, сотрудничества и координации деятельности.

То же самое можно сказать и о современных фашистах. Несмотря на особенности организации и тактики, на то, что в одной стране они выступают как партия еще до захвата власти, а в другой — скрываются в тайных военных организациях и в государственном аппарате, используют главным образом парламентские формы борьбы или прибегают к террористической деятельности, опираются на помощь местных монополий или на ино-

странные империалистические круги, — по своей сути неофашисты всюду выражают интересы наиболее реакционных, шовинистических монополистических финансовых кругов, преследуя одну цель: разгром рабочего и демократического движения и создание режима, который без ограничений власти мог бы служить местной олигархии и наиболее агрессивным кругам империализма. Таковы общая классовая сущность, принципы и традиции неофашистского движения, опирающегося на империализм, который сегодня ведет свое наступление против сил социализма, демократии и прогресса в мировом масштабе.

Греческий неофашизм и до переворота поддерживал тесные контакты с международным центром неофашизма. Но находясь в политической и моральной изоляции, неофашисты Греции не могли тогда развивать широкие связи со своими единомышленниками в других странах. Это стало возможным только после установления диктатуры, когда греческий эксперимент стал предметом изучения всех неофашистских сил, когда хунта широко открыла двери для всех своих единомышленников и стала не только теоретически передавать им свой опыт, но и помогать в осуществлении их собственных планов.

Выступая 12 мая 1968 г. на церемонии официального открытия ракетного полигона НАТО на острове Крит, назначенный хунтой регентом Зоитакис сказал, что греческий пример 21 апреля мог бы стать образцом и для других стран НАТО решения их внутренних проблем.

Диктаторы хунты передавали свой опыт единомышленникам во время регулярных встреч с деятелями международного неофашизма. Они гостеприимно принимали зарубежных неофашистов и организовывали секретные семинары европейских представителей «черного интернационала» на Корфу и в других районах страны. П. Раути — бывший военнослужащий национальной гвардии «республики дуче», впоследствии создатель «черных легионов» и лидер итальянского «нового порядка», который позднее поддерживал контакты с французскими неофашистами из ОАС и палачами португальской фашистской полиции ПИДЕ, — одним из первых стал сотрудничать с неофашистами «черного интернационала» и греческими диктаторами. Раути совершал неоднократные поездки в Афины (декабрь 1967 г., сентябрь 1968 г. и т. д.) якобы в качестве корреспондента газеты «Темпо» и через «союз греческих студентов» в Италии устано-

вил контакты с лидером организации «4 августа» Плеврисом и впоследствии — с Паттакосом, с которым обсуждал вопросы усиления деятельности и обмена опытом между греческими и итальянскими неофашистами. После установления прямых контактов с руководителями хунты Раути организовал «ознакомительные визиты» в Грецию целых групп в целях изучения итальянскими неофашистами греческого опыта на месте. Один из таких визитов, в котором участвовали 51 итальянец и 59 отобранных греческих студентов, состоялся 16 апреля 1968 г. Среди итальянцев были представители «нового порядка», «национальной инициативы», «цивилизованной Европы» и других итальянских неофашистских организаций. Возглавлял итальянскую группу Д. Мациератини — правая рука П. Раути в организации «новый порядок».

Как позднее сообщил сам Мациератини, помимо формального посещения университета и других мест, они встретились с Паттакосом и прослушали беседу о греческом неофашистском опыте в специальных, хорошо охраняемых казармах. О таком же «ознакомительном визите» в Грецию рассказал итальянский неофашист М. Мерлино, который «обучался» в секретных лагерях ФРГ у учителей из неофашистской организации «европейская нация», а позднее развернул «специальную» деятельность среди экстремистских левачьих организаций так называемых «марксистов-ленинцев».

Из других неопровергнутых публикаций западной прессы известно, что в сентябре 1972 года в Салониках была организована секретная встреча деятелей греческого и итальянского неофашизма, в которой участвовал и бежавший «черный принц» Боргезе — лидер итальянского «национального», то есть неофашистского, фронта.

Греческие неофашисты в тех же целях развивали связи и с неонацистами ФРГ. Однако после поражения неонацистской партии на парламентских выборах в ФРГ в 1969 году, которое вынудило наследников Гитлера изменить тактику, пополнив ряды наиболее реакционных сил страны, афинские диктаторы стали развивать свои контакты с реваншистскими кругами, поборниками «холодной войны», которые возглавляют «синдикат правых». По сообщениям западной печати, руководитель этого «синдиката», который включал и неонацистов, Ф.-И. Штраус, без ведома своего правительства и игнорируя посольство ФРГ в Афинах, посетил в

конец октября 1971 года Грецию и провел секретные беседы с греческими диктаторами. Эти беседы касались укрепления политических связей хунты с наиболее реакционными, неонацистскими силами ФРГ и затрагивали экономические интересы военных монополий Баварии, которых на политической арене представлял Ф.-И. Штраус.

Неофашисты хунты не ограничивались только передачей теоретического опыта своим единомышленникам в Западной Европе, но и практически помогали в их деятельности. Установлено, что в активизации неофашистов в Италии в 1968—1970 годах помимо местной реакции известную роль сыграли и афинские диктаторы. Когда в мае 1969 года обстановка в Италии резко обострилась, греческая хунта посчитала момент подходящим для оказания серьезной помощи итальянским единомышленникам. Английские газеты «Гардиан» и «Обсервер» опубликовали фотокопии секретных документов, которые разоблачали наличие тесных контактов «черных полковников» с итальянскими неофашистами. Один из этих документов, подписанный руководящим работником министерства иностранных дел Котакисом, был направлен в греческое посольство в Риме вместе с содержанием доклада греческого тайного агента в Итальянском диктатору Пападопулосу. В этом документе указывалось следующее: «...Президент считает, что усилия, которые длительное время предпринимает наше правительство в Италии, начинают приносить свои плоды... президент рекомендует после получения этого доклада сократить до минимума контакты, чтобы избежать любой возможности разоблачения связей наших итальянских друзей с официальными лицами Греции...». В сообщении греческого агента в Италии хунте речь шла о контактах с неким П., который, как выяснилось позднее, был не кто иной, как Раути. Этот известный итальянский неофашист предоставил греческим единомышленникам страницы многих итальянских газет и журналов, в которых излагался план готовившегося переворота и давалась высокая оценка итальянскими военными греческого опыта. Итальянские военные, по сообщению греческого агента, после поездки бывшего министра обороны Италии Р. Панкарти и его бесед с министром иностранных дел хунты Пипинелисом «выразили свое единогласие с афинскими полковниками в отношении оценки обстановки в стране», признали эффек-

тивность методов, применявшихся греческими военными, и заявили, что эти методы могли быть приняты за основу и в их деятельности в Италии. В заключение своего доклада агент хунты писал: «...Разрешите подчеркнуть, что я считаю совершенно необходимым, чтобы Греция и в будущем предоставляла материальную и моральную помощь и давала необходимые советы для активизации деятельности соответствующих отрядов в стране. Увеличивая помощь, мы можем надеяться на более серьезные успехи, чем в прошлом. Это диктуется также и тем, что сегодняшние условия более благоприятны, поскольку оппозиция правительству левого центра неуклонно растет среди всех слоев итальянской общественности».

Подлинность этих секретных документов неоднократно подтверждалась английской разведкой. Но если и не придавать решающего значения этим документам, то в Италии и так было широко известно, что после фашистского переворота 1967 года в Греции хунта направила в эту страну сотни своих агентов, которые вместе с итальянскими неонацистами развернули пропаганду в поддержку диктатуры афинских полковников и координировали свои террористические акции. Эти агенты скрывались главным образом под вывеской национального «союза греческих студентов».

«Союз греческих студентов» в Италии, прежде подчинявшийся министерству общественных служб, по личному указанию Пападопулоса в июле 1967 года был передан под непосредственное руководство КИП. Изменение подчинения сразу сказалось как на целях, так и на формах деятельности союза. Если прежде союз имел культурную направленность, то теперь он приобрел характер откровенно неонацистской организации с задачами проведения слежки за греческими антифашистами, находящимися за рубежом, сбора информации для греческой КИП и американского ЦРУ, организации провокаций, поддержания тесного сотрудничества с неонацистами Западной Европы. В руководство союза помимо известных своими фашистскими взглядами студентов были внедрены опытные офицеры КИП в целях лучшей координации международной неонацистской деятельности. Характерным проявлением тесных контактов этого союза с неонацистами Западной Европы было и то, что лидер «нового порядка» П. Раути, по своей инициативе впервые прибыв в Грецию, тотчас же связался с Т. Плеврисом. Пользуясь неограниченной поддержкой

итальянских неофашистов и полицейских органов Италии, члены союза открыли свои филиалы в Риме, Пизе, Феррари и других городах и активно сотрудничали с итальянскими террористами.

Как отмечала итальянская печать, события в Пизе в 1969 году, стоившие жизни итальянскому студенту, были спровоцированы при активном участии посланцев хунты, «обучавшихся» в университетах этого города.

Тесные узы между греческими и западноевропейскими неофашистами дали возможность многим заговорщикам в Западной Европе, как, например, «черному принцу» Боргезе, найти убежище у «черных полковников» или у Франко, сторонникам неофашистского «нового порядка» в Италии и в ФРГ распространять прокламации с лозунгами «да здравствуют греческие полковники», «национальная революция в Греции победит, несмотря на сопротивление международного коммунизма». Послушная фашистской хунте печать характеризовала попытку Боргезе организовать фашистский переворот в Италии как «национальное движение социальных реформ», что также объясняется взаимодействием неофашистов разных стран.

Хунта сблизилась и укрепила свои связи с фашистскими режимами, находящимися у власти. В Афинах с барабанным боем был принят мэр Мадрида Наварро, оба города были провозглашены «братьями», а между Испанией и Грецией официально установлены тесные отношения дружбы. Визит заместителя главы правительства хунты Н. Макарезоса в Испанию в декабре 1972 года дал возможность испанским и греческим фашистам выразить взаимные «дружеские чувства» и укрепить «братские связи». Греческий посланец цинично заявил, что в Испании, где воздух был отравлен той же фашистской холерой, он «чувствовал себя, как в Греции»²², и что цель его миссии — «способствовать дальнейшему развитию и укреплению связей обеих стран».

Диктатор Франко, подчеркнув общность целей двух режимов, призвал греческих неофашистов и всех единомышленников «к сплочению и расширению фронта»²³. Его преемник адмирал Бланко, еще более подчеркивая общность обеих стран, особенно в «области идеологии», выразил уверенность, что обе страны могут создать основу «для совместной стратегии Средиземноморья»²⁴.

Братания неофашистов хунты со своими единомышленниками не ограничивались Европой, они охватывали

Африку, Азию и Латинскую Америку. В то время когда весь мир официально в ООН выразил свое порицание расистской политике фашистских режимов Форстера и Смита на юге Африки и большинство стран бойкотировали экономические связи с этими очагами фашизма, хунта решила создать в рамках «греко-южноафриканского союза» специальную группу советников для «развития торговых связей между Грецией и Южной Африкой».

И когда повсюду росло негодование против преступлений американских наемников в Южном Вьетнаме, представители двух «родственных» диктаторских режимов нашли случай для обмена любезностями. А. Даскалакис — посланец хунты в этой обгазированной кровью стране, обращаясь к диктатору Южного Вьетнама Нгуен Ван Тхиеу, выразил солидарность афинских диктаторов «с отважной борьбой против коммунистов», и убийца сотен тысяч вьетнамских патриотов в ответ заверил, что считает Грецию и Южный Вьетнам «оплотом демократических свобод во всем мире» и что диктаторы Южного Вьетнама извлекают немалые уроки из опыта «своих далеких братьев» — греческих неофашистов.

Другая группировка хунты во главе с диктатором Иоаннидисом поддерживала связи с зарубежным неофашизмом при посредничестве агента ЦРУ — грека американского происхождения П. Коромиласа (известного под именем Кором), который координировал деятельность хунты с деятельностью неофашистских центров в других странах.

Все приведенные выше документы и факты дают право характеризовать режим хунты как фашистскую диктатуру.

мый с секретными архивами третьего рейха, никогда не давали забыть, что своим взлетом к власти «он обязан промышленникам и что только с их помощью он добился успеха»².

В свою очередь, фашисты щедро оплачивали помощь монополий. Подавляя рабочее движение и прибегая к военным авантюрам, они обеспечивали, пусть временно, «классовый мир», создавали благоприятные условия для получения новых огромных прибылей и открывали монополиям путь для ограбления национальных богатств других стран.

Общезвестен бесславный конец, который был положен народами этому грязному альянсу. Однако последствия тесных связей монополий с фашизмом не устранены еще и сегодня, и самое опасное заключается в том, что остались нетронутыми корни, которые питают эту сделку. Те же магнаты капитала, которые богатели на эксплуатации труда миллионов людей, вскормили реакцию и неофашизм в ФРГ, Италии и в других странах капиталистического мира. Те же монополии, которые наживались на второй мировой войне, являются самыми непримиримыми врагами мирного сосуществования, международной разрядки и безопасности.

В настоящее время, когда обострились основные противоречия между миром социализма и капитализма, а внутренние противоречия капитализма приобрели большую глубину, узлы монополистического капитала с наиболее реакционными политическими силами, особенно с неофашизмом, стали теснее и тем опаснее. Поскольку государственно-монополистический капитализм и буржуазный парламентаризм оказываются неспособными преодолеть глубокие социальные противоречия империализма, постольку господствующие монополистические круги все настойчивее обращаются к последователям Гитлера и Муссолини в разных странах в поисках защитников их интересов и упрочения их власти. Не отказываясь полностью от использования старых парламентских методов борьбы, где это возможно, они главную ставку делают на консервативные политические партии и одновременно разыгрывают неофашистскую карту — как резерв на случай резкого обострения кризиса.

Эта тенденция империализма и местного монополистического капитала отчетливо проявилась в условиях Греции. Чем отдаленнее становятся события 1967 года,

тем больше появляется доказательств решающей роли местных и иностранных монополистических кругов в подготовке переворота 21 апреля и укреплении фашистской диктатуры, чьи интересы она взялась обслуживать в нашей стране.

И до переворота греческие монополии и государственный аппарат все более сливались. Например, не случайным был факт, что из двадцати министров правительства, которое сфальсифицировало парламентские выборы 1961 года, тринадцать являлись президентами или управляющими крупных промышленных и банковских корпораций. Характеристику взаимоотношений монополий с реакционными правительствами страны послевоенного времени фактически дал А. Онасис во время суда по делу авиационной фирмы «Олимпиаки», реальным хозяином которой являлась хунта. Как сообщил корреспондент западногерманского журнала «Шпигель», Онасис — главная опора хунты — на суде заявил: «Караманлис предоставил мне немалые полномочия и 100 млн., Папандреу расширил эти полномочия и предоставил 100 млн. Дукас (противоположная сторона в судебном процессе. — *Прим. пер.*) назвал их разложившимися. Если они были разложившимися, то кем же тогда являлся Пападопулос, который предоставил мне еще более широкие полномочия и 160 млн.»³.

Политические силы и методы, которые использовались для обслуживания интересов плутократической олигархии до диктатуры, во многом были аналогичны сегодняшним. Греческие и иностранные монополистические круги главную поддержку оказывали консервативным политическим силам, которые, как они считали, какое-то время лучше служили их интересам, сочетая буржуазно-демократические методы с антикоммунизмом и насилием. Одновременно они не переставали укреплять экстремистские, реакционные силы в армии и государственном аппарате, которые считали ударной силой, не прекращали окружать своей заботой неофашистские элементы, объединенные в различные реакционные, незаконные или секретные, организации.

Помощь монополистической олигархии неофашистской военщине до переворота не носила столь прямых и очевидных форм и не была столь широкой, как это стало позднее. Главными каналами ее получения были консервативные политические силы, стоявшие у власти или находившиеся в оппозиции. Заставляя эти силы все

в большей степени следовать антидемократической, антикоммунистической линии, круги монополистической олигархии, с одной стороны, пытались затормозить развитие рабочего и демократического движения, а с другой — поощряли фашизацию общественной и политической жизни, расчищали путь для большей активизации неофашистов, готовили их для открытого выступления против демократии. Однако до диктатуры не все монополистические круги поощряли неофашистские силы. Крупные судовладельцы, видные промышленники и представители банковского капитала, например президент «союза греческих судовладельцев» С. Андреадис и др., занимали сдержанную или отрицательную позицию в отношении военного переворота, и в силу существовавших между ними противоречий или связей с американскими монополистическими кругами они не были едины и в вопросе об установлении фашистской диктатуры. Поэтому до последнего момента эти круги делали ставку главным образом на консервативные политические партии или на умеренную диктатуру генералов под эгидой королевского двора, полагая, что они, хотя бы формально, допускают существование некоторых буржуазно-демократических принципов.

После установления фашистской диктатуры все монополии поспешили воспользоваться идеальными условиями, которые им создала хунта для дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся и укрепления своего господства, откровенно выступили на ее стороне и предоставили необходимую материальную и идеологическую поддержку новой власти вопреки интересам народа.

Афинские диктаторы и монополисты делали, а последние продолжают делать все возможное, чтобы скрыть свое тесное сотрудничество. В условиях военного положения, террора, действий военных трибуналов и строгой цензуры были скрыты от постороннего взгляда источники финансирования хунты. На страницах западной печати упоминался только факт вручения Онасисом полковникам сразу же после переворота 5 млн. долл. в виде дара «для преодоления первых трудностей». Рупор хунты газета «Элефтерос Козмос» признала также, что Пападопулос пожертвовал разным церквям свыше 200 тыс. драхм из сумм, полученных им от фирмы «Олимпиаки»⁴. Но это — капля в море тех потоков сумм, которые хунта тайно и, главное, косвенным путем получала от своих патронов. Основной опорой диктату-

ры были греческие судовладельцы, обладающие огромным торговым флотом и целыми промышленными корпорациями. Именно местная олигархия, в богатстве и способности к политическим интригам конкурирующая с крупнейшими империалистическими воротилами мира, по выражению диктатора Пападопулоса, «является хозяином нашей страны»⁵. Используя льготы, предоставленные хунтой, она подняла греческий флаг над той частью своих судов, которые ранее были приписаны к иностранным портам, перевела свои конторы в Афины и Пирей, а капиталы — из иностранных в греческие банки и тем самым помогла режиму предстать на какое-то время в качестве активной экономической силы, способной избежать кризиса.

Клич к проведению подобной кампании первым бросил судовладелец Аристотелис Онасис. Капитал его составлял гигантскую сумму — свыше 500 млн. долл.; он владел крупнейшим среди греческих судовладельцев торговым флотом, насчитывавшим более 100 танкеров, грузовых и пассажирских судов, общим водоизмещением 5 076 378 т⁶; воздушным флотом из 40 самолетов и 70 вертолетов, а также десятками предприятий.

Сам Онасис, всесильный плутократ, по словам его конкурента, интригана такого же масштаба Ниархоса, «был способен на любые политические преступления и экономические махинации»⁷. По сообщениям западной печати, Онасис наряду с другими финансировал французскую неофашистскую организацию ОАС. Он был связан с террористами группы, убившими Ламбракиса. Именно он, беспредельно симпатизируя фашистским режимам, назвал Франко «величайшим умом Вселенной»⁸. Онасис в числе первых перенес в Пирей резиденцию фирмы «Спрингфильд шипинг оф Панама», распорядившейся принадлежащими ему 71 нефтеналивными и грузовыми судами.

Его примеру последовали и другие крупные судовладельцы, которые не хотели отставать в выражении благосклонности фашистской хунте и, главное, находиться в стороне и не воспользоваться удобным случаем к обогащению, который им предоставил фашистский режим. Они поспешили поднять над своими судами греческий флаг, что при хунте стало весьма прибыльным, и оказывали поддержку диктатуре.

Уже к августу 1973 года из 3798 судов, общим водоизмещением примерно 34 млн. т, которыми располагал

греческий флот в 1972 году, 3059 судов, общим водоизмещением 21 933 445 т, подняли греческий флаг⁹. Иными словами, число греческих торговых судов, общим водоизмещением 7753 тыс. т, плававших под национальным флагом в 1966 году, за пятилетие правления хунты выросло в 3 раза.

Еще более активно проявили солидарность с фашистским режимом хунты иностранные монополии. Американские и западноевропейские монополии прежде всего помогли хунте предоставлением займов. Через различные международные банковские организации греческим диктаторам были предоставлены займы, превысившие к 1973 году сумму в 500 млн. долл. В июле 1973 года международные банковские объединения, включавшие американские, английские, французские, японские и канадские банки, предоставили хунте новый заем на сумму 200 млн. долл.¹⁰

Одновременно иностранные воротилы крупного бизнеса, воспользовавшись благоприятными условиями, созданными для них афинскими диктаторами, расширили свою экспансию в Греции. К маю 1972 года 598 иностранных фирм (127 торгово-промышленных и 471 судовладельческая) получили разрешение властей на открытие своих контор в стране¹¹.

В числе первых поспешили помочь хунте и одновременно воспользоваться новыми возможностями получения прибылей американские монополии, которые и ранее господствовали в основных отраслях греческой экономики и в политической жизни страны. Американский империализм с греческой плутократической олигархией связывали старые узы. С установлением неофашистской диктатуры и особенно с избранием президентом США Р. Никсона узы эти стали еще теснее. Это объяснялось, во-первых, тем, что руководящие круги США считали политику хунты, по крайней мере в тот период, наиболее соответствовавшей их интересам, и, во-вторых, тем, что два видных представителя американского монополистического капитала Т. Палас и С. Агню, оплачивавшие вместе с другими избирательную кампанию Никсона, стали главным связующим звеном Белого дома с диктаторским режимом.

Наиболее очевидным свидетельством связи американских монополий с хунтой является деятельность Т. Папаса. Этот бизнесмен из Бостона, греческого происхождения, президент трех из семи компаний группы

ЭССО и компаньон гигантской монополии Рокфеллеров, сыграл важную роль в установлении фашистской диктатуры и обеспечении интересов американского капитала в Греции. Являясь агентом ЦРУ, по свидетельству западной прессы, он принял участие в свержении в 1965 году правительства Папандреу из-за того, что оно, уступая давлению общественного мнения, пересмотрело некоторые соглашения, заключенные ранее правительством Караманлиса с его фирмой. Впоследствии он связал американские секретные службы с хунтой, развернул активную деятельность по реализации плана «Прометей» и сразу же после переворота открыто поддержал афинских диктаторов.

В поддержке хунты и безудержной эксплуатации трудового народа Греции с американскими монополистическими кругами успешно соперничали западноевропейские монополии, которые в последнее время значительно укрепили свои позиции в Греции и начали даже отодвигать на второй план своих американских конкурентов. Западногерманские монополии Круппа, Тиссена, Флика, Сименса и др., в прошлом помогавшие Гитлеру, а ныне субсидировавшие неофашистскую национально-демократическую партию, предоставили хунте к середине 1971 года кредиты на сумму 320 млн. марок¹² и вооружение (миноносцы, подводные лодки и др.), стоимостью на многие сотни миллионов марок. Помимо материальной помощи местные и иностранные монополисты оказали хунте огромную моральную поддержку. Крупнейшие судовладельцы и воротилы иностранного капитала восхваляли хунту и приводили ее в качестве образца для всех стран НАТО.

Т. Папас, который гордился тем, что способствовал переходу С. Агню от Рокфеллера к Никсону, и передал на одном из собраний 100 тыс. долл. в поддержку предвыборной кампании будущего президента, призвал американцев греческого происхождения — владельцев крупных капиталов следовать его примеру, чтобы способствовать новым успехам «американской политики, аналогичным достигнутому в Греции, где после 21 апреля царят полный порядок и безопасность»¹³.

Г. Форд после одного из визитов в Афины, где ему удалось получить новые льготы, охарактеризовал Грецию при хунте как «самое гостеприимное место», а Херст — владелец одной из крупнейших газетных монополий — писал в газете «Нью Америка» о заправилax

хунты: «Это наши друзья, они служат нам, что очень ценно. Поэтому они достойны нашей помощи и поддержки». Он же утверждал, что «тот, кто подрывает стабильность Греции, выступает против американских национальных интересов».

Неблаговидную роль беспринципного защитника афинских диктаторов взял на себя английский депутат Ф. Ноэль-Бейкер, который еще с прошлого века владеет на греческом острове Эвбэи огромными поместьями с тысячами стремм* земли. Он открыто поддерживал фашистский режим Греции, выступал против проведения в стране выборов и стремился заглушить любую критику этого режима со стороны английских политических кругов. Поэтому небезосновательным было утверждение группы американских сенаторов, которые в своем докладе конгрессу писали, что афинский режим «поддерживается деловыми кругами, включая иностранных предпринимателей, чьей благосклонности режим добивался всеми силами»¹⁴.

Иностранные и местные монополии всемерно поддерживали военно-фашистскую диктатуру в Греции, поскольку она создавала им лучшие условия для разграбления национальных богатств страны и получения прибылей, чем те, которые предоставлял режим буржуазного парламентаризма. Например, чтобы вознаградить судовладельцев за оказанную поддержку и скрепить узы с ними еще теснее или, как подчеркнул С. Андреадис, чтобы «основать плодотворное сотрудничество государство — моряки — судовладельцы», хунта обещала не только «предоставить все, что они попросят» (Пападопулос), но и приняла ряд мер, которые дали им новые источники обогащения. Прежде всего диктаторский режим издал законы, которые, по существу, освобождали от налогов крупных судовладельцев и создавали им благоприятные условия для проникновения в другие отрасли экономики. Законом 465/1968 каждое судно, построенное менее десяти лет назад, освобождалось от налога, а более старые суда облагались небольшим налогом в размере 20—40 центов с каждой тонны водоизмещения. Свое покровительство судовладельцам хунта расширила до таких пределов, что освободила от судебного преследования тех из них, кто уклонялся от уплаты и этих льготных налогов. Таким образом, судо-

* Стремма — 0,1 га.

владельческий капитал практически не облагался налогами. Возросшее с 1968 по 1972 год на 81% количество судов, плававших под греческим флагом, не повлекло за собой увеличения поступлений от их налогообложения. Наоборот, они уменьшились со 108 млн. до 29 млн. драхм. Недостающие средства пополнялись за счет трудящихся. Дело дошло до того, что наиболее зажиточные греки вносили в бюджет столько же, сколько облагаемые специальным 3-процентным налогом строительные рабочие Салоник, или всего треть сумм, поступавших в казну от подоходного налога филантропических учреждений¹⁵.

Одновременно диктаторский режим решил оплачивать за счет казны 80% стоимости строительства грузовых и пассажирских судов, заказы на изготовление которых поступали на греческие верфи. Государство давало также гарантии в размере 30% стоимости всего кораблестроения и выделяло неограниченные кредиты судовладельцам для расширения их деятельности. Только за четыре года (1969—1972 гг.) вложения государства в судоходство достигли 68 млн. драхм, то есть возросли на 42%¹⁶. Введением ряда антирабочих мер хунта создала судовладельцам благоприятные условия для безудержной эксплуатации трудящихся. Она разрешила увольнять персонал и вербовать неквалифицированную, но дешевую рабочую силу из африканских стран. Она запретила забастовки, «заморозила» заработную плату и увеличила продолжительность рабочей недели для dockers и моряков с 44 до 56 час.

Заботу хунты о крупных судовладельцах, щедрую помощь и неисчислимые льготы монополиям можно проследить в отношении к С. Андреадису — президенту «союза греческих судовладельцев».

Этот воротила плутократической олигархии, в 1957 году при помощи правительства получивший огромный государственный заем для покупки Ионического и Народного банков, при поддержке и под прикрытием хунты провел ряд новых комбинаций (передача акций «иностранным» компаниям, которые на самом деле контролировались им, тайный вывоз валюты и т. п.). Все это обеспечило ему получение новых огромных прибылей. Андреадис курил фимиам любому буржуазному правительству, лишь бы достичь цели — умножения своих богатств. В итоге к моменту падения хунты он владел 5 банками, 12 страховыми компаниями, верфями, ко-

раблями, десятками гостиниц и промышленных предприятий. Под его контролем или в личном владении находились капиталы, достигавшие 50 млрд. драхм.

Но предоставление новых бесчисленных льгот судовладельцам, которых первый диктатор называл «хозяевами Греции, выражавшими идеалы нации»¹⁷, или вручение почетных знаков 65 крупнейшим их представителям не означало, что хунта игнорировала промышленные и финансовые монополии страны. Как заявил бывший заместитель министра финансов Сиорис, режим «спас предпринимателей от скамьи подсудимых», предотвратил «негодование толпы», запретив борьбу трудящихся, отстаивающих свои законные права, и, безусловно, симпатизируя им, «предоставил все, что мог». Благосклонность хунты к влиятельным представителям капитала распространялась на все сферы, начиная с освобождения от налогов, предоставления государственных кредитов, создания благоприятных условий для расширения деятельности и кончая введением фашистских антирабочих мер, направленных на ликвидацию рабочего и демократического движения, на создание обстановки «классового мира».

Еще более однозвучно выглядела благосклонность хунты, проявленная по отношению к иностранному монополистическому капиталу. На основании закона 2687, который был принят еще правительством правых, иностранный капитал был освобожден от обложения налогами и получил возможность беспрепятственного вывоза прибылей. Хунта не только реализовала положение этого закона, но издала ряд постановлений (А. Н. 89/67, А. Н. 378/68, Н. Д. 115/69 и т. д.), которые предоставляли новые преимущества иностранным монополиям. Она закрепила эти привилегии конституционно, тем самым усугубив зависимость страны от иностранного капитала. Статьей 23 фашистской конституции 1968 года были оставлены в силе все предыдущие законы, покровительствовавшие иностранному капиталу и освобождавшие его от налогообложения. Статья разрешала изменение этих законов, но только «в плане предоставления еще больших привилегий». Более того, все положения конституции провозглашались «вечными и неизменными», за исключением положений, касавшихся привилегий монополий, которые могли изменяться, но только в одном направлении — направлении, обеспечивающем еще лучшее обеспечение их интересов, полного

закрепления их господства и создания новых возможностей для необузданной эксплуатации национальных богатств страны.

Помимо принятия общих законодательных мер хунта издала специальные законы о предоставлении льгот отдельным монополиям или объединениям. В целях содействия расширению деятельности американской монополистической группы Т. Папаса в сталеплавильной промышленности в 1972 году был принят специальный закон, предусматривавший освобождение от пошлин ввозимых в страну сырья и полуфабрикатов.

При помощи хунты Т. Папас добился подписания нового соглашения, предоставившего монопольное право эксплуатации нефтяной промышленности Греции. Подобного рода сделку ни одно правительство не рискнуло бы внести на обсуждение парламента. Т. Папас, являвшийся одной из мощных опор диктатуры, звеном, связывавшим хунту с Соединенными Штатами, в частности с ЦРУ, как писал журнал «Шпигель», «имел наибольшее влияние в Греции, включая главу хунты», получал щедрое вознаграждение за свои услуги в виде все новых льгот от диктаторского режима. Получение права на строительство нефтепровода Салоники — Югославия дало ему возможность инвестировать 20 млн. долл. в новые предприятия («Кока-Кола», «Зелонан индустриз», «Белмаз» и т. д.), которые открыли дополнительные источники прибыли. Вслед за ЭССО и «Стандарт ойл», представленных главным образом Т. Папасом, и другие американские монополистические объединения поспешили поддержать хунту и использовать благоприятные возможности, созданные для них в стране. Монополия «Литтон», производящая ракеты «Минитмен» и «Поларис» и тесно связанная с Пентагоном, одна из первых заключила кабальное соглашение с хунтой о поставках своей продукции на сумму 800 млн. долл. Она получила задаток в 6 млн. долл. за «посредничество в инвестициях, которые явились фактически даром от хунты, поскольку инвестиции не производились и не было поставлено продукции ни на один цент»¹⁸.

Многие американские фирмы, такие как «Гудиеар», «Этил», «Мобил», «Тексако», «Кеннекот», «Дженерал рефректорс», «Америкен радиэйтор» и др. (всего около 45), расширили свои права, полученные ранее, или после

установления диктатуры впервые учредили свои оффисы в Греции.

Соответствующие льготы хунта предоставила и другим иностранным монополиям, которые поддерживали ее. Многие западногерманские фирмы развернули свою деятельность в Греции, вытесняя более слабые греческие предприятия. Фирма «Фарберн Хохст», например, после установления диктатуры, построила в Греции два завода по производству лекарств, западногерманская промышленная группа приобрела греческие предприятия «Киату Пелопоннису», «Изомак», «Юниметал», ЭПЕ и «Герас нова», а фирма «Телефункен интернэшнл» слилась с греческой промышленной фирмой по производству электрических изделий ВНК.

Не упускали представленного хунтой случая для более глубокого внедрения в греческую экономику и французские монополии, занимающие второе место после американских в инвестициях капиталов в Грецию. Ранее первые места среди французских монополий занимали фирма «Алюминиум Греции», созданная французским монополистическим объединением «Пешине», завод по производству удобрений в Салониках, «Никел Ларко», «Эленик», «Вехио — А. Е.», «Велика» и некоторые другие. После фашистского переворота крупные банковские объединения — «Национальный банк Парижа», «Французский торговый банк» — взяли на себя финансирование строительства гидроэлектростанций Полифиту, Алиакмонос и второй очереди теплоэлектростанции Лаврион с предоставлением займа в сумме 225 млн. фр. франков и 22 млн. долл. Одновременно французские монополии поставили хунте четыре торпедных катера и 30 танков и были готовы, если не опередят американские конкуренты, поставить 40 самолетов типа «Мираж-3».

После установления фашистской диктатуры укрепил и расширил свои позиции в греческой экономике и английский капитал. Английские монополии предоставили хунте щедрые займы и заняли четвертое место (после США, Франции и ФРГ) в области прямых частных инвестиций. Особый интерес к афинской диктатуре проявили английские судовладельцы. Судостроительные фирмы «Окенети Эджейс лимитед», «Интернэшнл маркетинг» (Европ Дивижн), «Нью Склирен ассошиэйтед» и др., пользуясь льготами, предоставленными хунтой

греческим судовладельцам, создавали филиалы своих фирм в Греции.

Получая от хунты льготы, иностранные монополии приобретали новые источники своего обогащения, доступ к более прибыльной эксплуатации национальных богатств страны. Согласно официальным данным, с 1967 по 1974 год вывоз капитала и прибылей иностранных фирм, находившихся под защитой закона Н. Д. 2687/53 и постановлений, изданных хунтой, вырос в 7 раз. Поэтому неудивительно, что и официальные круги США публично выражали удовлетворение льготным положением монополий. В послании президента Никсона, которое привез хунте в 1972 году министр торговли США Станс, в частности, указывалось, что правительство Соединенных Штатов удовлетворено позицией греческого правительства в отношении американских инвестиций и высоко ценит «хороший прием, оказываемый американским фирмам, и обстановку безопасности, созданную правительством Греции»¹⁹.

Позорные сделки между монополистическими кругами и хунтой, тесное сотрудничество местных и иностранных монополий привели к усилению эксплуатации греческого народа. Французская монополия «Дассо» в сотрудничестве с американской монополией «Локхид» и фирмой Оносиса «Олимпиаки» построила в Греции предприятие по ремонту гражданских самолетов. Судовладелец Ниархос подписал соглашение с американско-западногерманским трестом о реконструкции и расширении нефтеперегонного завода, которым сам владел. Близкий друг Т. Папаса и вице-президента США С. Агню судовладелец Н. Вардиноянис за внушительный финансовый вклад в предвыборную кампанию Никсона на хороших условиях получил заказ на обеспечение 6-го американского флота горючим. «Пешине — Узин — Колман» подписала соглашение с Бодосакисом о совместной эксплуатации ископаемых богатств Македонии. Тем самым Бодосакис получил дополнительную возможность для экспорта добываемой на его рудниках в Ларко руды через фирму «Ле никел». Французские фирмы «Рено» и «Пежо» совместно с греческим банком промышленного развития (ЭТВА) получили заказ на строительство автомобильного завода в Волосе. Помощь, оказанная английской фирмой «Шелл» судовладельцу Вардиноянису, приобретение страховой компании «Атлас» английской группой «Финелко С. А.», решение

английской «Релиант мотор К⁰ лтд.» в сотрудничестве с греческой фирмой МЕВЕА С. А. создать предприятие по производству автобусов, увеличение поставок английского вооружения хунте, возможность свободного захода английского военно-морского флота и пользование портами на острове Крит восстановили позиции английского империализма, ранее утраченные им в Греции.

Почти всеми мерами покровительства, которые оказывались иностранному капиталу, в определенной степени пользовались и местные монополии. Используя прибыли или субсидии для расширения своей деятельности, они обычно выдавали новые инвестиции за иностранные и таким образом приобретали все льготы иностранных монополистических объединений.

Сталелитейным предприятиям в Элевсине специальным решением министерства было, например, дано разрешение на ввоз 10 млн. долл. для расширения предприятия. Но нигде не говорилось, был ли это греческий или иностранный капитал. Таким путем предприятия не только освобождались от обложения налогами и пошлинами, но и в будущем их прибыли, полученные от новых инвестиций, могли быть беспрепятственно вывезены в валюте как иностранный капитал. Поэтому не является неожиданным, что благодаря «братскому» сотрудничеству хунты с монополиями, промонополистической политике фашистской диктатуры пирамида миллионеров расширяла экономические позиции в стране и укрепляла свои узы с фашистским режимом, становясь главной его опорой.

Согласно данным Национальной статистической службы Греции (ЭСИЭ) и «союза греческих промышленников» (СЭВ), число промышленных предприятий в виде анонимных компаний или компаний с ограниченной ответственностью возросло с 826 в 1967 году до 1123 в 1971 году. Прибыли этих предприятий бурно росли. За пятилетие (1967—1971 гг.) чистая прибыль промышленников увеличилась в 4 раза: с 1,1 млрд. до 4,1 млрд. драхм²⁰. Чрезвычайно велики были прибыли и банковских объединений. Национальный банк, обладающий 60% банковского капитала, по его же собственным данным, к середине 1971 года получил 1484,5 млн. драхм чистой прибыли и довел общую сумму капитала до 2,5 млрд. драхм²¹. Инвестиционный банк, президентом которого был Андреадис и который тесно сотрудничал с

американскими банками, за последние три года существования диктатуры увеличил свой капитал в 3 раза. Соответственно быстро росло и число миллионеров в стране. С 241 в 1965 году, по данным министерства финансов²², это число к 1970 году составило 701 и к 1973 году — 1647. Причем число миллиардеров в Греции достигло двадцати.

Подлинную золотую жилу нашли при хунте ее местные опекуны — греческие судовладельцы. Примерно 20 гигантов судовладельческого капитала каждый год при помощи хунты получали в виде прибыли (по сильно преуменьшенным официальным данным) 66 млрд. драхм. Результатом этого явился и рост числа принадлежащих им судов. С 1775 судов, общим водоизмещением 7 825 595 т на апрель 1967 года, их владения увеличились к августу 1973 года до 4363 судов, общим водоизмещением 41 500 тыс. т. Но это еще не все. Только к концу первого полугодия 1973 года греческие судовладельцы разместили заказы на строительство новых судов, общим водоизмещением 30 546 960 т²³.

Подтверждая тесные узы монополий с фашистским режимом и выражая благодарность за щедрую помощь, которая была им оказана, судовладельцы в марте 1972 года объявили диктатора Пападопулоса своим «пожизненным президентом». При вручении ему 30 мая 1973 г. золотого кубка говорили о «плодотворном сотрудничестве государства с судовладельцами», о «мудром руководстве» предводителя хунты, который принес «столько благ миру судовладельцев»²⁴.

О тесном союзе и сотрудничестве монополий и хунты свидетельствуют также следующие факты: а) в правительство Маркезиниса, которое стремилось придать диктатуре демократическую видимость, входили доверенные представители Онасиса, Ниархоса, Бодосакиса, Папастратоса²⁵; б) крупный промышленник Гаруфальяс в разговоре с руководителем ЭСА Хаджизисом, как свидетельствует магнитофонная запись, давал указание расправиться с участниками антидиктаторского движения среди военных моряков.

Говоря о поддержке плутократической олигархией фашистского режима Греции и о тесных узах местных и иностранных монополий с неофашизмом, не должно создаваться впечатление, что империалистические круги единодушно и сплоченно поддерживали и защищали

этот режим, что связывали все свои надежды только с неофашистской военщиной, а полученные новые возможности грабить национальные богатства Греции устранили все противоречия между ними. Наоборот, как показали события, эти круги, разъедаемые острыми противоречиями, в известной мере сомневались в способности хунты справиться с той трудной задачей, которая на нее возлагалась, и поэтому разыгрывали и другие варианты. Прежде всего старые политические деятели, за редким исключением, и буржуазные политические партии не хотели сотрудничать с фашистской диктатурой. Некоторые органы печати, представлявшие также интересы монополий, находились в оппозиции к хунте. Активное противодействие хунте оказывали и определенные руководящие круги на Западе. Все это свидетельствовало о том, что местные и иностранные монополии даже и в тех случаях, когда обеспечивают себе неограниченную эксплуатацию трудящихся и более надежное обслуживание стратегических и экономических интересов в этой важной части Юго-Восточной Европы и Средиземноморья, сохраняют в своем резерве и другие политические силы, готовят и более рафинированные в нынешних международных и внутренних условиях средства, пригодные в случае изменения ситуации. Кроме того, и сама хунта, со своей стороны, оказывая одним монополиям более щедрую, а другим ограниченную поддержку и открывая слишком широко двери для иностранного капитала, не сглаживала, а обостряла существующие между ними противоречия. Как известно, например, схватка Онасиса, Ниархоса и Андреадиса вокруг третьего нефтеперегонного завода приняла большие размеры и дело дошло до суда. Взаимные обвинения и разоблачения по поводу грабительских условий соглашения, которые соответственно касались и хунтовской клики, не могли быть и дальше окутаны тайной и, в конце концов, увидели свет на страницах контролируемой афинской печати.

Еще более острые противоречия проявились между местными и иностранными судовладельческими монополиями. Мерами хунты в поддержку судовладельцев поспешили воспользоваться не только греческие, но и иностранные компании. В течение короткого времени свыше 400 иностранных судов стали плавать под греческим флагом как «удобным флагом». Этот факт вызвал беспокойство среди местных судовладельцев. Так, Теодора-

копулос заговорил «об опасности распространения иностранного капитала, о некой пятой колонне, которая под звуки свирели поставила под греческий флаг свыше 400 иностранных судов»²⁶, и предлагал различные полумеры для ограничения этой угрозы. Под этим давлением хунта, являясь прежде всего верным слугой местных судовладельческих кругов, приняла частичные ограничительные меры и отклонила некоторые просьбы иностранных судовладельцев о разрешении плавать под греческим флагом. Это, однако, не помешало хунте, продавшей всю Грецию своим безгранично богатым патронам, изыскать иные пути, которые удовлетворили бы иностранцев и успокоили бы местных миллионеров. Как писала лондонская «Новая демократия», только брату Р. Никсона, который является крупным инвеститором капитала в Греции, был предоставлен заем в 10 960 тыс. долл. для приобретения значительного числа акций морского флота Греции²⁷.

Растущие внутренние противоречия между монополиями наглядно проявились в металлургической промышленности. Диктаторский режим принятием ряда законов освободил от обложения импортными пошлинами и другими видами налогообложения металлургические предприятия, которые ввозят сырье из-за рубежа. В результате греческие металлургические предприятия, и так испытывавшие серьезные трудности в сбыте своей продукции и страдавшие от иностранной конкуренции, оказались в критическом положении и были вынуждены резко протестовать. Как указывалось на страницах газет, издававшихся группой Ламбракиса, которая, следует заметить, поддерживала традиционные связи с представителями греческой сталелитейной промышленности, Бодосакис считал «совершенно неприемлемым льготное положение чужой фирмы «Пешине» в ущерб греческим предприятиям этой же отрасли. Компания «Бодосакис — Атанасиадис» не стремится к какому-либо сотрудничеству с иностранным капиталом»²⁸. Еще один предприниматель — президент общества владельцев жестяных и чугунолитейных предприятий Греции К. Георгантас говорил о «глубоком кризисе греческой металлургической промышленности, которая лишена покровительства правительства»²⁹. «Промышленный журнал» отмечал вопиющее противоречие между декларациями хунты о «святом движении за развитие экономики страны», о «крестовом походе за греческие

товары»³⁰ и практическими мерами по обслуживанию интересов иностранного капитала. Эти выражения недовольства и протестов между тем не мешали местным монополиям пользоваться льготами, предоставляемыми хунтой, и там, где это отвечало их интересам, завязывать сотрудничество с иностранными монополиями. Тот же Бодосакис, первым подавший сигнал к протестам, основал в сотрудничестве с американской фирмой предприятие по производству стекла в Элевсине и развивал сотрудничество с «Пепси-Колой». Все это, естественно, не означало, что подспудно не обострялись противоречия между иностранными и местными монополиями и между монополиями различных стран в борьбе за захват ключевых позиций в экономике Греции.

Обострение этих противоречий в сочетании с полным банкротством фашистского режима, безусловно, сыграло решающую роль в устранении хунтовской мафии и восстановлении гражданской формы правления. Это еще раз доказывает, что буржуазия, которая никогда не была монолитной, не была единодушной в оценке и подходе к фашизму как наиболее приемлемому орудию обеспечения своих интересов. Не могла преодолеть буржуазия и своих противоречий путем установления фашистского режима. Как подтверждает пример Греции; противоречия внутри господствующего класса и монополистических кругов не только не устраняются в условиях фашистской диктатуры, но во многих случаях еще больше обостряются.

Анализ указанных выше обстоятельств — осторожность и сдержанность, проявленные некоторыми монополистическими кругами в поддержке греческого неофашизма, недовольство и протесты, выраженные видными представителями крупных национальных монополий по поводу особых льгот, предоставленных хунтой иностранным монополиям, сохранение и обострение монополистических противоречий в период существования диктатуры, брожение и распри в рядах монополистической олигархии — несколько не опровергает главные выводы: монополистические круги были полностью солидарны с диктаторами, местные и иностранные монополии сыграли решающую роль в установлении диктатуры и явились главной опорой неофашистского режима в Греции.

**ОТНОШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ
КЛАССОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП
К РЕЖИМУ**

Раскрывая тесные связи монополий с неофашистской диктатурой, мы подчеркивали классовую сущность диктатуры хунты как режима, который тайными или открытыми фашистскими методами обслуживал интересы монополистической олигархии и иностранного империализма. Однако это не означает, что мы отождествляли капиталистические устои страны с неофашизмом и ответили на вопрос о социальной опоре диктатуры. Ибо чьим интересам служили хунта и ее режим и на какие социальные слои опиралась, откуда черпала поддержку и набирала сторонников — вопросы разные.

Как буржуазные партии, обслуживающие интересы олигархии, так и фашисты основную массу своих сторонников и избирателей всегда и всюду находили не среди монополистических финансовых кругов, составляющих незначительное меньшинство, а среди миллионов буржуазных собственников — мелких производителей, крестьян и служащих и, частично, рабочих, еще не осознавших своих классовых интересов и социальной роли. Так происходило в довоенный период. Так происходит и сегодня в капиталистических странах, где неофашизм поднимает голову. В большей или меньшей степени то же происходит и с неофашистскими силами Греции. Они служат интересам местных и иностранных монополий, но массовую опору пытаются найти, привлекая в свои ряды сторонников других политических партий, заманивая к себе террором и демагогией колеблющихся представителей главным образом средних слоев общества.

Средние слои города и деревни, занимающие промежуточное экономическое и политическое положение между буржуазией и рабочим классом, соответственно условиям каждой страны, склоняются иногда к организованному пролетариату, а иногда к реакции. Как писал В. И. Ленин, прошлое мелкого буржуа «влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату. Его рассудок — тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса) к первой»³¹.

Эти особенности средних слоев — идеологические шатания и политическая неустойчивость — в большей

степени проявляются в условиях обострения капиталистических противоречий. Тогда средние слои, напуганные трудностями, в отчаянных поисках выхода из кризиса в силу своей политической незрелости и отсутствия организации могут легко стать жертвой фашистской демагогии, которая обещает им освобождение от классовых потрясений, ограничение всемогущества монополий, и превратиться в социальную базу фашизма. Так произошло в довоенное время с фашизмом в Италии и Германии, то же самое происходит и сегодня, конечно, в более ограниченных масштабах, с неофашистским движением в некоторых капиталистических странах.

Однако в Греции было не так. В силу специфических исторических, экономических и политических условий, господствовавших в стране, в силу глубокой пропасти, которая отделяла и продолжает отделять господствующие классы от трудящихся масс, в силу широкого движения Сопротивления против фашистских захватчиков греческий неофашизм до захвата власти не мог склонить на свою сторону широкие мелкобуржуазные массы.

Хотя противоречия греческого общества обострились до предела и средние слои ежедневно сталкивались с тяжелыми последствиями послевоенной политики реакции и глубокого кризиса капитализма, неофашистские силы оказались не в состоянии увлечь их за собой до переворота 21 апреля.

Бесспорным свидетельством изоляции неофашистской военной хунты от широких народных масс явились меры, к которым вынуждена была прибегнуть хунта, чтобы избавиться от многочисленных противников. Сразу же после переворота были проведены массовые увольнения рабочих и служащих, чистка органов самоуправления, роспуск всех профессиональных организаций и союзов или замена их выборного руководства ставленниками диктатуры. Тот факт, что ни одна политическая партия (за исключением непопулярной партии прогрессистов Маркезиниса) не решилась перед лицом народа поддержать хунту, так же как и широкий бойкот референдума 29 сентября 1968 г. по фашистской конституции (согласно даже официальным приукрашенным данным, $\frac{1}{3}$ населения, несмотря на фашистский террор, не пришла к урнам или проголосовала против фашистской конституции. В Афинах и в других крупных городах, где фашистское насилие не могло носить такого

необузданного характера, как на периферии, это число было еще значительнее), как нельзя лучше демонстрировали подлинное отношение подавляющего большинства народа к хунте. Дополнительным аргументом, доказывающим изоляцию хунты, является и тот факт, что, несмотря на отчаянные попытки, предпринимавшиеся военщиной хунты после установления диктатуры, ей так и не удалось создать собственную политическую партию.

Греческие неонацисты, так же как и их предшественники, сразу же после захвата власти сосредоточили все свои усилия на завоевании средних слоев населения. Не принимая на себя никаких конкретных обязательств об оказании помощи крестьянам или мелким ремесленникам для выхода из кризиса, укрепления их экономической самостоятельности, освобождения от гнета монополий, они начали проповедовать известные фашистские лозунги о «решающей роли средних слоев в экономической жизни страны» и щедро раздавать абстрактные обещания об «оздоровлении» политической жизни, об обеспечении «сильной власти», которая принесет «классовый мир» и создаст нужные условия для деятельности и «экономического процветания средних слоев». Чтобы эти лозунги не выглядели абсолютно пустыми и бесплодными, хунта вынуждена была принять некоторые, на первый взгляд привлекательные, меры — ликвидировать часть задолженности крестьян и предоставить незначительные пенсии, которые, уступая давлению народа, и так повсеместно вынуждены были предоставлять правящие буржуазные круги в различных странах. Очень скоро, однако, эти «благodeяния» хунты обернулись новыми невзгодами для крестьян, «новые долги» которых под двойным гнетом государства и монополий значительно возросли. Обманом оказались и остальные обещания поддержки мелких ремесленников и торговцев городов. Подобной политикой афинские диктаторы не смогли привлечь на свою сторону широкие массы крестьян и средние слои города.

Спустя год после переворота орган английских монополий «Экономист — Форейн рипорт» указывал, пожалуй, с некоторым сожалением на общественную изоляцию фашистского режима Греции: «Одна из крупных ошибок военного режима состоит в том, что с самого начала он не обеспечил себе поддержку правых сил, оттолкнул консервативные элементы и традиционное мо-

нархическое крыло»³². Тремя годами позже к тому же выводу пришла консервативная швейцарская «Газетт де Лозанн»: «Хунта пыталась завоевать симпатии среднего человека, на которого могла бы опираться, создавая благоприятные условия для крестьян, составляющих половину населения, однако она не смогла укрепиться в деревне. Если бы хунта могла превратиться в партию, она потерпела бы полное поражение на выборах... Даже если бы она смогла в действительности продемонстрировать положительные результаты своей политики, она не смогла бы убедить массы следовать за собой»³³.

В 1971 году отсутствие широкой опоры у фашистского режима вынужден был признать и бывший министр правительства хунты Г. Георгалас. В интервью французскому журналу «Экспресс» этот проповедник греческого неофашизма заявил: «Между нами и народом существует хаос. Для установления с ним связи нам нужны промежуточные слои, которые не с нами. Поэтому мы обращаемся к людям свободных профессий — юристам, врачам, ученым»³⁴.

Несмотря на неудачи попыток привлечь на свою сторону средние слои, хунта не прекращала усилий в этом направлении, так как понимала, что при одной поддержке монополий, без опоры на массы она не могла создать необходимый политический механизм, оправдать свои политические маневры, открыть путь к псевдопарламентаризму и придать режиму хотя бы внешнюю видимость демократизма. Помимо демагогических деклараций и пустых обещаний диктаторы неоднократно проводили встречи с представителями средних слоев и не уставали повторять призывы о необходимости сближения с режимом. В своих попытках привлечения масс деятели хунты и их приспешники прибегали к лести так называемым национальнoмыслящим и противопоставляли их демократически настроенным патриотам. Издатель ежедневного рупора неофашизма С. Констандопулос пропагандировал идею о том, что фашистская диктатура якобы родилась из «национальнoмыслящей группировки», являвшейся «хребтом и мозгом»³⁵ нации, и «спасла ее от опасности». Он пытался отождествлять вооруженные силы с национальнoмыслящими массами, пропагандируя, что «все национальнoмыслящие должны находиться на стороне армии даже тогда, когда она допускает ошибки, и сближаться с новым правительством»³⁶.

Неофашистские диктаторы Афин наряду с лестью и обещаниями не переставали пугать средние слои, примыкавшие к консервативным политическим партиям, призраком коммунистической угрозы, которой обычно страшится колеблющаяся мелкобуржуазная масса. Запугиванию этой массы служили сохранявшиеся в течение семилетней диктатуры военное положение, военные трибуналы, концентрационные лагеря и жесткий, проявлявшийся в различных формах террор.

Признавая изоляцию режима, диктатор Пападопулос с цинизмом, свойственным всем фашистам, заявил в августе 1970 года директору Би-Би-Си Грину: «От введения в стране военного положения осталась одна тень, но и она лучше любых иных законов держит в страхе народ»³⁷. Пользуясь тем, что антидиктаторское движение особенно на первой стадии не приобрело массового и боевого характера, хунта при помощи всех этих средств сумела временно нейтрализовать определенную часть средних слоев населения. Однако ей не удалось привлечь на свою сторону широкие массы народа. В своем подавляющем большинстве не только рабочие, служащие и интеллигенция, но и крестьяне и ремесленники не хотели мириться с фашистским режимом.

Неудачу потерпела хунта в своих попытках найти опору в массах молодежи. Выдвинув лозунг о невмешательстве молодежи в политику, она пыталась оторвать молодежь от политической жизни страны, сделать ее аполитичной и увлечь фашизмом. Будучи не в состоянии изолировать молодых рабочих и служащих, студентов и учащихся от текущих и будущих проблем своей страны и международной жизни, хунта сосредоточила усилия на фашистской идеологической обработке молодежи и на объединении ее в организации фашистского типа. На этом пути она пыталась увлечь молодежь лозунгом: «Молодежь должна стать второй после армии движущей силой нового режима», различными демагогическими декларациями и обещаниями. Была создана и полувойсковая фашистская организация «Храбрые».

Ни щедрая государственная помощь, предоставленная «Храбрым», ни методы насильственной групповой вербовки, когда отдельные группы учащихся и служащих автоматически включались в ее состав, не помогли ей выполнить отведенную инициаторам ее создания роль ударной силы режима наряду с механизированными час-

тиями и отрядами «коммандос». Согласно официальным данным, число ее членов к 1972 году не достигло и 25 тыс. человек.

Плачевные результаты референдума 1973 года в крупных городах по вопросу о введении новых фашистских законов, подъем борьбы рабочих и служащих, средних слоев, студентов и молодежи, дальнейшее обострение внутренних противоречий также свидетельствовали об изоляции хунты от широких народных масс. Этими же причинами определялось удаление от власти многих инициаторов и организаторов фашистского переворота еще до того, как диктатура рухнула. Причем некоторые из них (Стамателопулос, Гантонас, Асланидис) впоследствии начали открытую войну против Пападопулоса, сосредоточившего в своих руках всю власть. Хунта, в конце концов, вынуждена была разделить в известной мере власть, хотя и под бдительным присмотром бывшего диктатора, со старыми политическими деятелями, которых ранее заклеила как «разложившихся и обанкротившихся», что также не в последнюю очередь объяснялось ее изоляцией. Помимо иных важных причин изоляция, антипатия и враждебность трудящихся к диктатуре обострили внутренние противоречия, сделали более шатким режим хунты. Глубокие противоречия между широкими народными массами и фашистским режимом, косвенно признанные самими диктаторами и вызывавшие у них страх, являлись также одним из основных факторов, который вынуждал и буржуазные политические силы становиться в оппозицию по отношению к диктатуре.

Таким образом, недавний греческий опыт вновь показал, что не существует объективных причин, предопределяющих переход средних слоев населения — этой многочисленной общественной силы на сторону врагов рабочего класса, на сторону неофашизма, что связи этих слоев с фашизмом не являются ни обязательными, ни органичными. Лишь при определенных условиях фашизм, а впоследствии и неофашизм может захватить власть путем насильственного переворота, вопреки желанию подавляющего большинства населения, а затем, используя безудержную социальную демагогию и террор, попытаться перетянуть на свою сторону определенные группы, и прежде всего колеблющиеся средние слои и не имеющую опыта незрелую молодежь.

**РЕАКЦИОННАЯ
ВОЕНЩИНА — ОДНА
ИЗ ГЛАВНЫХ ОПОР ХУНТЫ**

Находясь в изоляции от широких народных масс, хунта все больше опиралась на местную и иностранную военщину, приведшую ее к власти.

Фашизм, как известно, всегда был связан с реакционной военщиной. Фашизм и милитаризм взаимно связаны. Их объединяет общность интересов и политических целей — защита капиталистической системы и укрепление диктатуры плутократической олигархии, направленной против рабочего класса и широкого демократического движения.

В довоенный период милитаризм сыграл важную роль в развитии фашистского движения и установлении фашистских диктатур в ряде стран Европы. Фашизм, со своей стороны, как общественно-политическое движение и в прошлом, большей частью после захвата власти, способствовал усилению и развитию милитаризма, укреплял с ним связи. Единение милитаризма и фашизма не было везде одинаковым, не было оно свободно ни от трений, ни от противоречий. В Италии и Германии, например, основная роль в этом черном союзе принадлежала политическим силам фашизма, в Испании и в других европейских странах главный тон задавала военщина, а диктатуры, установленные там, носили военно-фашистский характер.

В некоторых случаях между военными и политическими фашистскими кругами разгорались острые противоречия, причинами которых были не глубокие социальные, политические или идеологические разногласия, а драчка за власть или расхождения по тактическим вопросам. Особенности сотрудничества милитаризма и фашизма и возникавшие время от времени противоречия не мешали существованию этого союза, за который человечество заплатило реками крови, и осуществлению его общих усилий — расколу рабочего, демократического движения и укреплению господства реакционных монополистических кругов.

Тенденция к сотрудничеству милитаристских кругов с наиболее реакционными представителями монополистической олигархии — фашистами наиболее отчетливо проявилась после второй мировой войны, когда воен-

щина и военно-промышленные круги укрепили свои позиции в экономической и политической жизни многих капиталистических стран, когда империализм начал использовать систему агрессивных международных блоков, милитаризм и неофашизм в качестве главного оружия подавления прогрессивных движений, упрочения своих позиций и установления своего мирового господства.

В нынешних условиях всемерного обострения капиталистических противоречий руководящие монополистические и политические круги капиталистических стран не в состоянии решить назревшие социальные проблемы при помощи государственно-монополистического регулирования экономики и различных маневров в социальной сфере. Поэтому они все больше прибегают к насилию и выдвигают на авансцену политической жизни реакционную военщину. Только за 1960—1970 годы было осуществлено свыше 30 военных переворотов в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

Господствующие классы капиталистических стран сегодня не ограничиваются использованием армии только как средства защиты своих интересов. Они пытаются расширить и укрепить связи милитаристской военщины с наиболее реакционными политическими силами, прежде всего с неофашистами.

Тенденция к сближению и сотрудничеству военщины с неофашистами, четко обнаружившаяся во многих капиталистических странах, набрала особую силу в Греции, которая после второй мировой войны очутилась в большой зависимости от империализма. Этому способствовали традиционно антидемократические, антинародные настроения, царившие среди греческой военщины, поражение демократических сил в гражданской войне, которое дало дополнительный повод для разжигания милитаризма и антикоммунизма.

Чтобы скрыть свои истинные намерения, руководящие круги капиталистического мира всегда пытались навязать народным массам идею о «надклассовом характере» армии, которая будто бы выражает и защищает интересы всего народа, а не какого-либо определенного класса. В. И. Ленин указывал на стремление реакции разработать теорию об «общенациональном» характере армии, которая будто бы вне политики и поэтому является «удобным прикрытием» подлинных устремлений буржуазии.

Это «удобное прикрытие» широко использовалось греческой реакцией. Всеми способами монополистические реакционные круги страны пытались внедрить в сознание народа идею о том, что вооруженные силы якобы стоят над партиями и группировками, идею, превратившуюся после установления диктатуры в лейтмотив всей фашистской пропаганды. Действительность была совершенно иной. До 21 апреля 1967 г. вооруженные силы были преторианцами * режима эксплуатации и подавления народа. Как признал Г. Георгалас — теоретик греческого неофашизма, когда старые государственные институты стали «недостаточными и неспособными», чтобы справиться с народным движением, военные решили «проявить инициативу» и не ограничиваться «мелким ремонтом», а взять власть и не возвращать ее старым политикам³⁸. Иными словами, когда господствующие империалистические круги опасались, что буржуазная демократия недостаточна для обслуживания их интересов, и убеждались, что реакционная военщина готова сыграть роль ударной силы — роль «преторианцев», армии передавалась диктаторская власть, которая надежнее, чем традиционные буржуазные политические силы, обещала сохранить режим эксплуатации и подчинения иностранному капиталу.

Эта задача возлагалась на военщину потому, что она, единственная, владела оружием, была подготовлена идеологически и организационно для подавления демократии внутри страны и по сравнению с реакционными политическими силами выступала более сплоченно. Однако это последнее обстоятельство организаторы и вдохновители фашистского переворота 1967 года учли не совсем правильно. Исходя из убеждения, что антикоммунистическими настроениями охвачен весь офицерский корпус, как это было после гражданской войны 1946—1949 годов, они не заметили глубинных противоречий, скрытно развивавшихся даже в этом, наиболее сплоченном отряде охранников капиталистических порядков. Было известно, что генералы и часть офицеров не готовы идти на такую крайность, как установление фашистской диктатуры, а предпочитали умеренную диктатуру армии, королевского двора и правой реакции; их опередили и

* В Древнем Риме — привилегированная часть войска. В переносном смысле — наемные войска, служащие опорой власти, основанной на грубой силе.

отстранили в решительный момент действий. Но организаторы переворота не были в состоянии понять, что разногласия между генералами и полковниками, между большой и малой хунтой, отражали глубокие процессы, захватившие греческую армию в результате обострения социальных противоречий и усиления политического кризиса в стране, что помимо двух основных тенденций и группировок внутри армии формировалось и третье — движение офицеров, стоявших ближе к народу и выступавших за демократическое развитие Греции.

Эти противоречия наглядно выявились в момент, когда был отдан приказ о выступлении танков НАТО, и после установления диктатуры. Позднее стало известно, что ряд офицеров сухопутных сил, большая часть офицеров военно-морского флота и военно-воздушных сил противодействовали перевороту, а позднее предприняли две попытки контрпереворота (одну попытку предприняла группировка вокруг короля Константина в декабре 1967 г., вторую — экипаж миноносца «Велос» в декабре 1972 г.). Было немало случаев, когда патриотически настроенные офицеры выражали враждебность по отношению к фашистской диктатуре и подвергались за это преследованиям.

Хунта сразу после захвата власти вынуждена была прибегать к систематическим чисткам, чтобы изгнать из армии дух сопротивления и обеспечить беспрекословное подчинение и полную поддержку силы, которая установила саму диктатуру.

Чистка началась с военно-морского флота и военно-воздушных сил, где наиболее сильно проявлялась враждебность по отношению к фашистскому перевороту. В первые месяцы диктатуры было удалено столько флотских офицеров, что, по образному выражению газеты «Нью-Йорк таймс», «практически ничего не осталось от греческого военно-морского флота»³⁹. Настроения против фашистской диктатуры среди военных летчиков были столь сильны, что один из деятелей хунты вынужден был сказать корреспонденту той же газеты, что они могли бы «выбросить режим в мусорную яму». «Мы можем, — заявил он далее, — удалить 500 офицеров, однако через год появится 500 новых возмутителей спокойствия»⁴⁰.

Беспокойство о положении в армии было настолько сильным, что хунта безо всяких колебаний решительно приступила к массовому удалению из всех родов войск

неугодных ей офицеров. В течение трех-четырех лет, согласно официальным данным, приведенным комиссией по иностранным делам американского конгресса, хунта уволила в отставку 2577 офицеров. В действительности же были уволены в отставку или заключены в тюрьмы примерно 4 тыс. офицеров, или 40% офицерского корпуса. Среди них было 150 генералов различных рангов. Как писала английская газета «Санди таймс», отстранены были все военнослужащие, не проявившие пусть в самой малейшей степени полного повиновения режиму фашистской диктатуры⁴¹.

Фашистская хунта не удовлетворилась массовыми чистками офицерского корпуса. Чтобы обеспечить преданность офицеров, оставшихся в армии, хунта предоставила им многочисленные льготы, увеличила зарплату, выделила займы на строительство жилья, открыла двери учебных заведений их детям. Офицерство после судовладельцев, банкиров и крупных предпринимателей стало наиболее привилегированным слоем общества. Одновременно на ключевые посты в армии были назначены наиболее доверенные лица. Быстрого продвижения по служебной лестнице добивались в первую очередь те, кто проявил особую активность в антинародной деятельности.

Были сделаны решительные шаги по пути полного слияния военщины с неофашизмом, по пути военизации всей общественной и политической жизни страны.

Представители фашистской хунты были направлены во все государственные, общественные и культурные учреждения, в университеты, организации молодежи и спорта. Шесть генералов в отставке были назначены в качестве «правительственных опекунов», то есть гаулейтеров в университете и других высших учебных заведениях. Офицеры становились префектами и губернаторами провинций, на них возлагался контроль над печатью, кино и театром. Примерно 300 офицеров, облеченных полным доверием хунты, были наделены высшими полномочиями и контролировали не только политическую, но и всю экономическую, общественную и культурную жизнь страны.

В целях законодательного закрепления военизации экономической, политической и общественной жизни страны в 1968 году хунта издала специальное постановление о руководстве вооруженными силами и компетенции главнокомандующего. Согласно этому постановле-

нию, в ведение так называемого Совета национальной обороны, то есть хунты, и командующего вооруженными силами входили не только вооруженные силы, но и министерства, организации, службы и учреждения, которые косвенным путем могли быть связаны с обороной. Совет законодательным путем получал право контроля за службой безопасности, портовой службой, руководителями гражданской обороны, пожарной службой, а также и гражданской авиацией. Архигаулейтером этого совета был провозглашен тогдашний лидер хунты Г. Пападопулос, а первым его заместителем — командующий вооруженными силами О. Ангелис. В следующем, 1969 году диктатор наделил новыми полномочиями верного служаку режима генерала Ангелиса. За ним было признано право решать все экономические вопросы вооруженных сил, определять состав офицерского корпуса всех родов войск, контролировать организации резерва, решать все вопросы военного обучения, назначения и продвижения по службе офицеров.

Укреплению связей реакционной военщины с неофашистским режимом служила и созданная хунтой в апреле 1970 года в рядах армии полувоенная организация — Национальная гвардия. Согласно официальным заявлениям, эта организация, руководимая преданными диктатуре офицерами, имела целью подавление совместно с армией и полицией народных волнений и выступлений, ликвидацию любой «коммунистической анархии» или иной «подрывной» деятельности. Когда и этих мер оказалось недостаточно для полного превращения армии в преданный отряд преторианцев диктатуры, хунта прибегала к активным террористическим методам. Как показал в кассационном военном трибунале в начале 1973 года мичман А. Какарас, а также согласно данным, сообщенным командиром миноносца «Велос» Н. Папасом в письме, адресованном НАТО, хунта не только изгнала из вооруженных сил неугодных ей офицеров, но в целях запугивания остальных многие уволенные были осуждены военными трибуналами, подвергнуты нечеловеческим пыткам в застенках военной полиции. Была создана особая каторга для военнослужащих на бывшем военном корабле «Элли» в Элевсине и других местах. Все это дало основание американскому сенатору Х. Грину заявить в комиссии по иностранным делам сената США, что греческий офицерский корпус «политизирован до невиданной ранее степени, и роль армии в обеспечении на-

циональной обороны отошла на задний план. На первое место выдвинулась ее роль как преторианской гвардии»⁴². К этому, в основном правильному, утверждению следовало бы добавить, что армия Греции не просто играла роль преторианской гвардии, но отождествлялась с неофашистским режимом. Реакционные круги военщины, жандармерии и полиции, независимо от того, носили они погоны или нет, составляли главную опору и движущую силу фашистской диктатуры, по существу, играли роль фашистской организации и ее партии и одновременно направляли всю деятельность механизма насилия и принуждения.

Решающую роль в этом процессе сыграли и тесные узы греческой военщины с наиболее агрессивными кругами НАТО, тот факт, что Атлантический блок, который рассматривает Грецию важным районом в своих стратегических планах, держал под полным контролем греческие вооруженные силы и делал все, чтобы поддерживать в них дух «холодной войны» и антикоммунизма, чтобы реакционная военщина определяла общественную и политическую жизнь страны.

Говоря о роли военщины в установлении и поддержке неофашистской диктатуры, мы не должны рассматривать армию как класс или как партию, как это делают некоторые представители антидиктаторских сил⁴³. Армия всегда была и остается при диктатуре главным органом, служащим интересам местной олигархии и иностранного капитала. Сколько бы хунта ни пыталась представить армию как надклассовую, общенациональную силу, она, по существу, выполняла узкоклассовую миссию и в конкретных условиях страны стала главным ядром неофашистского режима, который стремился обеспечить интересы именно местных и иностранных монополистических кругов. Армия не может быть отождествлена и с политической партией. Действительно, под ее контроль попали все политические и общественные институты, и в известной степени она выполняла также функции, которые должна была бы выполнять политическая организация неофашистского режима. Монополистические круги и крайняя реакция не отождествляли армию с партией, так как знали, что это создало бы угрозу их планам и целям. В то же время они не оставляли попыток реализовать свою идею создания неофашистской политической организации, которая в качестве своего ядра включила бы прежде всего и главным обра-

зом всех действующих или вышедших в отставку инициаторов фашистского переворота и иных известных фашистов, неофашистов и лиц, сотрудничавших с гитлеровскими оккупантами.

Неосновательны и не соответствуют действительности взгляды тех, кто считал, будто бы в армии уже не было патриотически мыслящих офицеров, озабоченных судьбами родины. Все, кто придерживался подобных взглядов, забывали, что состав армии не однороден: большая часть офицерского корпуса происходила не из привилегированных, а из мелкобуржуазных слоев, забывали, что часть их, пусть и небольшая, сохранила тесные связи с трудящимися города и деревни. Кроме того, помимо офицеров простые солдаты, матросы и летчики, основная масса армии, являются детьми рабочих, крестьян, служащих и мелких ремесленников и самым непосредственным образом испытывают общественные потрясения и горькие последствия обострения противоречий и антинародной политики диктатуры.

Сколько бы чисток ни проводила хунта в армии, она не могла ее изолировать от жгучих экономических, политических и социальных проблем страны, уберечь ее от влияния сохранявшихся острых общественных противоречий и растущего антидиктаторского народного движения. Хунта пыталась нейтрализовать это влияние предоставлением различных льгот офицерам, террором военной полиции ЭСА, которую молодые патриоты совершенно справедливо отождествляли с гитлеровскими войсками СС. Однако эти меры не привели к тем результатам, на которые рассчитывала хунта. Это совершенно определенно проявилось в дни обострения кризиса режима хунты и антинациональной авантюры на Кипре, когда практически весь офицерский состав 3-й армии занял антихунтовскую позицию и потребовал замены хунты гражданским правительством.

Опасность внутренних изменений в армии лучше других осознавали империалистические круги, стоявшие за спиной диктаторского режима, и даже сама хунта. Поэтому рядом с реакционной военщиной в качестве главной опоры всегда находились военная полиция Иоанниса и секретные службы, объединявшие в своих рядах самые продажные, разложившиеся, преступные элементы греческого общества.

Роль ЭСА в поддержке режима хунты проявилась еще яснее, когда ее руководитель со своими соратника-

ми устранил Пападопулоса, чтобы спасти пошатнувшуюся диктатуру. Впоследствии, после свержения диктатуры, было выявлено немало свидетельств террористической деятельности этой службы, что еще больше подтверждало вывод, что ЭСА была самой решающей частью реакционной военщины, защищавшей интересы правящих кругов и фашистского режима.

Впрочем, само Положение об ЭСА, утвержденное в 1968 году диктатором Пападопулосом по предложению Иоаннидиса, подчеркивает исключительную и ответственную роль ЭСА в армии и особое значение милитаризма и антикоммунизма, которыми должна быть пронизана вся ее деятельность. На основе этого Положения сотрудники ЭСА — наемники и платные агенты, освобожденные от бремени повседневной военной службы, занятий, уборки и пр., — имели право контролировать любого военнотружущего, право свободного доступа в любые части и учреждения, право создавать в каждом подразделении специальные отряды с откровенно шпионскими и террористическими задачами. В Положении давались также рекомендации по процедуре ареста, пыткам патриотов, а также указывались наиболее эффективные, с точки зрения властей, методы борьбы с демократическими взглядами солдат и гражданских лиц (ст. 48 и 49).

К реакционной военщине и ЭСА тесно примыкала и стояла в известной мере над ними разведывательная служба КИП. Являясь филиалом американского ЦРУ, она принимала самое непосредственное участие в подготовке и установлении диктатуры и вместе с другими милитаристскими органами составила одну из главных опор фашистского режима. После переворота 1967 года полиция, органы безопасности и КИП так широко протянули по стране свои щупальца, что, как писала французская консервативная газета «Фигаро», только в Афинах насчитывалось свыше 100 тыс. тайных агентов и шпионов⁴⁴.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что греческий неофашизм, не располагая широкой народной базой, опирался главным образом на армию, на штыки и танки НАТО.

Греческая военщина, как, впрочем, и любая военщина капиталистической страны, хотя и представлялась монолитной, на самом деле внутри была глубоко расколота. Разногласия, существовавшие в вооруженных си-

лах страны, все больше отражали различные движения и неоформленные группировки:

а) главная группировка хунты, прямо связанная с агрессивными империалистическими кругами и стремившаяся к сохранению фашистской диктатуры и разгрому народного, демократического движения, но также не свободная от внутренних трений;

б) группировка, которая стремилась сохранить и защитить устои старыми антидемократическими, умеренными способами, но которая в основном была удалена из армии;

в) немногочисленная группировка, которая стояла ближе всего к народу и боролась в рядах армии или вне ее за демократический и независимый путь развития страны.

Неоднородный состав армии, ставший источником противоречий в последний период хозяйничанья хунты и поводом к новым чисткам, вынудил господствующие круги плутократической олигархии и иностранных монополий опираться в основном на наиболее фанатичных и специально подготовленных в школах НАТО офицеров, на фашизированный государственный и полицейский аппарат и в первую очередь на секретные службы.

АНТИНАРОДНАЯ И АНТИНАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХУНТЫ

●●●●● 1

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ПАЛАЧ ДЕМОКРАТИИ

После захвата власти хунта сразу же поспешила заявить, что ее целью является спасение страны от «хаоса», «защита демократии» и «восстановление обновленной, подлинной демократии». На самом деле вовсе не забота о демократии выплеснула танки НАТО на улицы Афин и тем более не заинтересованность хунты «в глубоких изменениях экономических устоев страны», как утверждала группа ревизионистов в своем манифесте 1971 года¹.

Прежде всего сами диктаторы и их идеологические апологеты неоднократно признавали, что неофашистский режим 21 апреля не стремился затрагивать «существующую экономическую и социальную систему, а хотел разрушить старые политические институты»², иными словами — заменить старый буржуазный политический механизм и устаревшие буржуазно-демократические институты, которые, по их мнению, полностью обанкротились и уже больше были не в состоянии воспрепятствовать широкому демократическому движению и тем более подавить его и таким образом обеспечить безудержную эксплуатацию и угнетение трудящихся и беспрекословное подчинение Греции интересам американского империализма.

И если для понимания этой истины недостаточно одних заявлений деятелей хунты, то лучшим доказательством и подтверждением антинародных, антидемократических и антинациональных целей диктатуры являются ее практические дела.

В течение семилетнего периода диктатуры хунты страна оказалась погруженной во мрак. За это время различные группировки хунты, державшие в своих руках бразды правления, камня на камне не оставили от старых буржуазно-демократических политических устоев. Конституция страны, хотя и с ограничениями признававшая основные права граждан, была упразднена. Вместо нее было введено военное положение, открывшее путь для любых антидемократических акций, и приняты законы военного времени, которые явились дамокловым мечом террора, занесенным над головами греков; 279 профсоюзных и иных прогрессивных организаций было распущено. Любая профсоюзная или иная общественная деятельность запрещалась. Парламент, обладавший некоторыми контрольными функциями над исполнительной властью, был распущен. По образцу парламента Франко и корпоративного фашистского парламента Португалии был создан мини-парламент, состоявший из назначенных послушных представителей режима, наделенных к тому же только совещательными полномочиями. Была запрещена деятельность всех прежних политических партий как опасных или устаревших. Их роль должны были выполнить различного рода неофашистские организации, к которым молодежь и весь народ сразу же отнеслись с глубоким презрением. Были схвачены и брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря выборные руководители сохранившихся профсоюзных, кооперативных и других организаций. На эти посты были назначены верные режиму лица, миссия которых сводилась исключительно к тому, чтобы не допустить или сделать тщетными и бесплодными выступления трудящихся. Они должны были воспевать тех, кто покончил с демократией. Тысячи избранных населением мэров, председателей и членов общин, советников муниципалитетов были заменены военными или гражданскими лицами, не пользовавшимися абсолютно никаким уважением у населения. Новые представители власти занимались взяточничеством, насаждали обстановку слежки и доносов и подменяли фашистской демагогией деятельность органов местного самоуправления. Ухудшилась обстановка и в буржуазной юстиции. Военные трибуналы осуждали к суровым мерам наказания десятки и сотни греческих патриотов, не проявлявших готовности подчиниться тирании. В места заключения, в тюрьмы и концентрационные лагеря было брошено около 100 тыс. патриотов.

Таким способом для процветания фашистской диктатуры был создан подходящий климат неуверенности и страха. Продолжая и совершенствуя фашистские методы подавления любого проявления в защиту демократии, хунта превратила места заключения своих политических противников в места бесчеловечных пыток, где, по выражению палачей, те, кто не готов подчиниться фашистскому режиму, должны быть подвергнуты «специальной обработке».

Для расправы над коммунистами и другими патриотами использовались все варварские средства: от выжигания тела горящими сигаретами и вырывания щипцами ногтей и волос до электрического тока и имитации казни, которые приводили многих патриотов к сумасшествию или инвалидности. Изошренные преступники, они дошли до того, что провозгласили пытки дозволенными на первой стадии расследования и назвали их «терапией» для греков, обеспечивающей восприятие «обновленной» демократии хунты.

Распространялась бесстыдная демагогия о якобы бескровной «революции». Но кто в Греции или за рубежом не знает Панайотиса Эли, Георгиса Царухаса, Андреаса Антанаспулоса, Марию Калавру, Яниса Халкидиса, Никоса Мандилариса — патриотов, ставших жертвами палачей хунты или умерших на пустынных островах и в казематах от нужды и лишений. Никто не может игнорировать и тот факт, что режим хунты ускорил смерть многих политических деятелей и представителей интеллигенции.

Военная камарилья, правда, надеялась, что эти преступления будут преданы забвению с течением времени или под прикрытием шумной демагогии о «человеческих принципах» главы диктатуры. Бойня, совершенная на улицах Афин в ноябре 1973 года, еще раз показала всему миру, что фашизм неотделим от преступлений. Вторая группировка, захватившая власть в руководстве хунты, пыталась скрыть преступления, совершенные их предшественниками, и освободить убийц от всей тяжести ответственности, а некоторые из консервативных политических деятелей, сменивших хунту, хотели предоставить индульгенцию палачам. Но матери, братья и сестры студентов и рабочих, павших от пуль хунтистов в кровавые дни ноября, и тысячи патриотов, подвергавшихся жестоким пыткам охранниками и членами ЭСА, не забудут преступлений оголтелого сброда неофашистов хунты

и своей борьбой добьются, в конце концов, заслуженного наказания преступников.

Чтобы повсеместно насаждать иссушающий фашистский дух отсталости, пронизать всю интеллектуальную деятельность средневековым мракобесием, хунта изгнала из университетов десятки демократически настроенных профессоров и преподавателей, бросила в тюрьмы сотни ученых, адвокатов, учителей, писателей и журналистов, распустила Общество греческих литераторов, Союз редакторов афинских газет, запретила распространение многих книг греческих и зарубежных прогрессивных писателей. Запрещенные книги были сожжены, как это было сделано и во времена Гитлера в Германии. Был наложен запрет на продажу пластинок с записями любимой народной музыки. В результате они получили хождение только на «черном» рынке, напомнив времена гитлеровской оккупации. Одновременно хунта закрыла все левые газеты и журналы. Применяя экономические санкции и другие ограничения, она вынудила многие органы печати, придерживавшиеся антидиктаторской линии, прекратить свою деятельность. Таким образом, примерно 250 журналистов были выброшены на улицу, а десятки из них были заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Подняв на щит такого деятеля, как Дьякос, правую руку диктатора Метаксаса, хунта ввела строгие ограничения для печати, вынудила все газеты замалчивать почти все ближневосточные события в период агрессии Израиля против арабских стран, запретила публикации о войне во Вьетнаме и не разрешала касаться того, что затрагивает авторитет высоких покровителей — американских империалистов, того, что могло бы расцениваться как критика режима. Чтобы задушить голоса протеста, новоявленный гитлеровец диктатор Пападопулос запретил жалобы на допускаемые им нарушения законов и угрожал, что если, в конце концов, греки не приносятся и не приспособятся к подготовленному им прокрустову ложу, то он не остановится перед установлением открытой тирании, где, как он выразился, «каждый стал бы ответствен за возможные превратности своей судьбы»³.

Все, что осталось ценного в области литературы и искусства, в духовной жизни, все, что удалось защитить творческой интеллигенции, при хунте Пападопулоса было безжалостно растоптано ее ближайшими соратника-

ми и последователями — грубыми невеждами из ЭСА. Военно-гражданская хунта, сменившая Пападопулоса, создала видимость отмены цензуры, однако эсэсовцы Иоаннидиса повесили замки на издательства газет «Христианики» и «Врадини» за то, что те попытались приоткрыть завесу над некоторыми скандальными историями группировки Пападопулоса, и составили новый черный список запрещенных книг, включивший и «Воспоминания Колокотрониса»*.

Этот антидемократический, фашистский разгул хунта пыталась закрепить целым рядом законов, которые включали в себя акты времен диктатуры Метаксаса, чрезвычайные меры периода гражданской войны или слепо повторяли фашистские законы Гитлера и Франко. Под предлогом спасения родины конституционными актами было приостановлено действие основных статей конституции, гарантировавших демократические свободы, введено осадное положение и определена процедура создания новой фашистской конституции (акты первый и второй).

Четвертый конституционный акт лишил каждого гражданина или юридическое лицо права обращения в Государственный совет с жалобами на незаконные решения и действия хунты. Седьмой конституционный акт дал юридическую основу для лишения гражданства и конфискации имущества тех греков, которые, как указывается в этом законе хунты, нарушили ст. 1 и 2 закона 509 периода гражданской войны и развернули антидиктаторскую деятельность за рубежом. Чтобы сделать этот закон более суровым и наказать всех патриотов, которые тем или иным способом выражали свое отвращение и оказывали сопротивление фашистской тирании, их лишили права кассации соответствующих приговоров и решений диктатуры.

На основании восьмого конституционного акта хунта объявила о преследовании государственных служащих и граждан, которые «нарушают» фашистский закон 375 от 4 августа, «вдохновляемые антинациональными (т. е. демократическими и антифашистскими. — С. З.) идеями, направленными против существующего режима».

При помощи принудительных законов 4, 6, 10 хунта санкционировала увольнение членов выборных органов

* Т. Колокотронис (1770—1843 гг.) — национальный герой Греции, руководитель отрядов повстанцев в национально-освободительной борьбе 1821—1827 годов.

самоуправления и замену руководителей организаций и прогрессивных союзов своими людьми; законом 99 хунта дала возможность предпринимателям увольнять без разбора всех трудящихся, которые не проявили готовности превратиться в бессловесных рабов, и наделила министра труда неограниченными полномочиями утверждать эти увольнения.

Четырнадцатый конституционный акт 1968 года отменил принцип пожизненного назначения судей и положил начало чистке судебных органов. Пятый конституционный акт «узаконил» увольнения демократически настроенных профессоров университетов и открыл путь преследованиям любого деятеля высшего образования, который своим поведением показывал, что «не вдохновляется соответствующим новому режиму духом», который, иными словами, обладал чувством собственного достоинства и не отдал свои знания на службу позорной для страны фашистской диктатуре.

Устав высших учебных заведений, в котором были переняты положения службы безопасности, предусматривал ведение досье на каждого студента (ст. 95), запрещал студентам коллективное обсуждение своих проблем (ст. 114), не позволял без разрешения ректора назначать в свои профессиональные организации студентов, которые в результате гонений «потеряли год учебы».

В числе многочисленных фашистских законов особое место занимали закон о печати, который ликвидировал полностью понятие свободы печати, а также закон о корпорациях и особенно закон о партиях.

Закон о рабочих профсоюзных организациях, утвержденный так называемым «совещательным комитетом» хунты 18 мая 1971 г., запрещал профессиональным корпорациям поддерживать какие-либо связи с политическими партиями или преследовать в своей деятельности политические цели (ст. 6), запрещал забастовки и обращения в арбитраж при разногласиях с предпринимателями, что предусматривала ст. 8 законоположения 3239/55, лишал права рабочих выдвигать представителей, которых они считали способными, в руководство корпораций (ст. 21), под предлогом обеспечения общественного порядка отменял любое решение и запрещал любое действие рабочих организаций (ст. 38). Таким образом, при помощи этого явно фашистского закона хунта стремилась задуть последние остатки профсоюзных свобод и «выборами» в корпорации и федерации

преданной диктатуре рабочей верхушки превратить профсоюзы в органы, призванные ослабить боевитость выступлений трудящихся, способствующие фашизации профсоюзного движения и передаче их физически в услужение и под контроль монополий.

Протесты трудящихся, возмущение международной общественности, включение Греции Международным бюро труда в список стран, где не выполняются международные конвенции и подавляется профсоюзное движение, вынудили хунту в этом вопросе прибегнуть к маневрам.

В начале 1973 года, после созыва так называемого 17-го съезда Всеобщей конфедерации труда Греции (ГСЕЕ) и назначения в ее руководство своих людей из представителей олигархии и службы безопасности, хунта объявила, что с кодификацией трудового законодательства будут «отменены многие ограничения», введенные законом о корпорациях и другими актами. Однако обман с кодексом о труде был настолько очевиден, что даже руководство ГСЕЕ под нажимом трудящихся было вынуждено назвать новый акт антирабочей стряпней, которая не только не улучшила прежнее трудовое законодательство, но отменила уже существовавшие права трудящихся. Согласно утверждениям руководства ГСЕЕ, которое отвергло кодекс о труде как неприемлемый, и протестам других организаций, новый фашистский законопроект, абстрактно разглагольствовавший о профсоюзных свободах, ничего конкретно не говорил об отмене запрета политической деятельности профсоюзов. Кодекс упоминал лишь об экономической самостоятельности корпораций, но с созданием Организации управления специальными доходами производственных корпораций (ОДЕПЕС) он открыл путь для еще большего вмешательства властей в профсоюзную жизнь, создал новые возможности для предпринимателей нарушать 8-часовой рабочий день, докеров и матросов отдал на произвол судовладельцев и в целом явился не чем иным, как законоположением, защищавшим интересы работодателей⁴.

Закон о партиях являлся образцом законодательного шарлатанства хунты. Он не только запрещал возобновление деятельности прежних политических партий, но и всю новую политическую деятельность ставил под полный контроль диктатуры. По этому закону все осужденные за деятельность, направленную против существующего государственного строя и общественной системы,

то есть все борцы за демократию, не только не имели права создания политической партии, но не могли быть даже рядовыми членами каких-либо партий. С помощью конституционного суда хунта присвоила себе право контроля за целями, составом и финансовыми средствами партий, основанных под ее эгидой. Апогеем фашистского законотворчества хунты была конституция 1968 года, разработка и принятие которой сопровождалась еще большим разгулом насилия и различными фальсификациями.

Конституция, по существу, лишала граждан всех демократических прав, признанных мировым сообществом и закрепленных соответствующими международными конвенциями, поделив граждан на «свободных» и париев — политически бесправных личностей. Она делала вооруженные силы, растоптавшие демократию и силой захватившие власть, ответственными не только за защиту национальной независимости и территориальной целостности страны, но и «государственного строя и общественной системы от внешних и внутренних врагов» (ст. 129), провозглашала защитником «конституционных принципов». Конституционно и на века закреплялось положение о распродаже страны иностранным, особенно американским, монополиям (ст. 23). Предписывалось создание псевдопарламента, не имевшего права критики и замены правительства, отменялся существовавший, пусть несовершенный, судебный контроль, осуществлявшийся судом присяжных, полностью размывалось прозрачное понятие буржуазной свободы печати.

Конституция хунты, названная решением Европейского совета 2467 в 1969 году «чудовищным фашистским созданием», имела единственную цель — правовое закрепление фашистской диктатуры.

Греческие и зарубежные исследователи этого документа, изобретенного для того, чтобы обеспечить компромисс хунты с королевским двором и основными буржуазными силами, пришли к выводу, что он фактически не применялся. Сама хунта, сотворившая его, боялась, что возможное применение вдохновит и усилит буржуазные антихунтовские силы и, главное, создаст, пусть слабую, возможность для развития народного демократического движения. Так это уродливое создание хунты, обошедшееся греческому народу во многие миллионы и принесшее немало драматических событий, было в итоге отменено второй группировкой хунты, которая при помо-

щи своего законодательства продолжала ту же политику. Ликвидация диктатуры окончательно выбросила все творения хунты на свалку истории.

Всем своим законотворчеством хунта стремилась придать законность фашистской деятельности, создать правовую базу диктатуры, сконцентрировать в своих руках всю власть, законодательную и исполнительную, укрепить свои непрочные позиции.

С намерением якобы «обновить политическую жизнь страны и демократию» наиболее активно осуществлялись различные акции, преобразования и маневры в 1973 году.

Самым главным маневром хунты была отмена монархии и провозглашение так называемой президентской республики. Другой маневр более широкого масштаба осуществлялся под знаменем якобы превращения режима из военного в гражданский. Из правительства были удалены многие военные, составлена и введена в действие новая конституция, по существу не отличавшаяся от прежней в своей главной цели — закреплении фашистской диктатуры. Премьер-министром был назначен один из старых политических деятелей С. Маркезинис, не имевший влияния в народе, были объявлены якобы настоящие выборы для избрания парламента.

Этими маневрами, проводившимися в условиях безудержного гонения на демократию, хунта стремилась вырваться из кольца изоляции, приглушить сопротивление, вовлечь в политическую игру, условия которой она определяла сама на основе фашистской конституции и других законоположений, буржуазные круги. Таким путем хунта намеревалась изгнать дух антидиктаторского единства, который образовался движением снизу и день ото дня все громче заявлял о своем существовании. В конечном итоге все это было направлено хунтой на усиление своих позиций. Еще одной причиной, объяснявшей, почему хунта прибегла к ликвидации монархии и к другим метаморфозам, была попытка показать, что единственным регулятором политической жизни страны остается армия. Изгнанием монарха из страны как бы ликвидировался полюс притяжения для некоторых недовольных офицеров и сглаживались противоречия и разногласия в вооруженных силах и в рядах самой хунты.

К проведению операций по провозглашению президентской республики и превращению режима из военного в гражданский хунту толкало стремление преумень-

шить критику режима со стороны местных и зарубежных буржуазных политических кругов. Свою роль в этом сыграли и внешние причины: углубление кризиса империализма и возрастающее стремление народов к демократии, необходимость избежать расширения кризиса Североатлантического блока, который не переставал подвергаться критике со стороны входящих в него стран-членов за поддержку неофашистского режима Афин, необходимость привлечения новых поступлений иностранного капитала, необходимость также помочь американским империалистам, ставшим объектом острой критики со стороны международной и национальной общественности за дружественную политику в отношении греческой неофашистской хунты.

Эти маневры хунты, однако, преследовавшие цель сцементировать режим и защитить его от нападков как внутри страны, так и извне, не смогли ввести в заблуждение широкие массы, авангард рабочего движения, весь политический мир. Все они, за исключением оппортунистов и разного рода ревизионистов, поспешивших выразить солидарность с политическими ухищрениями хунты, провозгласившей лозунг о поэтапном переходе неофашистского режима в демократический, правильно отмечали, что, под какой бы маской ни скрывала хунта свое лицо и ни приукрашала свои намерения, ее фашистская суть и цели остаются неизменными.

Временно было отменено военное положение, но оставались в силе все фашистские законы хунты, которые давали ей законную основу для любого рода антидемократических и антинародных действий. Монархия как реакционный институт и анахронизм была упразднена, но была предпринята попытка создания института монарха без короны или, того хуже, — одного фюрера. Вступила якобы в силу новая, более «демократичная» конституция, и правительство «демитализировалось», но Пападопулос являлся единственным диктатором, который в течение всех лет правления бесконтрольно решал вопросы внутренней безопасности, национальной обороны и внешней политики. Он обладал правом назначения и смещения министров, десяти процентов депутатов; в то же время армия, согласно конституции, могла в любой момент, когда считала необходимым, вмешаться, чтобы истребить мельчайший росток демократии.

Переплетение внутренних противоречий с обострением экономического кризиса привело к еще большему

обострению противоречий, подняло против режима новую волну народного гнева, что нашло свое выражение в бурных выступлениях молодежи и трудящихся Афин, Салоник и других городов в ноябре 1973 года.

Следствием обострения кризиса режима был контрпереворот 25 ноября 1973 г., устранивший от власти Пападопулоса и установивший диктатуру другой группировки хунты, группировки Иоаннидиса — Гизикиса — Андруцопулоса. Как показали события, этот контрпереворот был делом тех же сил, которые привели к власти хунту: местные и иностранные монополии и секретные службы использовали на этот раз в качестве ударной силы наиболее твердых деятелей, таких как Иоаннидис и Ладас, и таких опытных агентов, как Андруцопулос.

Обеспокоенный банкротством обогрессенного кровью греческих патриотов диктаторского режима, оказавшегося в полной изоляции от народа, американский империализм считал необходимым освободить хунту от ответственности за совершенные ею тяжкие преступления и вытащить режим из острого кризиса. Исполнение этой миссии было возложено, как и в 1967 году, на ЦРУ и его местных агентов. Правящие американские круги так же, как и после переворота, совершенного Пападопулосом, старались остаться непричастными к «процедуре смены караула» в греческой хунте. Однако их печать, например газета «Вашингтон пост» и др., рассказала, что чудовищный спрут — ЦРУ, руководивший палачами хунты, не только заранее информировал правительственные круги США о положении в Греции, излагал намерения преемников Пападопулоса сохранить и приумножить свои обязательства США, но и взялся довести до конца операцию по замене одной хунтовской клики другой.

Устранение Пападопулоса отнюдь не открыло путь к освобождению страны от фашистской тирании и тем более к демократизации общественной и политической жизни страны, обещанной новой хунтой. Конституция хунты как абсолютистская была отменена, был лишен некоторых полномочий президент-диктатор, и никто из военных, стоявших во главе контрпереворота, не вошел в состав правительства. В то же время вновь было введено военное положение, возобновили свою деятельность военные трибуналы, места заключения заполнились очередной группой политзаключенных, вновь были пущены в ход орудия пыток и истязаний, концентрационные ла-

геря действовали в качестве средства террора против населения и противников режима. Военная полиция — ЭСА, став над правительством, установила свой собственный кровавый режим крайнего, неограниченного насилия. Новый президент Гизикис, продолжая дело своего предшественника, дал новые обещания провести «демократизацию» и выборы. Одновременно премьер-министр Андруцопулос говорил о сохранении духа 21 апреля, а закулисные организаторы контрпереворота Иоаннидис и ЦРУ предупредили, что не допустят возврата к прежней обстановке, существовавшей до диктатуры, что прежние политические партии и их лидеры канули в безвозвратное прошлое и что армия остается главным регулятором жизни.

МИФ ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОМ ЧУДЕ» И СУРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Одной из неизлечимых болезней режима хунты, которая привела к свержению диктатора Пападопулоса и к окончательному банкротству хунтовской клики, была экономика.

В течение многих лет демагогия об экономической политике диктатуры являлась стержнем пропаганды, которая на все лады трубила, что благодаря «спасительной» для страны политике режима 21 апреля Греция совершила решающий скачок в экономике. Будто бы возросло промышленное производство, национальный доход на душу населения достиг почти уровня развитых капиталистических стран, была обеспечена завидная экономическая стабильность. Однако суровая действительность развеяла миф об «экономическом чуде» хунты. Достигнутый уровень экономического развития не являлся результатом деятельности хунты и, главное, не был стабильным и обнадеживающим.

В условиях развития государственно-монополистического капитализма и усиливающегося проникновения иностранного капитала в Грецию произошли изменения в структуре экономики и национального дохода. Возросла роль тяжелой промышленности, темпы ее роста превзошли темпы роста легкой промышленности. Образовались новые, современные отрасли (производство чугуна, стали, алюминия, химических удобрений, судостроение

и т. п.). Соответствующее развитие экономики происходило не на основе каких-либо глубоких структурных изменений и коренного качественного улучшения, создающего прочный фундамент для будущего развития страны, но главным образом ради прибыли местных и иностранных монополий, путем расширения существующей производственной базы и увеличения сферы услуг.

Последний элемент виден из анализа состава национального дохода, в частности из того, что относительный его рост происходит за счет обрабатывающей промышленности и услуг (туризм и т. п.). Среди отраслей производства продукция машиностроения занимала незначительное место в национальном доходе. По данным хунты, 50,4% национального дохода, полученного в 1971 году, составили услуги, 31,8% — обрабатывающая промышленность и 17,8% — сельское хозяйство⁵.

Несмотря на предпринятые шаги по модернизации, промышленность продолжала обнаруживать серьезные слабости. Ряд ведущих отраслей оказался в полной зависимости от многонациональных монополий (алюминиевая, нефтехимическая, судостроение; шинная и др.). Некоторые отрасли, перерабатывающие местное сырье (табачная, кожевенная и др.), находились в застое, сократилось производство в металлургии. Хуже всего было то, что показатели важнейшей отрасли, являющейся сердцевиной промышленного развития — машиностроения, в 1971 году составили всего 86,6% от достигнутого в 1966 году⁶.

В своем подавляющем большинстве промышленные предприятия были очень мелкими и не могли подняться до уровня современных требований по техническому вооружению и уменьшению стоимости производства. Объясняя серьезные структурные слабости греческой экономики, руководство хунты в «плане образцового многолетнего развития Греции», опубликованном в начале 1973 года, ссылалось на «упорное сохранение замкнутого характера производства», «дробность» предприятий в послевоенное время, что не соответствовало требованиям современной технологии, и как результат этого — на недостаточную эффективность экономики, высокую стоимость производства, низкий уровень специализации и т. п.⁷

Необоснованная, порой неграмотная, свидетельствующая об отсутствии опыта тактика хунты в области экономики особенно наглядно проявилась в ее инвестицион-

ной политике, в том факте, что инвестиции направлялись преимущественно в строительство, в сферу услуг и туризм. В то же время в машиностроении они сокращались. В 1972 году 22% стабильных инвестиций направлялись в строительство, а три ведущие отрасли промышленного производства — обрабатывающая, добывающая и энергетическая — располагали только 22,8%. В остальные производства размещался 21% инвестиций, большая часть которых шла на военные цели, и лишь 9,6% инвестиций направлялось в сельское хозяйство⁸. Государственные инвестиции во времена хунты не только не были спланированными и сбалансированными, но делались в пользу своих великих покровителей, судовладельцев и предпринимателей непроизводственных областей. В 1971 году, например, судостроение и туризм получили займов от Греческого банка промышленного развития (ЭТВА) в сумме 5642,4 млн., а вся промышленность получила всего 5197 млн. драхм.

Извращая действительность и раздувая фашистскую пропаганду, хунта пыталась представить как свое значительное достижение в экономике рост экспорта и валютных резервов.

В последние годы пребывания хунты у власти действительно отмечался некоторый прогресс в области греческого экспорта. С 400 млн. долл., которые составлял экспорт в 1966 году, эта сумма возросла в 1972 году до 835 млн. долл. Рост экспорта промышленных товаров произошел в основном за счет бокситов и алюминия, никеля и листового железа, то есть за счет продукции некоторых отраслей металлургической промышленности, получавших дотацию еще до 1967 года, принадлежавших местному и иностранному капиталу и не дававших большой прибыли стране. В тот же период экспорт основных видов продукции и сельского хозяйства не возрос, а даже снизился. Экспорт табака, например, со 125 млн. долл. в 1967 году упал до 94,8 млн. долл. в 1971 году. Но есть факты, которые не дают ни малейшего права хунте для хвастовства, — это факты одновременного роста импорта, объем которого увеличился с 1150 млн. долл. в 1966 году до 2407 млн. долл. в 1972 году, то есть более чем вдвое⁹.

Рост импорта отражал, с одной стороны, недостаточность внутреннего производства, которая стала особенно ощутимой и острой после непропорционального стимулирования развития строительства и туризма, а с другой —

низкую конкурентоспособность греческой экономики, корни которой крылись в нерациональном размещении инвестиций и, главное, в ущербной экономической политике хунты. Не удивительно поэтому, что в период диктатуры внешний торговый дефицит постоянно рос. С 1966 по 1973 год дефицит вырос с 745 млн. до 2816,7 млн. долл.¹⁰ При хунте резко возрос дефицит платежного баланса — с 211 млн. в 1967 году до 1341,5 млн. долл. в 1973 году¹¹. Большой дефицит торгового и платежного балансов страны хунта пыталась покрыть за счет невидимых доходов (туризм, денежные переводы из-за границы рабочих-эмигрантов, число которых за годы диктатуры удвоилось) и за счет налогов.

Поскольку, однако, рост поступлений от туризма и переводы из-за рубежа не могли покрыть неуклонно растущий дефицит платежного баланса, хунта все больше прибегала к увеличению ввоза иностранного капитала и зарубежным займам, иными словами, ко все большему экономическому и политическому подчинению страны иностранным монополиям. Никто не может отрицать, что в этом направлении хунта добилась огромного «успеха». Если в 1963—1966 годах после ассоциации Греции с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) в страну было ввезено 768 млн. долл., то в период 1967—1971 годов сумма иностранных капиталов, ввезенных в страну, достигла 1949 млн. долл. Таким образом, иностранный капитал «простер свои руки» к главным производственным отраслям промышленности, например к нефтяной, химической, шинной и т. п., и выкачивал огромные прибыли от эксплуатации национальных богатств. Но этого оказалось мало. Когда хунта увидела, что иностранные монополии, несмотря на все льготы, не очень решительно вкладывали капиталы в шаткую и непрочную греческую экономику и требовали дополнительных гарантий и новых источников получения прибылей, то она стала превращать небольшое число государственных предприятий (Греческий банк промышленного развития — ЭТВА, Государственная электрическая корпорация — ДЕИ и др.) в частные или анонимные и таким путем дала возможность иностранным финансовым воротилам проникнуть в сферу кредитования (в ЭТВА сотрудничали десять иностранных кредитных организаций и пять из них — это крупнейшие американские банки) и дополнительно обогащаться за счет государственных и общественных организаций.

Неудержимый поток иностранных капиталов, хлынувший в Грецию, использовался хунтой в качестве средства, обеспечившего временную экономическую стабильность. Однако это не могло быть предметом гордости и давать повод хвастовству. Этот факт свидетельствовал прежде всего о тесных и всесторонних связях иностранного и местного монополистического капиталов с диктатурой, о разбазаривании национального богатства страны, дополнительной эксплуатации народа и вывозе из страны капиталов в виде прибыли монополий и иностранных банков.

Таким же образом можно охарактеризовать как разрушительное для страны и другое «достижение» хунты — иностранные займы. Под предлогом инвестиций в производительные отрасли, но, по существу, для покрытия дефицита государственного бюджета, возросшего за период правления хунты в 3 раза и достигшего к 1973 году 16 млрд. драхм¹² против 3,5 млрд. драхм в 1966 году, а также для покрытия дефицита платежного баланса хунта прибегла к непомерным и непосильным иностранным займам. В результате значительно разбухли государственные и частные долги, достигшие за годы диктатуры 3,5 млрд. долл., то есть в сравнении с 1966 годом возросли в 3 раза¹³.

От начала до конца антинародной и антинациональной, принесшей губительные для страны результаты была политика хунты и в сельском хозяйстве.

* * *

С момента установления диктатуры нефашистская хунта так же, как и ее предшественники, провозгласила главной целью более справедливое распределение национального дохода, то есть подъем жизненного уровня народных масс до таких высот, которые бы не очень резко отличались от уровня жизни плутократической олигархии. Те, кто знал, что такое фашизм, воспринимали эти обещания как трагическую иронию. Но существовали люди, особенно из представителей средних слоев, которые на какое-то время стали жертвой фашистской демагогии хунты. Последовавшие события и суровые цифры статистических органов самой хунты подтвердили предсказания демократических кругов и рассеяли заблуждения легковверных. Жизненный уровень трудящих-

ся резко понизился, и разрыв между народными массами и олигархией увеличился.

Распределение национального дохода, существовавшее до диктатуры, не только не улучшилось, но стало еще более неравномерным. Львиной долей еще больших размеров пользовались местные и иностранные монополии, представители промышленности, банковского и судовладельческого капитала. В течение 1967—1970 годов, например, доля национального дохода, приходящаяся на представителей олигархии (примерно 1000 семей), возросла по сравнению с предшествующим трехлетием с 35,5 до 38,5%. За это же время доля зарплаты и доходов 3,5 млн. трудящихся в пользовании национальным доходом снизилась с 37,5 до 36,8%¹⁴. Это означало, что прежние миллионеры стали еще богаче и к ним добавились новые, что вместо справедливого распределения богатства антинародная политика неофашистской хунты вела к усилению эксплуатации трудящихся и к ухудшению их положения. Это положение хунта стремилась скрыть демагогической трескотней об увеличении национального дохода на душу населения, который якобы достиг к 1971 году 1200 долл.¹⁵, или крикливыми заявлениями о том, что каждый пастух уже приобрел транзистор.

Общее развитие страны в начале 70-х годов привело к повышению уровня жизни народа, некоторому росту национального дохода на душу населения, что, однако, не имело ничего общего с данными, приводимыми хунтой. Манипуляции хунтовских статистических органов ставили в один ряд рабочих, получавших 135 драхм в день, и Онасиса и ему подобных, выкачивавших за день десятки тысяч драхм.

Этот обман раскрыла Организация экономического сотрудничества и развития (ООСА), в которую входит и Греция. По сведениям этой организации, опубликованным в журнале «Обсерватёр», в феврале 1972 года Греция занимала одно из последних мест, точнее — 21-е место среди 23 стран-членов, по показателям национального дохода на душу населения¹⁶.

Другим результатом антирабочей политики хунты было непрерывное увеличение продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих. В то время как в других странах продолжительность рабочего дня постоянно уменьшалась, в Греции, где правили самые верные лакеи монополий, рабочий день увеличивался. Согласно дан-

ным международной статистики, в перерабатывающей промышленности Греции рабочая неделя в 1969 году длилась 43,8 часа. В то же время в Австрии продолжительность рабочей недели составляла всего 38,6 часа¹⁷. Если у докеров в других странах рабочая неделя составляла всего 40 час., то в Греции люди трудились при хунте в течение 56 час. в неделю. К тому же часто в условиях запрета любой профсоюзной деятельности и террора нарушалась и эта продолжительность рабочего времени, и во многих случаях трудящиеся вынуждены были работать сверхурочно без оплаты.

Безудержная демагогия хунты распространилась и на сферу занятости. Без умолку говорилось о ликвидации безработицы, о серьезном увеличении занятости и дефиците рабочих рук в греческой экономике. Действительность и здесь резко отличалась от того, что декларировалось диктатурой.

Министерство труда насчитывало к декабрю 1967 года 99 652 безработных. В 1972 году министерство национальной экономики называло 80 тыс. безработных. Но эти цифры, сообщенные хунтой и находившиеся в противоречии с ее декларациями о полной ликвидации безработицы, не соответствовали действительности. Безработных было больше. Цифры отражали число официально зарегистрированных безработных в бюро по подысканию работы. Эти данные, однако, никогда не соответствовали точному числу безработных. В 1958 году, например, официально зарегистрированные безработные составляли 69 тыс., в то время как по подсчетам ГСЕС их было 250 тыс. Это число с незначительными отклонениями сохранялось и в последующие годы и не могло полностью исчезнуть. Его сохранению способствовали и такие факторы, как массовые увольнения трудящихся, увеличение продолжительности рабочего времени и интенсификация труда, кризис, охвативший ряд отраслей (строительство, туризм и др.). Число безработных еще больше возрастет, если одновременно учитывать и число занятых неполный рабочий день или сезонных рабочих. Согласно официальным сообщениям министерств сельского хозяйства, морского флота, транспорта, число лиц, занятых неполный рабочий день во всех этих отраслях, в 1972 году достигло 200 тыс. человек¹⁸.

О низком уровне занятости в период диктатуры свидетельствует и продолжавшаяся эмиграция за границу рабочей силы.

По официальным данным хунты, занятость в период 1967—1972 годов возросла с 3220 тыс. до 3350 тыс. человек, то есть на 130 тыс.¹⁹ Число это незначительно по сравнению с ростом общего числа занятых в экономике других стран. В тот же период усилилась эмиграция многих тысяч молодых рабочих и крестьян. За 1968—1972 годы число эмигрировавших в страны Западной Европы составило 341 тыс., возвратилось же всего 113 тыс. человек²⁰, причем речь идет о людях наиболее производительных возрастов. Высокого уровня достигла эмиграция и за океан, откуда возвращалось, как правило, весьма незначительное число эмигрантов. За 1967—1971 годы эти страны поглотили 195 тыс. человек.

Прежняя политика господствующих кругов страны, направленная на решение проблемы безработицы и покрытия дефицита торгового баланса при помощи стимулирования роста эмиграции, продолжалась и во многих случаях активизировалась. А это влекло за собой опустошение провинций, что, в свою очередь, отрицательно сказывалось на составе производительного населения и на всем развитии страны.

В годы диктатуры еще больше снизился жизненный уровень трудящегося крестьянства. Незначительное повышение цен на некоторые виды их продуктов, которое под давлением масс вынуждена была проводить хунта, быстро нивелировалось ростом дороговизны на промышленные товары. Рабочая сила сельских районов вместо заполнения образовавшегося вакуума в развивавшейся промышленности переливалась просто в города, а оттуда за границу. Причем это перемещение приняло буквально характер бегства. Новые производители перемещались очень быстро и в огромном количестве, что превышало рост занятости в промышленности, главным образом в перерабатывающей и производящей товары, и они, за малым исключением оседавшие в строительстве и на дорожных работах, были обречены на лишения, безработицу, неполную занятость и, в конце концов, вынуждены были обращаться к иностранным рынкам рабочей силы, где подвергались двойной эксплуатации и как иностранцы, и как неквалифицированные рабочие.

Полным бедствием для крестьян и всех трудящихся сел и городов было ограбление их хунтой при помощи налоговой системы. Неофашистские диктаторы, стремившиеся изобразить себя защитниками интересов народных масс, пытались переложить тяжесть огромных

военных и иных непроизводительных расходов на плечи трудящихся и ввели непосильную налоговую систему, которой ранее не знали греки. Если за 1963—1967 годы общая сумма дохода государственного бюджета от прямых и косвенных налогов составляла 131,2 млрд. драхм, то за 1968—1972 годы эта сумма удвоилась и превысила 260 млрд. драхм²¹. В 1972 году поступления в госбюджет от налогов достигли 652 млрд. драхм²². Это означает, что каждый человек из девятимиллионного населения страны должен был выплатить государству 7244 драхмы в виде налогов или каждая семья (в среднем составлявшая 3,8 члена) выплачивала 27 531 драхму. То, что эти суммы являлись чрезвычайно обременительными, видно хотя бы из того, что средний годовой доход трудящихся, по данным Национальной статистической службы Греции (ЭСИЕ), в 1971 году был около 80 тыс. драхм²³. А это свидетельствует о том, что каждая семья вынуждена отдавать 30% своего годового заработка, чтобы рассчитаться с прямыми и косвенными налогами. Держава хунты как искусный грабитель из каждой тысячи драхм заработка трудящихся 300 драхм отнимала. Если принять во внимание, что большая часть налоговых сумм поступает со сбора косвенных налогов, которые выплачивают народные массы, то можно себе представить, какое непомерное бремя для трудящихся составляли налоги во времена хунты.

Удручающим при хунте было положение молодежи, лишенной надежд на светлое будущее. Свыше 400 тыс. человек в возрасте от 10 до 19 лет трудились в жутких антисанитарных условиях и получали незначительную заработную плату как ученики. В июне 1973 года, согласно данным Ведомства социального страхования (ИКА), каждый ученик зарабатывал в день только 96 драхм, хотя зачастую он выполнял объем работы взрослого рабочего. Еще хуже было положение крестьянской молодежи, что вынудило 150 тыс. молодых крестьян покинуть свою страну в поисках работы.

Весьма разочаровывающей для молодежи была деятельность фашистской диктатуры в сфере образования. «Альфой и омегой нашей политики является образование», — демагогически провозгласил диктатор Пападопулос и до конца своего пребывания у власти не прекращал говорить о «революции», которую якобы совершил режим хунты в области образования. Хунта создавала специальные исследовательские комиссии, разрабатыва-

ла многочисленные планы, проводила совещания с участием многих сотен работников образования, официально объявила 1969 год «годом образования». Однако итоги этой кампании оказались не просто жалкими, а совершенно ничтожными. «Год образования» и «революция» на деле повлекли за собой снижение расходов на образование. И Греция, которая по образовательному уровню занимала одно из последних мест в Европе, а по переписи 1971 года имела 1040 тыс. неграмотных, уступая первенство по числу неграмотных только Турции, тратила в 3—4 раза меньше средств на образование, чем на военные нужды. Если, например, расходы на образование в бюджете 1966 года составляли 14% общих расходов (цифра, совершенно недостаточная в современных условиях), то хунта уменьшила их до 10—11%, а к 1972 году довела до 8,5% от общих расходов государственного бюджета. По данным ООСА, во времена хунты расходы на воспитание детей и образование молодежи составляли всего 2,4% национального дохода, то есть столько же, сколько во франкистской Испании, и чуть больше, чем в фашистской Португалии, в то время как Голландия выделяла на эти цели 6,7%, Финляндия — 6,3, Дания — 6, Норвегия — 5,8%²⁴.

Так называемое бесплатное образование достигло таких «высот», которые ежегодно вынуждали 50 тыс. выпускников начальных школ платить 300 млн. драхм, чтобы попасть в гимназии, и 480 млн. драхм, чтобы изучать иностранный язык; 250 тыс. гимназистов — платить 900 млн. драхм, чтобы усвоить материал, преподававшийся сокращенным составом учителей; 50 тыс. абитуриентов — платить 750 млн. драхм репетиторам за подготовку к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения. В итоге народ был вынужден каждый год тратить дополнительно 5 млрд. 800 млн. драхм, чтобы прикрывать брешь в образовании своих детей, допущенную государством хунты²⁵.

Наибольшую опасность представляли, конечно, само содержание и та направленность, которую хунта стремилась придать образованию. Оторвав программы обучения от непосредственных нужд промышленного развития страны, насаждая бесплодный классицизм, фанатизм, извращая историю, навязывая кафаревуса* в качестве

* Академический стиль греческого языка в отличие от народного — димотики.

обязательного языка и фашистские принципы аполитичности учащихся, хунта преследовала цель — превратить молодежь в слепой придаток общества потребления, интересующуюся только футболом и транзистором, в невежественных и послушных прислужников монополий.

Для достижения этих целей параллельно использовались особые методы организации образования. Назначением 80 генералов опекунами высших учебных заведений, направлением в институты без экзаменов дополнительно 10% к числу поступающих особо отобранных и преданных режиму лиц, выдачей студенческих билетов тысячам агентам охраны, созданием дисциплинарного совета—этого подобия военного трибунала для университета, принятием законов о мобилизации студентов в армию и о студенческом кодексе, который ставил их под строгий полицейский надзор и лишал возможности заниматься профсоюзной или культурной деятельностью, хунта хотела подавить свободолюбие студенческой молодежи, как бы поместить ее в гипсовые оковы и готовить из нее послушных слуг и защитников диктатуры.

ЧЕМПИОНЫ БЕЗНАВСТВЕННОСТИ И СТЯЖАТЕЛЬСТВА

Как все фашисты, их греческие единомышленники взяли на себя роль «святых апостолов», моралистов и с первых дней захвата власти провозгласили оздоровление общественной и политической жизни страны, беспощадную борьбу с развращенностью, бюрократизмом и другими пороками.

Разглагольствованиями о «борьбе с развращенностью» неофашисты хунты прежде всего хотели скрыть жестокое, звериное лицо своего террористического режима. Как заявил Пападопулос, роль «святых апостолов»—защитников морали должны были взять на себя «органы порядка», которые могли отличить «здоровые клетки общества от больных и, подобно гитлеровским штурмовым отрядам, очистить общественный организм от антинациональных и развращенных элементов, оздоровить его»²⁶.

Поднимая шум вокруг вопросов морали и нравственности, диктаторы хунты стремились также скрыть свою собственную аморальность и безнравственность и найти сторонников среди представителей средних слоев и молодежи, не имевших четких представлений о подлинных причинах и действительных носителях пороков капиталистического общества.

Практические дела диктаторов хунты разоблачили «святых апостолов» и моралистов как пустых лжецов и банкротов, покровителей беззакония и «рекордсменов» развращенности.

Так называемые общественные работы явились неиссякаемым источником обогащения для тех, кто поддерживал и содержал хунту, для ее зарубежных опекунов. Избранные фирмы получали их без какой-либо конкуренции. В итоге это принесло стране ущерб, исчисляемый миллионами. Только соглашения с американским бизнесменом Макдональдом и позднее с группой греческих фирм о строительстве дороги в Эгнатии причинили ущерб государству в 1372 млн. драхм²⁷.

Среди все еще не расследованных скандальных дел хунты особое место занимают пресловутые «приношения нации». Этой вывеской прикрывались поборы касс профессиональных, профсоюзных и культурных организаций и многих простых граждан для строительства «Храма спасения», при помощи которого готовились обессмертить имя диктатора. Безудержной демагогией хунта пыталась представить своего лидера как посланника бога и подлинного «спасителя» нации, как это бывало принято в отношении всех диктаторов прошлого, а также раздуть фанатизм как испытанное оружие притупления сознания масс. Помимо всего прочего «приношения нации», напоминавшие пресловутый сбор пожертвований на авиацию при диктаторе Метаксасе, использовались как искусное средство обмана и ограбления народа, плоды которого на этот раз оседали не в государственной казне, как, например, налоги, а в карманах отцов хунты. Как свидетельствует финансовый отчет «приношений нации», в пресловутый храм не было вложено ни одного кирпича, расхищено 406 млн. драхм и примерно 47 млн. драхм перешло преемникам Пападопулоса²⁸.

Клика, сменившая Пападопулоса, хотя и развернула демагогию вокруг скандальных дел своих предшественников, практически продолжала ту же политику хищений

и стяжательства. По сообщению печати, министр промышленности Кипреос в правительстве Андруцопулоса отклонил выгоднейшее предложение ГДР и передал заказ на исключительно льготных условиях западногерманской монополии Круппа на поставку технологического оборудования для новых предприятий корпорации «Липтол» в Птолемаиде, находящейся под контролем государства. Когда вылился наружу этот скандал, обошедшийся государству в миллиард драхм, Кипреос и его шеф Андруцопулос пытались его всячески замаять.

Наглядным свидетельством того, что в различных скандальных дела были замешаны все сменявшие друг друга у власти группировки хунты, является отношение последней хунтовской клики генералов к Пападопулосу и его близкому окружению. Преемники Пападопулоса грозили посадить своего бывшего главаря и его помощников на скамью подсудимых, однако очень быстро их воинственность поубавилась, и они стали выгораживать своих предшественников. Что же произошло? Как сообщила английская газета «Гардиан», Пападопулосу в свое время удалось собрать большой компрометирующий материал о темных делах пришедших ему на смену деятелей, в особенности на Андруцопулоса, и, связав их тем самым по рукам и ногам, удержать от осуществления своих угроз.

Вторая пришедшая к власти хунтовская клика, стремясь отвлечь внимание народа от насущных проблем и предстать перед ним как носитель высоких моральных принципов, инсценировала судебный процесс над 40 спекулянтами, обвиняемыми в грязных махинациях с продажей мяса. Процесс этот помимо демонстрации грызни и раздоров, царивших в хунте, представлял собой бесстыдную попытку прикрыть закулисную жизнь хунтовской камарильи. Приговор военного трибунала был милостивым и щедрым. В конце концов, при хунте ни один растратчик не был заключен в тюрьму. Как признала воспевавшая дела хунты газета «Акрополис», разоблачение преступных дел государственных деятелей и представителей большого бизнеса является опасным для буржуазного строя, поэтому «дело должно быть как можно скорее прекращено»²⁹.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — ПОЛИТИКА ВОЙНЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Внешняя политика хунты была продолжением ее антидемократической и антинародной внутренней политики.

Руководители военно-фашистской диктатуры использовали любой повод для демагогических заявлений о том, что они проводят национальную и независимую внешнюю политику, выступают за мир и международную разрядку.

В действительности внешняя политика хунты определялась следующим решающим фактором. Прежде всего Греция была связана соглашениями 1953 года, предоставлявшими право вооруженным силам США свободно и бесконтрольно размещаться и передвигаться по территории страны. Американцы располагали многочисленными военными базами и «специальными учреждениями», которые они могли использовать в любое время без согласия греческого правительства. Далее. Как и прежний режим, но в еще большей мере, диктаторы хунты экономически подчинили Грецию иностранным, главным образом американским, монополиям. Влияние этих факторов, в той или иной степени действовавших и при прежних правительствах и вынуждавших их проводить зависимую внешнюю политику, при хунте еще более усилилось. Мало того, появился еще один важный фактор, который не позволил хунте создать даже видимость осуществления национальной и независимой внешней политики. Неофашистская хунта появилась на политической сцене, совершила военный переворот и установила диктатуру по инициативе и при всесторонней помощи американских секретных служб, Пентагона и НАТО, которые могли лишить ее экономической, военной, политической и моральной поддержки. Поэтому хунта не только не могла проводить независимую внешнюю политику, которая отвечала бы национальным интересам страны, но в раболепии и подчинении своим заокеанским хозяевам далеко превзошла своих предшественников.

Чем больше антидемократическая, антинародная внутренняя политика вызывала противодействие широких народных масс и усиливала изоляцию хунты, тем покорнее она исполняла волю своих могущественных патронов

и наиболее агрессивных кругов НАТО, становясь слепым орудием в руках американского империализма.

Стремясь избежать международной изоляции, хунта демагогически говорила о мире и пыталась, хотя бы на словах, подстроиться к общему духу разрядки, которая явилась результатом последовательной миролюбивой политики Советского Союза и других социалистических стран. Она вынуждена была в этой связи предпринять некоторые шаги по развитию отношений с социалистическими странами и государствами Арабского Востока, иными словами, чем-то подкрепить свои псевдомиролюбивые заявления.

Декларации главарей диктатуры о национальной и независимой внешней политике, о политике мира и сотрудничества со всеми народами решительным образом опровергались их практическими делами.

Слепо следуя агрессивным курсом американского империализма, хунта не только открыто поддерживала позорную войну во Вьетнаме, но, обещая направить греческий экспедиционный корпус, была готова впутать страну в авантюристическую и преступную операцию, вызвавшую возмущение международной общественности. Когда Соединенные Штаты угрожали открытым вмешательством во внутренние дела Иордании, они без каких-либо трудностей заручились согласием хунты превратить Грецию в военный плацдарм, чем вызвали серьезное недовольство арабских стран и поставили под угрозу интересы Греции на Ближнем Востоке.

Не довольствуясь предоставлением территории Греции американским вооруженным силам, хунта разрешила США создание специальных военных баз, превратила так называемый учебный центр на острове Крит в крупнейшую ядерную базу НАТО в Восточном Средиземноморье. Американцам было разрешено также размещать ядерное оружие вблизи столицы государства.

Военные корабли 6-го американского флота, поддерживавшие хунту в дни переворота 1967 года, появление которых в различных портах Средиземноморья встречало осуждение со стороны местного населения, нашли приют в Греции. Благодаря дополнительным льготам, полученным от хунты, порты страны были фактически превращены в плацдармы, с которых американский военный флот отправлялся в опасное и злоеущее крейсирование по Средиземному морю.

Соглашение 1972 года о создании постоянной базы

6-го американского флота в Пирее являлось образцом бесстыдства хунты, с легкостью торговавшей национальной независимостью страны. По этому соглашению, как заявил в подкомитете американского конгресса заместитель государственного секретаря Д. Абшайер, военно-морские силы США получили во всех необходимых случаях право свободного захода и стоянки на неограниченный срок «без всяких препятствий со стороны правительства Греции», проведения военных учений, маневрирования из порта в любых направлениях, определяемых стратегическими целями США, складирования ядерного и атомного оружия в стране, организации новых баз слежения и разведки. Это еще больше, активнее впутывало Грецию во все авантюристические операции США.

По мнению главного инспектора армии генерала А. Сианкараса, режим хунты, предоставляя широкие права Соединенным Штатам, передает часть важнейших прав Греции, что лишает ее «стратегического и, следовательно, политического капитала, что не только не укрепляет безопасность, но, напротив, увеличивает опасность для страны»³⁰.

Посол США в Греции Г. Таска в секретном докладе конгрессу в 1972 году писал, что «нет другой страны, помимо Греции, которая предоставляла бы нам такие удобства, которые мы получаем от военного правительства»³¹. Такого же мнения придерживался знаток греческой действительности американский журналист Сульцбергер, писавший, что хунта «приняла такие решения, о которых ее предшественники не смели и думать, и предоставила свою территорию для усиления НАТО в Восточном Средиземноморье». Все эти колониальные привилегии и льготы, переданные американским империалистам, дали основание министру Роджерсу заявить в конгрессе США, что Греция является одним из лучших союзников НАТО и что Пентагон может «ей полностью доверять и положиться на нее в нужный момент»³².

О какой национальной независимой внешней политике хунты можно говорить, если афинские диктаторы, как преданные лакеи, спешили выполнить требования блока НАТО, особенно в вопросах дальнейшего ядерного вооружения и политики «холодной войны». На заседании группы ядерного планирования НАТО в конце 1970 года в Оттаве представитель афинского фашистского режима первым согласился с ядерным вооружением стран — членов блока и предложил создать атомный пояс на се-

верных границах Греции, функционирование которого по условию, выдвинутому министром обороны США Лейрдом, должны были обеспечивать только американцы.

Образцом раболепия хунты по отношению к империалистическим кругам НАТО может служить выступление генерала О. Ангелиса на открытии ядерного полигона НАТО в Акротире, на острове Крит. Генерал заявил, что Греция является «самым надежным членом блока НАТО, который отдает все силы для защиты свободных народов». С тем чтобы придать конституционную силу политике зависимости и подчинения агрессивному Атлантическому блоку, при окончательной доработке фашистской конституции в ст. 53 было включено специальное положение, предусматривавшее передачу суверенных прав страны в области обороны «инструменту международных организаций», то есть НАТО, и другим империалистическим организациям.

Практическим подтверждением верности Греции политике атлантизма является также и тот факт, что хунта неоднократно предоставляла территорию страны для маневров НАТО и широко открыла двери для посещений и инспекций греческих вооруженных сил и баз командованию штабов Атлантического блока и ежегодно направляла значительную часть государственного бюджета на военные цели и фундаментальные работы НАТО.

В 1970 году сессия НАТО потребовала от своих членов увеличения расходов на вооруженные силы по меньшей мере до 5% своего национального дохода. Греция во время правления хунты значительно превысила эти показатели. По официальным далеко не полным данным, опубликованным в национальном отчете (№ 20 за 1971 г.), военные расходы, составлявшие в 1965 году 6534 млн. драхм, к 1969 году достигли 13 272 млн. драхм³³. Только за 1967—1969 годы военные расходы возросли на 5850 млн. драхм, или на 78,8%, в то время как другие расходы — всего до 3111 млн. драхм, или на 30,8%³⁴. Такими же темпами росли военные расходы и в последующие годы. Согласно сведениям министерства финансов, которые не учитывают расходы на военные нужды других министерств, военные расходы в 1972 году достигли 18 198 млн. драхм, или 25,7% расходов бюджета страны. Если же принять во внимание, что общая сумма расходов бюджета 1972 года составила примерно 65 300 млн. драхм, то военные расходы в действительности достигли 27,9% всех государственных расходов.

Согласно расчетам Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (СИПГИ), темпы роста вооружений в Греции по сравнению с другими странами — членами НАТО при хунте были рекордными. Расходы на вооружение, например, в 1969 году по сравнению с 1965 годом в Греции возросли на 80%, в то время как в Дании — всего на 15%, а в Норвегии — меньше чем на 30%. Институт стратегических исследований в Лондоне в своем докладе указывал, что Греция в 1972 году по расходам на военные нужды занимала четвертое место после США, Англии и Португалии — стран, которые вели империалистические войны. Иными словами, оказавшись в долгах и пустив по свету своих сыновей из-за отсутствия работы, страна при хунте ради интересов США и НАТО тратила намного больше своих богатых союзников, таких как Италия, Голландия, Бельгия и др. Из небольших стран ее обгоняла только фашистская Португалия. По соотношению служивших в армии мужчин к общему числу взрослых мужчин (1 : 12) Греция занимала в этот же период третье место в мире после Португалии и Соединенных Штатов, которые вели вооруженную борьбу против национально-освободительного движения.

Являясь надежным и верным проводником агрессивных планов американского империализма и НАТО, «черные ястребы» хунты стали самыми пылкими проповедниками политики «холодной войны». В то время когда народы самоотверженно и настойчиво боролись за международную разрядку, диктатор Пападопулос в полном соответствии с духом «холодной войны» заявил на маневрах НАТО летом 1973 года, что «атлантическое единство не должно подрываться ради разрядки и баланс вооруженных сил должен быть сохранен., так как в противном случае создается угроза всему, чего мы достигли...»³⁵.

Явно в демагогических целях главари хунты говорили о своей приверженности политике добрососедских отношений с социалистическими странами и в то же время вели переговоры с американцами о создании атомного пояса на северных границах страны, их органы пропаганды на все лады трубили об «угрозе с севера». Газета «Элефтерос Козмос», разжигая военную и антикоммунистическую истерию, заявила, что «сигнал к введению в действие ядерного оружия должен дать Никсон., который ведет последовательную борьбу против комму-

низма». Предоставив в полное распоряжение 6-го американского флота порты страны, хунта подняла шумиху об огромной опасности, которую якобы несет народам Средиземноморья Советский флот.

Вопреки создаваемой видимости гармонии в отношениях с руководством Кипра, хунта практически полностью игнорировала интересы кипрского народа. Американский империализм и агрессивные круги НАТО пытались втянуть Кипр в орбиту своих стратегических планов. Придавая большое значение местоположению острова, находящегося всего в 97 км от Сирии и в 241 км от Израиля, и учитывая, что военные самолеты «Фантом», поднявшись в воздух с аэродромов Кипра, через 8 мин. могут оказаться над Суэцем, американцы стали плести интриги против независимости и суверенитета Республики Кипр, ее политики неприсоединения, с тем чтобы разделить остров между Грецией и Турцией и превратить его в крупную военную базу США и НАТО. Политика эта прошла несколько стадий. Вначале США пытались реализовать планы Болла, Вэнса, Ачесона и др., якобы предусматривавшие справедливое решение кипрского вопроса. На самом деле, целью этих планов было подчинение Кипра захватническим, агрессивным устремлениям США. Когда эти планы натолкнулись на решительное сопротивление кипрского народа и провалились, американские империалисты решили прибегнуть к новым методам. Используя министра обороны Греции П. Гаруфальяса, расставившего на ключевые посты в национальной гвардии Кипра доверенных людей, они стремились прибрать к рукам кипрскую армию, подорвать единство киприотов и сбросить президента Макариоса, который стоял на пути осуществления планов.

Соединенные Штаты особенно усилили возню вокруг кипрской проблемы после своего поражения во Вьетнаме и обострения кризиса на Ближнем Востоке. Стремясь усилить свои позиции в этой невралгической точке, находившейся на перекрестке путей, ведущих к источникам добычи нефти в арабских странах, американцы вместе с тем хотели избежать прямого вмешательства, так дорого обошедшегося им в Азии. Поэтому они решили прибегнуть к помощи посредника. Наиболее удобным орудием реализации их планов в отношении Кипра в то время являлась неофашистская хунта Греции, лишенная малейших чувств патриотизма и национального достоинства.

При помощи этой клики национальных предателей совершались империалистические подрывные акции против Кипра. Во главе Национальной гвардии Кипра были поставлены доверенные хунте лица, такие как Папапостолу, Данос, Асланидис и др., которые, как указывал в письме Гизикису президент Макариос, совершенно не заботились о боеспособности военных сил, а впутались в подготовку заговоров и раздела кипрского государства. Одновременно под руководством и при поддержке тех же темных кругов активизировалась террористическая деятельность подпольной организации ЭОКА-2, которая стремилась подорвать авторитет кипрского правительства, организовать покушение на жизнь Макариоса, усилить антикоммунизм, ликвидировать Республику Кипр.

Когда и эти методы не принесли ожидаемых результатов, США и НАТО и их послушный инструмент — хунта прибегли к испытанному средству — прямому насилию.

Проявив неуважение к независимости и суверенитету Республики Кипр, хунта 11 февраля 1972 г. в ультимативной форме потребовала отставки Макариоса, поскольку он, дескать, не разделял политической линии греческого правительства, а главное, не согласился целиком передать решение кипрской проблемы афинским диктаторам. Когда эти антинациональные домогательства фашистского режима были раскрыты и отклонены, хунта для виду объявила террористическую деятельность генерала Гриваса * незаконной и обещала поддержать политику Макариоса. Как отмечалось на страницах мировой печати, одной из причин отстранения Пападопулоса и замены его людьми, которые направляли подрывную деятельность на Кипре и имели самые тесные связи с американскими секретными службами, была неспособность бывшего диктатора решить кипрскую проблему в соответствии с планами США и НАТО, которые не оставляли попыток свержения Макариоса, раздела острова и включения его в империалистические авантюры в Восточном Средиземноморье. Авантюристические действия преемников Пападопулоса против Республики Кипр, которые привели к военному вторжению на остров Турции,

* Г. Гривас — генерал греческой армии (киприот по происхождению), руководитель «Национальной организации кипрских борцов» (ЭОКА), которая вела вооруженную борьбу против английских колонизаторов. После провозглашения независимости переродилась в реакционную подпольную террористическую организацию.

полностью подтвердили тесную взаимосвязь этих двух событий.

Как известно, новая хунтовская клика, демонстрируя угодливость своим зарубежным патронам, 15 июля 1974 г. совершила на Кипре переворот, ставший началом трагедии кипрского народа. Чтобы сразу же не раскрылась роль Афин, проведение этой операции было возложено на Национальную гвардию Кипра с привлечением верных режиму офицеров, а приказ диктатора Иоаннидиса об организации военного переворота был передан через бывшего командующего вооруженными силами генерала Г. Бонаноса и командующего армией генерал-лейтенанта А. Галацаноса. Незадолго до этой акции неофашистская хунта, якобы протестуя против требования Макариоса о полной передаче в компетенцию правительства руководства Национальной гвардией, отозвала 12 тыс. греческих солдат, по существу, оставила Кипр без защиты и устами Иоаннидиса заверила участников переворота, что его осуществления хотят США и Турция, которые не будут ему противодействовать.

Факт соучастия американского империализма, НАТО и хунты в преступных операциях против Кипра подтверждается нейтральной позицией, занятой Соединенными Штатами в критические дни кипрской трагедии, крейсированием 6-го американского флота, охранявшего турецкую высадку на остров, и категорическим отказом генерального секретаря НАТО Й. Лунса созвать чрезвычайное заседание Атлантического блока, который он хотел скрыть под предлогом, что НАТО «не может вмешиваться в ссору двух ее стран-членов» и не вмешается, потому что «Кипр не являлся членом Атлантического блока».

Все эти факты не только полностью раскрывают демагогический характер заявлений хунтовской мафии о национальной и миролюбивой внешней политике, но наглядно демонстрируют провокационную, агрессивную роль, которую играл фашистский, диктаторский режим в пользу НАТО в Восточном Средиземноморье и на Балканах.

Эти факты одновременно полностью подтверждают характеристику прогрессивных кругов, что хунта как послушный инструмент в руках США и НАТО содействовала реализации американских планов по укреплению юго-восточного крыла НАТО, использованию страны в качестве плацдарма и атомной базы против социалисти-

ческих стран и арабского мира. «С установлением фашистской диктатуры в районе Средиземного моря и Балкан образовался новый очаг напряженности и провокаций, усилилась опасность для мира в этом районе и фашистская угроза для Европы»³⁶.

В конечном счете внешняя политика хунты являлась политикой подчинения страны интересам империализма, роста военных расходов, приносящих огромные прибыли иностранным монополиям, занятым производством оружия, распродажи оптом независимости страны, национального предательства, трагедии кипрского народа.

После падения диктатуры высказывалось мнение, что хунта не могла иметь идеологии и даже не нуждалась в ней, поскольку «не представляла какого-либо класса или группы»⁶.

В обоснование тезиса об отсутствии у хунты собственной идеологии приводились также аргументы о том, что условия, породившие хунту, резко отличались от условий, при которых существовал довоенный фашизм. Те же представители утверждали, что «попытки хунты сформировать свою идеологию не могли принести результатов», поскольку их лозунги были проникнуты «провинциальными фантазиями и наивной метафизической мифологией».

Эти концепции об идеологии греческой неофашистской хунты не новы и не оригинальны, они полностью совпадают и соответствуют концепциям относительно идеологии неофашизма, которые уже длительное время имеют хождение как в Греции, так и в других странах Запада.

Некоторые историки и социологи Запада, пытаясь доказать, что фашизм как социальное явление якобы перестал существовать, утверждают, что поскольку-де идеи фашизма сегодня не популярны, то и неофашизм не имеет собственной идеологии или, по крайней мере, цельной идеологии и «является чисто практическим движением»⁷.

Другие, извращая социальные источники фашизма, настаивают на том, что в нынешнем мире капитализма существуют лишь остатки учений фашистских режимов прошлого и, следовательно, «нельзя считать это идеологическое тряпье фашизма идеологией неофашизма»⁸.

В поддержку своих взглядов некоторые исследователи приводят заявления самих неофашистов об отсутствии у них собственного мировоззрения.

Прекрасно понимая, что фашизм полностью обанкротился в глазах масс, неофашисты стараются любыми путями скрыть свое подлинное лицо. Они стараются не выступать с открытыми фашистскими лозунгами, предпринимают попытки «ревизовать» довоенный фашизм, «очистить» его идеологию от всего, что устарело и скомпрометировано, и очень часто сами отрицают существование неофашистской идеологии.

Задолго до захвата власти греческой хунтой вождь

западногерманских неонацистов, друг Ф.-Й. Штрауса фон Тадден, охарактеризовал свою национал-демократическую партию как «обновленную и облагороженную опытом консервативную правую партию новейшего общества и современных национальных устоев», идеология которой ни при каких условиях «не является новым изданием политического учения, ниспровергнутого историей»⁹.

Однако было бы большой ошибкой, согласившись с заявлениями неофашистов или их апологетов, прийти к выводу, что неофашизм вообще и греческий неофашизм в частности не имеет собственной идеологии.

Фашисты, будучи ударной политической силой империализма, всегда придавали большое значение вопросам идеологии, считали идеологическую обработку масс и широкую пропаганду своих идей одной из важнейших предпосылок достижения политических целей. У них были собственные взгляды и точки зрения на важнейшие социальные и политические проблемы эпохи, то есть у них была своя идеология, хотя и ненаучная, несистематизированная и алогичная. Эту идеологию они использовали в качестве главного оружия обмана народных масс и укрепления своих сил.

Фашистская хунта, как и фашисты прошлого, захватывая власть, еще не имели цельной, конкретной и законченной программы, систематизированной идеологии. Но постепенно выдвигая в качестве главной цели «промыывание мозгов» и одурачение масс, вожди и апологеты режима формулируют собственные взгляды, позиции и лозунги, которые касаются общественных и политических проблем всеобщего и местного значения, то есть создают свою идеологию, которая была и не могла быть не чем иным, как мешаниной идей довоенного фашизма и идей наиболее консервативной части буржуазии Греции, полной противоречий и метафизических измышлений.

Идеология неофашистской хунты находила выражение главным образом в выступлениях и заявлениях ее лидеров, в повседневной социально-политической пропаганде. Вместе с демагогическими, постоянно меняющимися измышлениями этой пропаганды были и некоторые отработанные апологетами диктатуры «творения», в которых их авторы пытались с «теоретических позиций» оправдать фашистский переворот. К подобным «творе-

ниям» следует отнести: книгу министра образования хунты Т. Папаконстантину «Политическое воспитание», которую хунта распространяла бесплатно; такие издания, как «Идеология революции», «Коммунизм: теория, практика, история, критика» и другиеopus манакального проповедника греческого неонафашизма Г. Георгаласа; книгу «Вклад в систему греческой философии» Д. Куцоянопулоса, который при диктатуре стал профессором Афинского университета и одно время являлся заместителем министра просвещения; книгу «Идеологические и мировоззренческие позиции революции и новой демократии» К. Антонопулоса; статьи С. Констандопулоса, Ф. Франгоса, С. Артемакиса, К. Стергиопулоса и других новоявленных идеологов неонафашизма в газете «Элефтерос Козмос» и подобных ей изданиях.

Основными источниками идеологии неонафашистской хунты были фашизм «классического» типа, наиболее реакционные идеи и взгляды буржуазной и империалистической идеологии. Сами апологеты фашистской диктатуры заявляли, что в качестве источника новой (т. е. неонафашистской) идеологии могли быть использованы «не только древнегреческая философия и римское право, но и национал-социализм и фашизм»¹⁰. Именно в том, что идеология диктатуры вобрала лозунги всего идеологического арсенала мировой реакции, придворный писатель хунты Т. Папаконстантину видел «силу этой идеологии»¹¹.

В отправных точках позиции идеологов неонафашистской диктатуры Греции практически совпадали с программными заявлениями довоенных фашистов и современных идеологов монополистической реакции. Но в то же время эти позиции по многим вопросам коренным образом отличались от прежних фашистских идей и от философских догматов консервативной или либеральной империалистической реакции. Как и их единомышленники на Западе, греческие неонафашисты старались представить относительно «обновленными» и достаточно современными и в идеологической сфере. Но, несмотря на весь внешний камуфляж, идеология хунты проявилась как идеология неонафашизма, которая близка или во многом полностью совпадает с идеологией продолжателей дела Муссолини и Гитлера.

**ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ
ИДЕОЛОГИИ ХУНТЫ****БЕЗУДЕРЖНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ**

Главным элементом идеологии греческой неофашистской хунты, который объединял ее с идеологией всей мафии мирового неофашизма, был фанатичный антикоммунизм.

Антикоммунизм, выражающий глубокий кризис современной буржуазной идеологии, историческое банкротство капитализма, не нов. Еще с середины XIX века, когда коммунисты во всем мире насчитывали в своих рядах всего 500 человек, под флагом антикоммунизма объединялись все реакционные силы Европы, чтобы бороться с призраком коммунизма. Ложь и клевета на марксизм, извращение идей социализма, принявшие особые размеры после победы Великой Октябрьской социалистической революции, в наше время достигли своего апогея.

В наши дни, когда социализм стал реальностью и нашел свое воплощение на значительной части нашей планеты, когда в более чем 90 странах действуют коммунистические и рабочие партии, объединяющие свыше 60 млн. членов, антикоммунизм приобретает характер истерии. Проповедники капиталистического «рая» — неравенства и насилия, голода и безработицы, безнравственности и душевного самоубийства — никогда ранее не испытывали такого ужаса, который охватывает их сегодня перед распространением марксистской идеологии, перед действием объективных законов исторического развития. Поэтому под развернутыми знаменами антикоммунизма объединились в наши дни все силы реакции: финансовая олигархия и военщина, консервативные буржуазные партии и неофашисты. Испытывая ярость и впадая в панику из-за огромных успехов социализма и неудержимого распространения социалистических идей, силы империалистической реакции выдвинули на передний план политической и идеологической борьбы антикоммунизм и пытаются придать ему более гибкие формы. Оказавшись не в состоянии справиться с огромной притягательной силой марксистского учения среди широких слоев населения всей планеты, апологеты империализма не довольствуются сегодня только ложью и клеветой по

адресу социализма и нападка на коммунистов. Они пытаются подорвать авторитет идей социализма при помощи буржуазной общественной науки, которая создает различного рода теории «общего промышленного развития», «обуржуазивания социалистического общества» «прогрессивной эволюции капитализма», «взаимных уступок» и «сближения» двух систем — капиталистической и социалистической.

Выдвигая на первый план более гибкие формы антикоммунизма, ведущие монополистические круги не отказываются и от других, прежде всего насильственных средств борьбы с коммунизмом и прибегают к ним в момент, когда их классовые позиции начинают колебаться, а политическая деятельность наталкивается на большие трудности. Тогда антикоммунизм разжигается в наиболее неприкрытой, грубой форме. Главную роль в этих кампаниях играют реакционные политические силы, прежде всего неофашисты, находящиеся в первых рядах антикоммунистов всего капиталистического мира.

Все это, хотя и с некоторыми незначительными особенностями, имело место в Греции. Антикоммунизм финансовой олигархии, который использовался в послевоенный период в качестве прикрытия многосторонней зависимости Греции от американского империализма, политики подавления прав народа и ограничения демократии, был целиком взят на вооружение неофашистской хунтой. Следуя методам всех апологетов империализма и неофашизма, она повела наступление на марксистское учение с позиций антикоммунизма.

Греческие неофашисты не очень утруждали себя работой «научного», «теоретического» фундамента своих взглядов. Они довольствовались грубым искажением марксизма, прибегали к самой бесчестной и недостойной лжи, чтобы представить греческому обывателю, а также молодежи социализм как систему, которая якобы не покончила с господством частной собственности на средства производства, не ликвидировала эксплуататорские классы, порождающие эксплуатацию человека человеком. Поскольку в их борьбе с марксизмом не было, да и не могло быть аргументов, они произвольно, без доказательств называли марксистское учение «устаревшим и ненаучным»¹².

В своем маниакальном антикоммунистическом наступлении они обвинили коммунизм даже во всех пороках капитализма — кризисах и безработице, инфляции

и росте цен, безнравственности и коррупции, то есть во всем, что является неотъемлемым следствием общего кризиса современного капиталистического общества. В соответствии со своеобразной логикой неофашистской хунты все, что отвечает интересам монополий, провозглашалось проявлением «подлинного патриотизма», все то, что противоречило этим интересам, относилось на счет «преступного коммунизма».

Однако идеологи военно-фашистской диктатуры понимали, что при помощи только откровенных антимарксистских лозунгов невозможно добиться преследуемых целей. Поэтому они заимствовали готовые антимарксистские догмы империалистической реакции и попытались придать своей антикоммунистической пропаганде некую видимость наукообразности.

Так, например, Г. Георгалас решил подкрепить утверждение своего единомышленника Т. Папаконстантину о «банкротстве марксизма» новыми «доказательствами». Становясь в позу маститого теоретика антикоммунизма, он заявил, что марксизм является односторонним и ненаучным, поскольку изучает «экономические проблемы в отрыве от социальных», что пути перехода от капитализма к социализму, которые указал Маркс, «либо уже осуществлены в капиталистическом мире, либо устарили»¹³.

Основополагающее произведение марксистского учения — Манифест Коммунистической партии — показывает, что марксизм является всеобщей теорией, охватывающей все проблемы современного общества, и, главное, дает ключ к их решению и изменению самого общества. Георгалас даже не удосужился перечислить проблемы, якобы решенные капитализмом, поскольку в этом случае он был бы вынужден раскрыть его пороки. Касаясь этих пороков, он лишь туманно говорит о наличии «глубокого кризиса потребительского общества» или, анализируя «воплъ отчаяния» своего единомышленника С. Артемакиса по поводу будущего, он вместе с ним пишет, что «наша эпоха — это эпоха заката»¹⁴.

В целях искажения марксизма греческие неофашисты использовали догматы христианства, заимствовали у реакционной буржуазной идеологии идеи слепой веры в бога, подчинения судьбе и ожидания лучшей загробной жизни, противопоставляли научному материализму идеалистические и мистические принципы «высших христианских идеалов», представляя в качестве носителей этих

идеалов самих себя. Все это они вкладывали в свой лозунг «Греция — греков-христиан», который не был простым набором слов, как полагали некоторые, а являлся смесью средневекового мракобесия с крайним мистицизмом и реакционным национализмом, слепым поклонением древним, которые скрывались за неясной софистикой.

В своей борьбе против марксизма идеологи неофашизма предстали как враги логики и науки, защитники мракобесия и крайней религиозности, ярые противники общественного прогресса.

Наглядным примером этому явилось совещание, организованное весной 1968 года по инициативе неонацистского журнала «Европейская нация» в Кобурге (ФРГ), в работе которого приняли участие неонацисты всех стран Европы. Лейтмотивом выступлений на нем была необузданная критика идей прогресса, возможности улучшения условий жизни человека, торжества общественной справедливости и гуманизма.

Подводя итоги этого совещания, неонацист из ФРГ А. Эрхард писал, что «определяющим принципом человеческого существования всегда были тенденция к борьбе и агрессивности, инстинкты присвоения чужих земель, иерархического господства и подчинения». Свою позицию Эрхард пытался обосновать взглядами Шпенглера, фашиствующего философа, заявляя, что «человек — это лютый зверь», побудительными мотивами которого всегда были превосходство сильнейшего, естественные инстинкты, расизм, стремление к собственности и власти. Все остальное — пустые мечты...».

Греческие неонацисты в своих нападках на научную теорию диалектического и исторического материализма и в стремлении породить у молодежи неверие в научную истину выступили врагами науки и логики, ярыми защитниками мистицизма. Диктатор Пападопулос заявил в речи перед студентами Салоник, что не нужно «много знать», а его помощник Паттакос наряду с формулой «стой или стреляю», которую культивировал среди молодежи, выдвинул в качестве идеала религиозность и средневековый страх, потому что «высочайшим наставлением христианства является страх»¹⁵. Георгалас в век атома и космонавтики не колеблясь заявил, что «мифы об историческом прогрессе и всемогущей науке рассеялись»¹⁶ и нет никаких оснований верить в лучшее будущее.

Довода реакционные теории своих учителей до агностицизма и средневековой мистики и воспевая по гитлеровскому образцу интуицию и религиозные суеверия в качестве источника «практических знаний», греческие неофашисты провозгласили вслед за Георгаласом: «Хотя разум и является высшим чувством, но он не может дать нам существенного, абсолютного познания действительности. Поэтому, хотя мы глубоко верим в логику, нельзя отрицать инстинкт, ощущение, восприятие, интуицию... Отрицание Апокалипсиса было бы глупостью, потому что к ним обязывает религия и мораль»¹⁷.

В борьбе с марксизмом и в целях укрепления власти предшественники неофашистов использовали в своей пропаганде некоторые идеи, которые, пожалуй, в какой-то мере были направлены против капиталистической системы. Раздувая социальную демагогию, они, особенно в начале борьбы, изображали себя социалистами. В настоящее время, когда классовые противоречия еще больше возросли, значительно углубился кризис империализма, идеи социализма стали популярными повсюду, наследники Муссолини и Гитлера не отваживаются использовать слово «социализм», даже извратив его смысл, поскольку правящие монополистические круги считают это весьма опасным. Неофашисты выступают самыми страстными, самыми ревностными защитниками капиталистической собственности на средства производства, надежной опорой капитализма.

Диктаторы и их идеологи в Греции не только открыто выступали за «частное предпринимательство» и сохранение капитализма, но прилагали настойчивые усилия для доказательства того, что капиталистическая система как «живой организм» преодолела трудности, «приспособилась и достигла высшей, более совершенной формы — формы потребительского общества»¹⁸. С их точки зрения, сегодняшние трудности общества якобы не связаны с «капиталистическими кризисами, предсказанными марксизмом, а объясняются только чрезмерным потреблением товаров или природой самого человека, который всегда был неблагодарным, алчным, непостоянным, трусливым, а в наш век стал жестоким, бездушным и лишенным страха варваром»¹⁹.

В своих усилиях всеми средствами защитить капитализм апологеты греческого неофашизма не могли не впасть в глубокие противоречия. Забыв о своих утверждениях, что капитализм преодолел кризисные явления,

они предлагали ряд мер, которые могли бы способствовать их преодолению. Спасительные рецепты включали «ограничение мании потребления у народных масс», «децентрализацию городов», «оживление религии и церкви», которые «должны охватить всю человеческую деятельность, поскольку христианство предвидело царствие божие на Земле»²⁰. Новые лозунги должны были не только дать «утешение» простым людям, но и внушить мысль о том, что «идеальное общество — это утопия, которая никогда не может осуществиться на Земле». Главным же рецептом идеологов греческого неофашизма для преодоления кризиса капитализма было бесстыдное предложение о создании повсюду, по примеру диктатуры хунты, некоей общественной системы, которая располагала бы необходимым полицейским аппаратом, способным «достоверно информировать о слабостях», с тем чтобы вовремя были приняты меры для избежания «полного разрушения»²¹ прогнившего здания капитализма.

Этими лозунгами и спасительными рецептами, которые представляли собой копии соответствующих гитлеровских доктрин, неофашисты Греции переносили причины кризиса капиталистической системы в область абстрактных понятий или связывали с человеческой природой, а не со сферой производства и производственных отношений, господствовавших в этой системе. Одновременно они пытались представить социализм как утопию, чтобы «доказать», что любые попытки добиться общественной справедливости и установить социалистическую систему тщетны. Борьбу за демократию и прогресс они подменяли средневековыми догмами «возврата к богу, к религиозным верованиям, к метафизике», которые, по их признанию, составляют необходимую «основу капиталистического общества»²².

В своих усилиях представить коммунизм не как социальную систему, которая образуется и побеждает на основе объективных законов общественного развития, а как режим, якобы устанавливаемый некими заговорщиками, они упрямо повторяли обветшалые лозунги реакции, характеризуя партию рабочего класса Греции как «орган международного коммунизма и Москвы». Стремясь породить ненависть к коммунизму, хунта и ее пропагандистские службы полностью заимствовали фразеологию Геринга и Геббельса, называя греческих коммунистов «коварными чертями» и «иностранными агентами», представляющими «опасность бо́льшую, чем

атомная бомба»²³, «преступниками», чьи останки должны покоемся на пустынных островах и в тюрьмах, антинациональными элементами, которым не место в современном греческом обществе.

Одним из проявлений антикоммунизма хунты был ее злобный антисоветизм. Социалистическое содружество во главе с Советским Союзом, как известно, составляет главную силу мирового коммунистического и рабочего движения, является важнейшей опорой народов, борющихся против империализма за свободу и национальную независимость, за демократию и прогресс. Поэтому свой огонь против коммунизма хунта направляла главным образом против Советского Союза, социалистического содружества, стремясь тем самым совместно со всей империалистической реакцией подорвать авторитет СССР и КПСС в глазах греческого народа, внести свой «вклад» в общие усилия империализма, направленные на раскол социалистического содружества.

Сердцевину антисоветизма греческих неофашистов составляли мифы об «агрессивности коммунизма», о «советском империализме» и экспорте революции, о «разделе мира двумя сверхдержавами» и т. п. Этими мифами афинские диктаторы клеветали на Советский Союз, проводящий политику мира и являющийся последовательным защитником прав народов, маскировали действительно агрессивную политику империализма, который привел их к власти и всячески поддерживал. Кроме того, своими воинственными, шовинистическими лозунгами о «советской угрозе» и «опасности с севера»²⁴ они пытались оправдать новые уступки США и НАТО.

Вторая империалистической пропаганде, идеологи хунты муссировали лозунги о «подавлении личности», «отсутствии свободы» в Советском Союзе и других социалистических странах, чернили облик нового советского человека. По примеру Геббельса они называли Советский Союз «врагом № 1 Европы» и постоянно призывали Западную Европу к сплочению для отпора «общему непримиримому врагу», то есть Советскому Союзу и другим социалистическим странам.

Антикоммунизм как составная часть реакционной буржуазной идеологии задолго до фашистского переворота 1967 года был поднят до уровня государственной политики греческой верхушки. Но это не удовлетворяло диктаторов и апологетов неофашизма. Они считали антикоммунизм других реакционных сил устаревшим, не

сформировавшимся в «систему идей» и не отвечающим требованиям сегодняшнего дня. Пророки греческого неонацизма выдавали свою идеологию за совершенный образец, пригодный для всех стран Запада. Они призывали господствующие классы этих стран подражать их примеру и выражали готовность сделать Грецию «международным центром изучения, систематизации и развития антикоммунизма»²⁵. Г. Георгалас пытался доказать, что антикоммунизм в Греции «не противоречит прогрессу» «не является идеологическим оружием реакции», а «просто идеологией», которая предусматривает «обеспечение основных прав человека»²⁶. Его потуги были тщетными: даже консервативные буржуазные круги — прежние носители антикоммунистических взглядов — стали понимать и в известной мере признавать, что антикоммунизм неонацистов приносил выгоду только самым реакционным монополистическим группировкам и иностранным монополиям.

НАЦИОНАЛИЗМ И РАСИЗМ

Антикоммунизм неонацистской хунты тесно смыкался с крайним национализмом, шовинизмом и расизмом.

Реакционные националистические и расистские идеи использовались фашистами и в довоенный период в качестве испытанного оружия для ослабления напряженности общественных и предотвращения социальных взрывов внутри страны, в качестве главного средства оправдания политики империалистической экспансии и реваншизма. С разгромом фашизма, доведшего национализм до крайних пределов, народные массы капиталистических стран стали относиться к националистическим идеям с огромным недоверием. Поэтому реакционные силы, особенно после войны, не выступали открыто с националистическими лозунгами, а пропагандировали идеи космополитического характера типа «ограниченной независимости» и др. В период 1960—1970 годов, когда милитаризм глубоко проник в общественную и политическую жизнь капиталистических стран, когда натовские когти вонзились в грудь стран — членов этого агрессивного блока и социальные противоречия еще более обострились, реакционная и неонацистская идеология стала приобретать грубый милитаристский характер.

Националистические лозунги неофашистов в странах Западной Европы были различными. В ФРГ реакционный национализм неонацистов проявлялся в форме реваншизма и расизма, в лозунгах восстановления границ 1937 года, «сплочения народов Западной Европы для борьбы против восточного варварства» и т. п. В других странах, таких как Италия, Греция и др., неофашисты придали своему шовинизму главным образом внутреннюю окраску, пытаясь представить себя «единственными защитниками нации от внешних и внутренних врагов — коммунистов». Тем не менее и в этих странах в идеологии неофашистов в той или иной форме присутствовали и старые националистические и милитаристские догмы крайней реакции и довоенного фашизма. В Греции периода военной диктатуры, когда милитаризм стал составным элементом общественной и политической жизни, националистические лозунги являлись сердцевиной идеологии и пропаганды неофашистского режима.

Прежде всего нужно было оправдать применение танков для подавления демократии и грубое вмешательство реакционной военщины в политическую жизнь страны. Для этого был выдвинут следующий тезис: в основе деятельности политических общественных групп и буржуазных партий лежат корыстные экономические и политические интересы. Действия же военных определяются якобы национальными интересами, поэтому и вмешательство их в политику было абсолютно бескорыстным, продиктованным исключительно патриотическими мотивами. В своих попытках оправдать установление диктатуры и представить неофашистскую военщину выразителем национальных интересов новоявленный философ Куцояннопулос обвинял народные массы в том, что они своими требованиями и борьбой ставят под угрозу законные экономические и политические привилегии господствующего класса. Таким образом, заключает этот апологет неофашистской тирании, перед угрозой «сползания к анархии...», обычно приходят к власти военные режимы, которые объединяют всю страну в единое, готовое к действиям, целое»²⁷.

Цинично раскрывая цели установления подобного режима диктатуры хунтой, этот теоретик греческого неофашизма в другом месте своего «труда» прямо признает, что перед лицом «чрезмерных требований», выдвигаемых трудящимися, государство обязано «неукоснительно обеспечить те права, которые призвано защищать» (т. е.

привилегии монополистической олигархии. — С. 3.), а для этого оно должно прибегнуть к «отрицанию свободы»²⁸. Другой апологет диктатуры — С. Констандопулос — заявляет, что фашистский военный переворот и диктаторский режим представляют собой «феномен, пригодный для подражания»²⁹ всем странам капитализма.

Хотя реакционная военщина Греции полностью тождественна неофашизму, идеологи хунты предпринимают попытки поставить национализм над идеологией, над классами, отвести ему ведущее место в арсенале идеологической борьбы диктатуры. А. Папатеодору, полковник К. Врионис, Г. Георгалас утверждали, что любовь к родине якобы предполагает «отрицание всех идеологий, выступающих против принципов греко-христианской цивилизации»³⁰, что «национализм выше патриотизма и любви к той земле, где родился»³¹, что все философские теории «появляются из-за рубежа и со временем исчезают, в то время как идеология национализма вечна»³².

Все эти догмы, проникнутые духом необузданного национализма, преследуют определенную цель — уменьшить значение и извратить смысл социалистической идеологии, в которой верно сочетается патриотизм с интернациональной солидарностью прогрессивных сил, противопоставить ей национализм и шовинизм реакционной и прежде всего неофашистской идеологии, обмануть широкие массы трудящихся, главным образом молодежь.

Идеологи греческой хунты пытались внести в заезженную тему национализма новый, «более современный мотив». Выкопав со свалки истории идею о возрождении Византийской империи, диктаторы и их идеологи призвали греков к борьбе за «великую Грецию» хунты, которая якобы призвана, как в древности, стать политическим и духовным образцом для всех народов. Вожди хунты неоднократно заявляли, что сегодняшняя Греция — «подлинный представитель греко-христианской цивилизации» является «центром мировой цивилизации, маяком человеческого общества»³³. Диктатор Пападопулос призвал молодежь стать под знамена хунты и помочь «возрождению великой Греции — колыбели греко-христианской цивилизации, где вновь зацветет фонтан всех духовных ценностей человечества»³⁴.

В современных условиях неофашисты в своих милитаристских, агрессивных устремлениях все же вынужде-

пы изменить тактику и отбросить одиозные догмы о «геополитике», «жизненном пространстве» в их прежнем понимании. Западногерманский историк и философ Г. Питер, близкий к идеологии неонацизма, разъясняя позиции теоретика геополитики А. Грамбовски, утверждает, что «особенности геополитического толкования развития современного мира заключаются в том, что принцип «объединения сил» в программе националистов должен быть переосмыслен, чтобы стать понятным на Западе: принять «германский» или «западный оттенок» в борьбе против социалистического содружества и содействовать экономическому, политическому и военному объединению Европы»³⁵. Неофашисты утверждают, что они являются подлинными носителями «европейского духа», который в их понимании не отличается от «европейского» духа гитлеризма, пропагандируют идею политического и духовного превосходства западноевропейцев над всеми другими народами.

Неонацисты ФРГ, сочетая национализм с расизмом, вновь возрождают миф об «исторической священной миссии немецкого народа» по «спасению Запада». «Немец вновь поднимает факел, который у него выхватили из рук. Германия вновь возрождается как щит Запада»³⁶, — пишет идеолог западногерманского милитаризма и расизма В. Рихт.

Усвоив уроки своих учителей, идеологи хунты приняли попытку приспособить догму о превосходстве национализма над всеми другими идеологиями, конкретно лозунг «великой Греции греко-христианской цивилизации», к понятию «объединенной Европы». Намерения эти, однако, оказались на деле попытками пропагандировать агрессивные идеи атлантизма и предательства национальных интересов в угоду империализму.

Если судить по тому, что написано Георгаласом, афинские неофашисты под «объединенной Европой» понимали «союз в рамках атлантического сотрудничества под эгидой сильной Америки»³⁷, которая является «ядром западного мира»³⁸. «Мечта об объединенной, процветающей и мощной Европе, скрепленной рамками атлантического единства с могущественной Северной Америкой, когда-нибудь обретет плоть и кровь»³⁹, — дополняет свои разглагольствования этот выпускник американских школ антикоммунизма и «советологии». Так, проповедуя крайний национализм и всемерное пре-

восходство Греции и в то же время выдвигая в качестве центра западного мира США, которым должны покориться все другие страны, идеологи неонацистской хунты полностью отрицают национальный суверенитет и демонстрируют противоречивый характер своих лозунгов.

В условиях бурного роста населения городов и безработицы монополии используют националистическую и расистскую демагогию неонацизма, чтобы скрыть подлинные причины безработицы и эмиграции в ведущие капиталистические страны. Так, иностранные рабочие, ищущие работу в Западной Германии, характеризуются неонацистами ФРГ как «недоразвитые», которые поэтому должны находиться на значительно более низкой ступени социальной лестницы, чем их западногерманские коллеги. В программе неонацистской партии указывается: «Немецкий рабочий должен иметь преимущественное право в нашей экономике по сравнению с иностранным рабочим»⁴⁰. «Иностранные рабочие для нас являются тем же, что и евреи для Гитлера», — заявил вождь неонацистов фон Тадден, придавая тем самым новый оттенок расизму и антисемитизму.

Наряду со скрытыми лозунгами неонацисты Европы часто весьма откровенно выражают свои расистские взгляды. Например, лозунги «единой европейской нации» или «европейского национализма» ими трактуется с чисто расистских позиций. «Современный национализм, — писали неонацисты ФРГ в своем теоретическом органе, — имеет биологическую основу. Ни радикальные утопии, ни философские учения о человеке не могут определять политику. Поскольку человек является частью биологической системы и принадлежит к определенной расе, то решающую роль в истории и в политике играют расовые и племенные различия»⁴¹.

Греческие неонацисты, подобно своим учителям, пытались совместить националистические, шовинистические идеи с расистскими. Однако расистские догмы идеологов значительно отличались как от расизма апологетов колониализма, так и от расизма немецких фашистов. Конечно, греческие неонацисты не говорили открыто о превосходстве какой-либо расы и не прибегали к явному антисемитизму, что было главным в идеологии и политике гитлеризма, но, вкладывая фашистский смысл в лозунги «объединенная Европа», «Греция — греков-христиан», они пропагандировали идею культурного и нрав-

ственного превосходства греческого народа, которое якобы дает ему право играть руководящую роль в политическом и культурном возрождении человечества.

Т. Папаконстантину заявлял, что без «греческого рода не было бы современной цивилизации»⁴². Г. Георгалас пытался убедить всех, что «только с усвоением греко-христианской культуры народы могут стать действительно цивилизованными»⁴³. Н. Зирас писал, что «греческий род обладает высшей жизнеспособностью»⁴⁴, а необузданный неофашист, полковник Ладас, в своем обращении к молодежи в откровенно фашистском издании «4-е августа» утверждал, что «только греки размышляют» и это «подтвердил сам Ницше»⁴⁵, который являлся, как известно, идеологическим предшественником фашизма. К. Антонопулос, перемежая расизм религиозным мистицизмом, пошел еще дальше и утверждал, что «греки являются носителями и выразителями божественного», что их идеалы — «божественного происхождения», поэтому они должны воскресить древний лозунг «кто не грек, тот варвар»⁴⁶. В наши дни это, по существу, означает культивирование враждебного отношения ко всем другим народам, в особенности к народам соседних социалистических стран.

Так, спекулируя на наследии Древней Греции и пытаясь сочетать шовинизм с расизмом на «новой» основе, идеологи греческого неофашизма сделали попытку «возродить» расовые предрассудки, а главное, отвлечь внимание народных масс от острых социальных и политических проблем. Однако культурное наследие Древней Греции, получившее самую высокую оценку основателей научного социализма и лучших умов человечества, является достоянием всего цивилизованного мира. Народ Греции, как и другие народы, с глубоким интересом изучает все лучшее в культурном наследии древних греков — этом поистине всемирном достоянии, в то время как неофашисты, извращая богатое историческое прошлое предков греческого народа, берут только его негативные элементы, обращая их на службу фашистским и шовинистическим целям диктатуры.

Все эти откровенно расистские и антиисторичные положения выявляют фашистский характер идеологии хунты и ее апологетов.

Реакционная сущность идеологии греческих неофашистов и ее тесная связь с политикой империализма наглядно проявлялась в их взглядах и позициях по ряду важных социальных проблем, прежде всего по вопросам классовой борьбы и революции, свободы и демократии.

В подходе к классовой борьбе неофашисты Греции проявили полную солидарность с предшественниками.

Правящие круги капиталистического общества в целях обмана эксплуатируемых и сохранения своего господства выдвинули ложный тезис об «общенациональном характере власти». На этой же идее борьбы за якобы общие интересы нации паразитировал и довоенный фашизм. В настоящее время, когда классовая борьба приняла большой размах, империалистическая реакция и ее ударная сила — неофашисты стали настойчиво говорить, что служат якобы общим национальным интересам, широко распространять лозунги о «гармонии интересов различных классов», о «победе над классовыми абсурдами и преодолении классовой борьбы».

В пояснении к «Манифесту принципов западногерманской неофашистской партии» говорится: «Социальным феноменом нашей эпохи является преодоление классовой борьбы и включение рабочих в общество в качестве равных и уважаемых его членов», «профсоюзы и объединения предпринимателей сотрудничают, заботясь вместе о необходимом выравнивании интересов и о мирном труде»⁴⁷.

Выступая на эту же тему перед представителями Всеобщей конфедерации труда Греции (ГСЕЕ), диктатор Пападопулос заявил, что после установления режима 21 апреля «устранена эксплуатация человека человеком» и «государство выражает интересы не одного господствующего класса», а всех граждан нации. Следовательно, заключил он, — и это было главной целью его демагогического выступления — «трудящиеся Греции обязаны сотрудничать с военной властью, положить конец классовой борьбе». Хотя эти утверждения вступали в явное противоречие с действительностью, идеологи греческого неофашизма считали необходимым придать своим взглядам о классовой борьбе некоторую видимость научности. Так, они пытались доказать, что в Древней Греции не

было классов и характерным являлась борьба между родами, а классовая борьба, если и была, то «не играла важной роли в общественном развитии»⁴⁸.

Исходя из факта, что общественные классы делятся на группы людей, имеющих различные взгляды и психологию, и внутри этих групп происходит непрерывное движение и развитие, идеологи греческого неофашизма пришли к антиисторическому выводу, что «общественные классы, как их понимает марксизм, никогда не существовали» и классовая борьба — это «выдумка марксизма»⁴⁹.

Призывая на помощь аргументы идеологов империализма, ревизионистов и отступников от марксизма, они пытались доказать «исчезновение рабочего класса» и преодоление классовых противоречий в современном капиталистическом мире. Они принижали руководящую роль рабочего класса в общественном развитии и утверждали, что в век научно-технической революции рабочих и капиталист отодвигаются на второй план и «будущее мира зависит не от рабочих, а от технократов»⁵⁰.

Некоторые наиболее оголтелые апологеты диктатуры, как, например, проф. Куцояннопулос, вульгаризируя проблему классовой борьбы, характеризовали ее как движение «анархической толпы», которая, «завидуя» обладателям богатства, «прибегает к преступлениям»⁵¹.

На основе этих антиисторичных, примитивных и ненаучных позиций прислужники диктатуры сформулировали тезис о том, что не существует предвидения хода общественного развития, что главным фактором исторического развития является «человеческое желание». Этими выдумками в духе немецких философов-идеалистов Ницше и Шпенглера об уничтожении классов и классовой борьбы идеологи греческого неофашизма тщились скрыть откровенно классовый характер диктатуры. Они пытались принизить значение марксистского учения, которое в классовой борьбе видит источник поступательного развития истории, убедить трудящихся в том, что не существует идей, способных осветить их путь, и поэтому следует бороться за расцвет «общенационального государства» олигархии или примириться, как советует проф. Куцояннопулос, с военными режимами, которые по образцу диктатуры хунты «сводят в единую совокупность все единство действий».

Хотя идеологи греческого неофашизма и не могли полностью игнорировать революционное развитие нашей

эпохи и огромную привлекательную силу, которой обладают революционные идеи среди народных масс, тем не менее они пытались извратить существо социальной революции и заменить ее различными произвольными, антинаучными домыслами. И в этом они оказались не оригинальными. Их предшественники широко спекулировали на идее революции.

В книге «Консервативная революция» западногерманский социолог Д. Моллер утверждает, что революция, в его понимании, не имеет ничего общего с революцией в общепринятом смысле, то есть как смена одной общественной системы другой. «Революцию, — пишет он, — мы должны понимать как удаление нароста, мешающего жизни»⁵².

В статье «Консервативная революция» вождь неонацистов фон Тадден без обиняков назвал неонацистскую партию решительной сторонницей фашистских взглядов на революцию и поборницей контрреволюции. «В период, когда свободный мир отступает, — писал фон Тадден, — и всему земному шару угрожают коммунистические перевороты.., мы являемся теми, кто в эту эпоху, полную опасностей, обязан занять противоположную, консервативную позицию, направленную против революционной тактики других»⁵³.

Отрывая революцию от экономических и социальных истоков, неофашисты придали ей идеалистический, абстрактный характер и представили как явление, которое не имеет никакой связи с общественной системой. Согласно утверждениям лидера итальянской неофашистской партии Г. Алмиранте, революцию мы должны понимать «только как изменение философских взглядов»⁵⁴. Нечто подобное отстаивали и представители идеологии греческого неофашизма, поддерживая тезис о том, что «революция представляет собой больше вид восприятия и морального состояния, больше психическое, чем материальное выражение»⁵⁵. Конечно, неофашисты не считают необходимым объяснять, какие взгляды они имеют в виду и какой вид восприятия выражает революция. И это происходит, с одной стороны, потому, что из всех взглядов и теорий они предпочитают фашистские, приспособленные к духу нашей эпохи, а с другой, потому, что таким образом они раскрыли бы свое понимание революции. Тщетны, однако, их усилия. Когда греческие неофашисты к гитлеровской «законной революции» добавляют не менее лживую «национальную революцию»,

которая якобы стоит над классами и партиями и служит интересам всего народа (!), когда, вопреки исторической правде, характеризуют Великую Октябрьскую социалистическую революцию, впервые ликвидировавшую систему эксплуатации на одной шестой части Земли и открывшую новую эпоху человечества, как «переворот»⁵⁶ и без стыда называют военный переворот 21 апреля, стремившийся сохранить прогнившие устои и защитить интересы империализма, «революцией», тогда становится совершенно ясно, какой смысл они вкладывают в понятие «социальная революция».

Как свидетельствуют труды неофашистов, когда они в Греции говорят о революции, то имеют в виду не социалистическую революцию, предполагающую коренные изменения социально-экономических и политических основ капиталистического общества, а режим фашистского насилия, который отменяет буржуазно-демократические принципы, устраняет буржуазный парламентаризм, запрещает или ограничивает деятельность политических партий и любую профессиональную или политическую активность трудящихся, — одним словом, режим, который всеми средствами стремится укрепить позиции монополий и империализма, сохранить и усилить систему эксплуатации и социальной несправедливости.

Еще более демагогическими, лживыми и откровенно фашистскими были позиции диктаторов и их апологетов по актуальным проблемам свободы и демократии.

В своих усилиях скрыть истинно фашистские акции против свободы и демократии они взяли на вооружение реакционные теории о «дисциплинированной свободе». Согласно взглядам акад. К. Цацоса, являвшегося основоположником подобных теорий в Греции, государство предоставляет гражданам столько политических свобод, сколько необходимо, чтобы не создавалось угрозы существованию «самостоятельной национальной группы», то есть существующему строю. Свобода, которая превосходит этот предел, утверждал позднее г-н академик, «не соответствует своему предназначению и целям». Поэтому и в самом свободном государстве должны ограничиваться свободы. Идя в изысканиях дальше, этот представитель буржуазной консервативной идеологии в Греции допускал вседозволенность, царившую в теориях предшественников фашистской идеологии Шопенгауэра и Ницше, и утверждал, что проблема свободы должна рассматриваться как проблема «абсолютной свободы воли»⁵⁷.

Эти взгляды, составившие позднее основу антинациональной политики правой реакции, дали диктаторам хунты и их апологетам ключи для произвольного, фашистского толкования идеи свободы и демократии.

«Роль власти заключается именно в том, — утверждали идеологи греческого неонацизма, — чтобы ограничить свободу личности». Потребительское общество, по мнению Г. Георгаласа, «является обществом слишком снисходительным и терпимым, что ведет к хаосу..., человек общества потребления в силу чрезмерной свободы испытывает головокружение, а это свидетельствует о том, что он еще не готов для более широких свобод»⁵⁸. Согласно утверждениям другого идеолога неонацизма, проф. Куцояннопулоса, как указывалось выше, в ограничении свободы повинны не диктаторы, а трудящиеся, выдвигающие чрезмерные требования, — все те, кто отстаивает свои права и свободы.

«Теоретики» и вожди довоенного фашизма не скрывали своей враждебности к демократии. Они открыто заявляли, что буржуазная демократия противоречит рациональным, здоровым взглядам, вредит государству и народу, и поэтому предлагали использовать ее в качестве прикрытия для «законного» прихода к власти фашистских сил, а затем полного устранения ради тоталитарных методов правления.

Аналогичные позиции позднее заняли и неонацисты ФРГ. «Современная демократия не может характеризоваться в соответствии с энциклопедическим толкованием как господство народа», — провозгласили последователи гитлеровской идеологии. Выступая на втором съезде неонацистской партии, бывший ее лидер Ф. Тилен заявил, что преемники фюрера стремятся превратить свою партию в «объединение всех немцев, которые отвернулись бы от старых партий». Таким образом можно было бы использовать остатки буржуазной демократии для установления неограниченной диктатуры монополистического капитала.

Однако греческие неонацисты не выступили с открыто антидемократическими позициями. Свою враждебность к демократии они пытались скрыть под маской ее «защиты». Именно здесь проявилась еще одна «особенность» их идеологии.

Идеологи диктатуры и сами диктаторы стремились предстать беспощадными противниками тоталитаризма и защитниками «настоящей, подлинной демократии». Из-

вращая смысл демократии, они хотели представить ее как нечто абстрактное, как некую систему «духовных ценностей и нравственных принципов». На этой основе продвигали принцип, что не требуется законодательное закрепление прав и свобод граждан, что эти права могут определяться и охраняться государством, то есть самими диктаторами. Чтобы лишить свободу и демократию какого-либо социального содержания, некоторые апологеты диктатуры, такие как Г. Хурмузиадис, утверждали, что свобода означает «только свободу души», которая «не имеет никакой связи „с социальными и политическими требованиями“»⁵⁹.

Нападая на свободу и демократию открыто или замаскированно, используя лакеев пера, а где нужно и танки, неофашисты Греции во всех случаях пытались укрыться за маской защитников интересов народа. Согласно их взглядам, народ представляет собой абстрактное понятие, просто «завистливую», «невежественную» и «неспособную к самоуправлению массу», которая должна подчиняться политической, а в наши дни и военной элите⁶⁰.

Автор политических справочников хунты Т. Папаконстантину, раскрывая подлинный смысл, который давался диктаторами понятию «демократия» и «народ», писал: «Если демократия падает ниц перед невежественной толпой, то она тогда вырождается»⁶¹.

Если бы даже не было подобных признаний хунтовских писак, то достаточно брани и оскорблений лидеров хунты по адресу греческого народа, бесстыдных заявлений, что «греки больны»⁶², чтобы окончательно убедиться в том, что неофашисты хунты рассматривали народ как невежественную, неграмотную массу, недостойную демократических свобод и пригодную только для того, чтобы подпирать каждый раз избранную монополиями элиту, в данных обстоятельствах военную хунту.

Стараясь как можно больше замаскировать свои антидемократические взгляды, неофашистские диктаторы и их пропагандисты заимствовали из арсенала империалистической реакции понятие «тоталитаризм». Они пытались доказать, что в противоположность социалистическим странам, где якобы господствует тоталитаризм, на Западе и, естественно, в Греции при хунте существовала подлинная свобода и демократия. Они договорились до того, что фашистские диктатуры, существовавшие до второй мировой войны, не были «тоталитарными», что это

качество «присуще только коммунистическим режимам». Таким образом, с одной стороны, предпринималась попытка извратить историю и приписать социализму то, что характерно для империализма и его порождений, снять с фашизма клеймо душителя свободы и демократии, а с другой — оправдать собственные антидемократические действия.

Чтобы прикрыть свое неприятие принципов демократии, диктаторы и их идеологи на все лады трубили о том, что они защищают законность и конституцию. Однако одновременно они объявили жестокую войну парламентаризму и политическим партиям. Спекулируя на серьезных недостатках греческого парламента и недоверии трудящихся к большей части депутатов и буржуазным партиям, которые, по существу, не выполняли возложенной на них миссии, они объявили старую парламентскую систему обанкротившейся.

Пример греческого неофашизма как душителя буржуазно-демократических принципов в современной европейской действительности не единичен. Фашистский «национальный фронт» в Италии уже после устранения греческой хунты заявил: «Партии не могут руководить политической жизнью в будущем и должны воздерживаться от вхождения в правительство... Вместо парламента следовало бы создать законодательный орган из представителей различных слоев и из тех граждан, которые оказали особые услуги». Как это похоже на перепевы лозунгов хунты! Разъясняя эту позицию, бывший лидер фронта принц Боргезе заявил: «Сегодняшнее государство настолько прогнило, что, возможно, уже нет необходимости в нанесении ему какого-либо удара. Нынешнее руководство, возможно, только и ожидает, чтобы кто-либо пришел и предложил ему удалиться восвояси».

Безусловно, буржуазная демократия и буржуазный парламентаризм носят ограниченный, лицемерный характер, само буржуазное государство с его крайне ограниченной демократией готовит почву для укоренения неофашизма, а там, где позволяют обстоятельства, — «для установления фашистской тирании». Однако было бы глубоким заблуждением считать, что критика неофашизмом буржуазной демократии имела целью улучшение или даже спасение ее, а не полное ее отрицание.

Прибегая к различным манипуляциям понятиями «демократия» и «свобода», идеологи греческого неофашизма в конечном счете хотели перенести проблему кри-

терия демократии из экономической и социально-политической области в сферу сознания или абстрактной интеллектуальной деятельности человека, оправдать или скрыть свою подлинную враждебность к демократии и, наконец, как и их сегодняшние единомышленники, изобразить ограничение или ликвидацию прав народа и усиление исполнительной власти как неизбежный и существенный элемент «истинной демократии», которая, по их мнению, нашла свое выражение в «национальной диктатуре».

Свои «теории» свободы и демократии идеологи греческого неофашизма, как и их предшественники, тесно увязывали с концепцией «сильной власти» и «могущественного государства».

Идея могущественного, централизованного государства представляла сердцевину идеологии фашистов. Главным положением фашистской идеологии, писал Муссолини, является учение о государстве, «потому, что все включается в государство и ничто не находится вне его»⁶³. Гитлеровцы, идеализируя буржуазное государство, заявляли, что «государство является высшим и самым совершенным творением.., из которого развивается национальный дух»⁶⁴.

Представитель западногерманского неонацизма М. Эйних утверждает, например, что «государство стоит над личностью». По его мнению, совершенство государства кроется в «вечности государственных форм» и в том, что «в государстве воплощается национальный дух».

Исходя из этой концепции, которая фальсифицирует научное положение об историческом и классовом характере государства, неофашисты считают приемлемой любую форму централизованного империалистического государства господствующей олигархии. Любая диктатура, считают они, хороша, если диктатор воплощает «национальный, народный элемент», «если носители государственной власти могут заставить всех граждан подчиниться этой власти, поскольку для достижения высших целей все средства позволительны». Этими целями, говоря яснее, является обслуживание интересов монополий.

Согласно этим взглядам, империалистическому государству, выражающему волю всего народа, всей нации, позволительно все, вплоть до ничем не ограниченного насилия, поскольку оно «оберегает народ от коммунизма и других опасностей».

Греческие неофашисты, полностью заимствовав фашистскую концепцию могущественного государства, положение о необходимости ограничения или упразднения личных прав во имя интересов государства, сделали их собственными основными лозунгами. На основе тезиса неофашистов Западной Европы о «государстве-крепости», например, апологеты афинской диктатуры заявили, что все нарушения демократии, все формы лишений и насилия «законны», поскольку применяются для защиты «национальных интересов» и «государства, которое выражает эти интересы»⁶⁵. Развивая этот тезис, неофашисты дополнили его заимствованным из других источников положением о том, что в нынешних условиях у государства отпала функция «ночного стража»; вместо этого государство стало опекуном, который главным образом и в равной степени заботится о всех своих гражданах — богатых и бедных, олигархии и трудящихся.

Концепция «могущественного государства», «государства-опекуна», «демократической сильной сущности» в режиме неофашистской военной диктатуры хунты понадобилась идеологам греческого неофашизма для того, чтобы прикрыть особые, колониального типа привилегии, предоставленные местным и иностранным монополиям; оправдать ликвидацию остатков демократии режимом 21 апреля; обосновать столь необходимый для финансовой олигархии и, следовательно, для диктаторов лозунг «классового мира». Этот лозунг нашел наиболее характерное свое выражение в одной из многочисленных поделок яркого поборника неофашизма Г. Георгаласа. В своей книге «Кризис потребительского общества» он писал, что «те, кто предъявляет претензии к государству, кто требует больше прав, вызывают кризис общества потребления, так как, получая все от государства-опекуна, они не соглашаются выплачивать соответствующий эквивалент.., отказываются поступиться частью своей свободы»⁶⁶, иными словами, отказываются беспрекословно терпеть эксплуатацию и подчиняться государству, взявшему на себя обязанность сохранять и укреплять эту эксплуатацию.

Таким образом, становится ясным, что идеологи неофашизма, изображая государство в качестве «самостоятельного и независимого института», как нечто стоящее вне конкретных экономических и социальных условий, пытались скрыть тот факт, что государство эксплуататорского общества является главным орудием в руках

господствующих классов для подавления трудящихся, и представить диктатуру хунты как «общенациональную силу», которая может ограничить или упразднить права и свободы народа. Идя дальше, они абсолютизировали роль государства и говорили не просто о «неизбежном» ограничении народных свобод, но и о «необходимом» подавлении свободы и полной ликвидации основных прав граждан. И именно в этом проявляется еще одна характерная черта идеологии хунты — идеологии наиболее реакционных монополистических кругов, явной фашистской идеологии.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ

Особой чертой идеологии хунты являлось извращение истории. Апологеты диктатуры прибегли к фальсификации истории, так как понимали, что они не могли рассчитывать на широкое влияние в массах, если не будут низвергнуты демократические традиции народа, реабилитированы фашизм и военные преступники, не будет поколеблено восхищение народа славным движением национального Сопротивления.

Фашисты всегда были самыми бесстыдными фальсификаторами исторических событий и фактов, однако после второй мировой войны фальсификация прошлого со стороны преемников Гитлера и Муссолини приобрела невиданные масштабы. В своем стремлении возродить фашизм неонафашисты пытаются провести общую переоценку истории довоенных фашистских режимов, их внутренней и внешней политики и особенно их роли во второй мировой войне.

Идеологи неонафашизма в ФРГ изображают приход гитлеровцев к власти как необходимое исправление исторической несправедливости, причиной которой были действия великих держав после первой мировой войны. Солдаты вермахта представляются ими «героями, с честью исполнившими свой долг», а фашисты — «патриотами, спасшими свои страны от коммунистической опасности».

Итальянские неонафашисты в своих попытках оправдать фашизм используют собственный опыт. Настаивая на том, что не имеют никакой связи со «старыми» фашистами, они в то же время славят дела Муссолини, который, как они утверждают, «сделал много хорошего для Италии» и «сегодня полезен стране», или заявляют,

«что фашизм не привел бы Италию к пропасти, если бы Муссолини не совершил трагическую ошибку, связав свою судьбу с судьбой Гитлера».

Неофашисты порой отмежевываются от Муссолини и Гитлера, но одновременно изображают войну, развязанную гитлеровцами, как «просто неудачную, к сожалению, попытку осуществления идеи европейского единства», поражение же фашистских стран в войне — как результат «многих тысяч случайных совпадений», а не следствие борьбы против них народов. Некоторые из них, издеваясь над фактами недавнего трагического прошлого, утверждают, что фашистские режимы сами виноваты в своей катастрофе, поскольку не были «достаточно твердыми». Как пишет близкий соратник Муссолини, видный деятель итальянского неофашизма Джулио Эволи, «ошибка фашизма заключалась в том, что он проявил тенденцию к компромиссу» в вопросах организации государства. Западногерманский историк И. Барник, несмотря на свое критическое отношение к Гитлеру, славит гитлеровские войны и выражает сожаление по поводу того, что немцы в силу присущего им характера «были чрезмерно миролюбивы, благородны и душевны» (!).

В общей неофашистской кампании извращения истории участвовали и греческие неофашисты. В своих попытках стереть из памяти народа страницы его освободительной борьбы, поколебать веру в демократические принципы они утверждали, что в Афинах эпохи Перикла был «деспотический режим»⁶⁷, глумились над памятью героев революции 1821 года. Например, министр образования хунты Д. Цаконас заявил, что «грекам, вместо того чтобы подниматься против султанской Турции, следовало бы поддерживать политику фанариотов*, требовавших двуединой греко-оттоманской империи».

В различных публикациях по истории довоенных фашистских режимов греческие неофашисты пытались снять с гитлеровской Германии ответственность за развязывание второй мировой войны.

Установление фашистских режимов в Италии и Германии они изображали не как результат экономических и социальных условий, сложившихся в этих странах, а как следствие властолюбия Муссолини или шизофрении

* Так назывались греческие аристократы и духовенство, жившие в XVII—XIX веках в Стамбуле.

Гитлера. Тенденция всеми средствами оправдать фашистские режимы в глазах греческой общественности особенно наглядно проявилась в попытках представить деяния греческих диктаторов 4 августа 1936 года* отвечающими интересам нации, а самих главарей диктатуры — известных поклонников Гитлера — чуть ли не национальными героями. Хунта пропагандировала фашистскую диктатуру 4 августа как «форму власти европейского типа, не имеющую фашистской организации». Министерство социального обеспечения хунты в специальном распоряжении рекомендовало своим службам использовать книгу воспоминаний диктатора Метаксаса как источник «наставлений» для греков.

Однако полностью раскрылась сущность греческого неофашизма в нападках на славное антифашистское движение национального Сопротивления. Против этого движения, внесшего существенный вклад в общую борьбу всех народов против фашизма, особенно ополчились неофашисты. Идеологи неофашизма, все неофашистские организации пытались не только уменьшить значение этого движения, называя его «антинациональным» и «предательским», но и объявили беспощадную войну борцам Сопротивления. Их называли предателями, а военных преступников, прислужников фашистских захватчиков окрестили «подлинными патриотами». В широкой кампании борьбы против движений национально-го Сопротивления греческие неофашисты находились в первых рядах. Предатели народа, приспешники гитлеровских захватчиков, заправили хунты и их прислужники имели особые причины ненавидеть всенародное движение Сопротивления и делали все, чтобы стереть его из памяти народа или полностью извратить его цели и движущие силы.

Движение Сопротивления Национально-освободительного фронта (ЭАМ) и других прогрессивных организаций характеризовалось как враждебное нации, а деятельность предательских групп, которые сотрудничали с гитлеровскими захватчиками в подавлении освободительной борьбы, изображалась как «подлинное» сопротивление. Подлинные борцы за свободу, такие как Царухас и другие патриоты, уничтожались или бесслед-

* В стране было введено осадное положение, распущен парламент, запрещены демократические партии и профсоюзы, прогрессивная печать, введены фашистские законы, начались массовые репрессии против патриотов.

но исчезали в застенках и на безжизненных островах смерти. Ненависть хунты к движению Сопротивления была столь велика и страх перед глубиной и размахом борьбы широчайших народных масс так силен, что Т. Папаконстантину рискнул написать о греческих коммунистах, являвшихся душой борьбы против фашизма, принесших самые большие жертвы, что они якобы «считали гитлеровцев союзниками и друзьями и пользовались их благосклонностью», что борцы ЭЛАС «не боролись против немцев»⁶⁸. Подобный цинизм и провокации в духе антикоммунистического бреда Геббельса оскорбляли память тысяч жертв антифашистской борьбы и являлись красноречивым свидетельством откровенно фашистского характера идеологии хунты.

противоречий в каждой стране и питают внутренние демократические традиции каждого народа. Не менее важное значение имеет и изменение соотношения сил в мире в пользу прогресса, мира и социализма, рост авторитета социалистических стран, которые выступают подлинными гарантами международного мира и безопасности, провозвестниками свободы, демократии и справедливости во всем мире.

Что касается диктатуры хунты, то ряд дополнительных факторов, появившихся со времени ее прихода к власти, предсказал ее быстрый конец. Первым и главным было то, что эта диктатура, установленная кучкой вероломно нарушивших свой долг офицеров и агентов иностранных секретных служб, не имела опоры в народных массах.

Ощущая опасную пустоту, лидеры хунты и их патроны со дня установления диктатуры делали все, чтобы создать опору в народных массах и сломать, по выражению диктатора Пападопулоса, «барьер изоляции»¹. Результаты, однако, совершенно не соответствовали предпринимаемым усилиям.

Помимо 4 тыс. судовладельцев, банкиров, промышленников и крупных торговцев и тех, кто связал себя сотрудничеством с хунтой и всячески лавировал, чтобы урвать свою долю от грабежа народа, помимо армии и агентов секретных служб, ставленников в местных органах власти, в руководстве различных союзов и объединений никто не принял унизительного подчинения тирании: не только левые силы — непримиримые враги фашизма, но и демократы, среди которых было немало бывших сторонников правых сил, за редким исключением, стояли в стороне от позорного эксперимента с неофашизмом.

Широкая изоляция диктатуры, которая в конечном счете свидетельствовала о всеобщем противодействии народных масс монополистической олигархии, с самого начала оказывала сдерживающее влияние на представителей консервативных политических кругов, с которыми хунта пыталась установить сотрудничество. Изоляция, в которой оказалась диктатура, предопределила конец военно-фашистского режима.

Этому содействовали и два других взаимосвязанных фактора: во-первых, антинародная и антидемократическая деятельность самой хунты; во-вторых, последовательный подъем антидиктаторского движения.

Сопrotивления. Поражение, которое потерпела хунта в экономике, политике, идеологии, еще больше углубило разрыв между хунтой и народом, обострило до предела противоречия между неофашистской диктатурой местных и иностранных монополий и абсолютным большинством народа, привело к расширению и усилению сопротивления направляемому и вдохновляемому извне режиму насилия.

В первые годы диктатуры хунта говорила об отсутствии сопротивления в Греции, притворялась, что не чувствовала молчаливой враждебности подавляющего большинства народа по отношению к навязанному режиму. Решительное нежелание трудящихся и представителей других народных слоев признать законность диктатуры и сотрудничать с ней неофашисты хунты не рассматривали как сопротивление и были уверены, что твердо стоят у власти. Однако насколько они действительно уверенно чувствовали себя, можно судить по тем чрезвычайным мерам безопасности, которые они вынуждены были принять: крепости для проживания элиты, оснащенные радарными установками, подземные убежища, построенные на виллах, бронированные лимузины, личная охрана диктатора, насчитывавшая 285 человек и включавшая даже вооруженных водолазов, частая смена магазинов, где закупались продукты, лекарства, и т. п.

Когда пассивное сопротивление начального периода постепенно переросло в антидиктаторскую борьбу, нашедшую свое выражение в самых различных формах, хунта стала говорить об «экстремистских элементах, преследующих цель создать волнения и беспорядки». Одновременно был усилен террор.

Даже в начальный период, когда организованные силы сопротивления были незначительными и их выступления еще не носили интенсивного характера, можно отметить целый ряд хотя и изолированных, но поистине героических акций сопротивления (покушение Панагулиса на первого диктатора, мелкий саботаж, распространение листовок, светящиеся надписи и т. д.).

Трудности первого этапа движения Сопrotивления, возникшие в силу фактора внезапности переворота, роспуска всех прогрессивных организаций, отсутствия одного объединенного центра сопротивления массовой антидиктаторской деятельности, породили у некоторых представителей Всегреческого освободительного дви-

жения (ПАК) и левых экстремистов ошибочные взгляды на методы борьбы. Ими утверждалось, что наиболее эффективными и единственными формами Сопротивления могут быть только активные действия.

Ревизионистам и некоторым другим представителям антидиктаторского движения были присущи противоречия и крайности в отношении форм антидиктаторской борьбы. Если вначале они заявляли, что только активные формы могут быть эффективными, то позднее утверждали (показания Дракопулоса и Парцалидиса в военном трибунале), что необходимости в вооруженной борьбе не было², и настаивали на принятии схемы Маркезиниса* и компромисса с неким якобы переходным периодом при сохранении хунты.

Однако индивидуальные активные действия, содержавшие даже элементы личного героизма, как справедливо отмечали руководители наиболее последовательных революционных сил, не только не могли поколебать основы хунты, но создавали определенную возможность для нанесения удара по движению Сопротивления в момент его зарождения. В итоге, вместо того чтобы способствовать массовости движения, эти действия способствовали его узости и даже изоляции.

Так же как и в других странах, в Греции результативность движения Сопротивления непосредственно зависела от массовой, экономической, политической и идеологической антидиктаторской борьбы. Только борьба широчайших народных масс, возглавляемая трудящимися, могла поколебать диктатуру, подготовить почву для более энергичных форм и в итоге сбросить диктатуру и создать новую ситуацию, отвечающую интересам народа. На этом сосредоточили свое главное внимание последовательные антидиктаторские силы: рабочий класс и его партия, молодежь и демократически настроенная интеллигенция, бедные слои крестьян, ремесленники и мелкие предприниматели.

Неофашистская хунта прибегла к самым жестоким мерам насилия и одновременно разворачивала свою демагогическую политику, с тем чтобы сломить дух сопротивления и воспрепятствовать любому его проявлению.

* С. Маркезинис — крайне правый буржуазный политический деятель, согласившийся возглавить «гражданское» правительство при сохранении режима хунты.

Все это, однако, не мешало рабочим и служащим активизировать движение Сопротивления и, несмотря на постоянную угрозу увольнения со стороны предпринимателей, бороться различными способами — путем создания комитетов, остановкой работ и забастовками — за увеличение заработной платы, свободные выборы своих профсоюзов, сохранение страховых касс и их защиту от захватнических поползновений со стороны хунты, за профсоюзные свободы. Забастовки таксистов Афин и Пирея, рабочих и служащих предприятий «Термис», «Виамакс» и ДЕИ, типографских рабочих Афин, технического персонала авиакомпаний «Олимпиаки», шахтеров Каваллы, трудящихся других отраслей промышленности вынуждали предпринимателей и власти удовлетворять, хотя бы частично, их требования. Борьба банковских служащих и работников частных контор дважды срывала попытки хунты захватить их страховые кассы. Рабочие и служащие торговых предприятий добились предоставления им второго сокращенного рабочего дня. Активные выступления крестьян Триккала, Мегара и других районов не позволили крупным судовладельцам и другим патронам хунты захватить их земли и вынудили назначенных военными руководителей кооперативов повысить цены на сельскохозяйственную продукцию. Врачи, юристы, учителя, журналисты, деятели науки и искусства решительно выступали против мракобесия диктатуры, боролись за право самим решать свои профессиональные проблемы, за право на творчество, за свободу печати и демократические принципы деятельности своих организаций. Протестами, забастовками и смелыми боевыми демонстрациями студенты добивались демократизации и модернизации высшего образования, свободы деятельности их профессиональных организаций.

Эти и многие другие выступления в поддержку экономических и профессиональных требований слились с широким движением за освобождение политических заключенных, за ликвидацию военных трибуналов, за прекращение бесчеловечных пыток и истязаний и вынудили хунту на некоторый период закрыть концентрационные лагеря и освободить тысячи заключенных в них патриотов.

Размах и рост антидиктаторской борьбы нашли свое выражение в широких выступлениях политического характера — в бойкоте референдума о фашистской консти-

туции 1968 года, в массовом народном выступлении во время похорон Г. Папандреу в том же году, в событиях 28 октября и 1 мая 1973 г., в антихунтовской демонстрации на похоронах поэта Г. Сефериса и многих других выступлениях.

Антихунтовские настроения имели место и в вооруженных силах, особенно в военно-морском флоте, где противоречия с хунтой вылились в открытое столкновение.

Высшим проявлением антихунтовского сопротивления стали боевые выступления студентов и рабочих Афин, Салоник, Патр и других городов в ноябре 1973 года, которые поставили хунту на край пропасти.

Немало написано о событиях в Политехническом институте в ноябре 1973 года. Однако наряду с правильными оценками мужества, антифашистского духа и самопожертвования студенческой молодежи, в некоторых изданиях уменьшается или искажается вклад студенческого движения в общую антидиктаторскую борьбу. Ряд авторов представили это движение как не оформленное и неорганизованное, изолированное от массового сопротивления, другие — полагали, что им представился подходящий случай, чтобы обрушиться на руководящую роль рабочего класса в современном революционном процессе. Например, М. Николинакос в книге «Сопротивление и оппозиция» утверждает, что события ноября 1973 года «опрокинули классическую идею авангарда», то есть идею об ведущей роли рабочего класса во главе с его авангардом — Коммунистической партией. Однако, оказавшись не в состоянии доказать свои утверждения, он неизбежно впадал в противоречия. Признавая, что теория Маркузе об авангардной роли интеллигенции уже провалилась, он проповедовал ту же теорию, говоря, что эта теория, неприменимая к развитым промышленным странам, для таких стран, как Греция, подходит. Но наиболее странным является то, что вне связи с марксистским диалектическим методом — хотя автор утверждает, что пользуется именно этим методом, — он приводит свое мнение об авангардной роли студенческого движения для подкрепления другого антинаучного положения о том, что студенты находятся во главе революционного процесса якобы в силу «своих занятий и возраста»³.

Сопротивление хунте (в том числе и события ноября 1973 г.) показало, что если студенты и давали сиг-

нал к выступлениям или держались по-боевому в ходе проведения различных антидиктаторских акций, то основой широкого антихунтовского движения были трудящиеся города и деревни.

Среди публикаций о широком забастовочном движении и других боевых выступлениях трудящихся большое место занимают материалы демократической печати, которые опровергают приведенные выше утверждения Николинакоса и тех, кто придерживался подобных взглядов.

Прежде всего, согласно этим публикациям, события в Политехническом институте распространились на весь город Афины, сотни тысяч людей вышли на улицы. Только тогда, когда на улицы вышли трудящиеся, хунта почувствовала, что речь идет о всенародном движении Сопротивления, серьезной угрозе режиму, и пустила в ход танки. По сведениям, приведенным далеко не левым журналом «Тахидромос», из 685 человек, схваченных в первую ночь военщиной в Политехническом институте и прилегающих районах, 430 — трудящиеся. В последующие два дня из арестованных на улицах Афин и брошенных в концентрационные лагеря демонстрантов 88%, согласно публикациям этого же журнала, были трудящимися⁴.

Об участии других слоев населения в событиях ноября 1973 года свидетельствует и следующий характерный случай. В эти же дни крестьяне района Мегара устроили демонстрацию протеста у здания Ареопага* против незаконной экспроприации их земель. Когда же они узнали о событиях в Политехническом институте, то направились туда и примкнули к демонстрантам, чтобы вместе со студентами выразить свой протест диктаторскому неофашистскому режиму и его антинародной политике.

Подобных случаев было много. Они опровергают произвольные концепции некоторых исследователей, которые стремились, как видно, не столько дать правильный анализ событий, сколько подкрепить антинаучные взгляды по одной из самых актуальных проблем нашей эпохи — о ведущей роли рабочего класса в современном революционном процессе во главе с умудренной опытом своей партией.

* Верховный суд страны.

Решающим фактором во всестороннем подъеме антидиктаторской борьбы, охватившей все сферы — экономическую, политическую, идеологическую и культурную, стало создание и развитие подпольных патриотических организаций — КППГ, ПАМ, ЭСАК, КНЕ, ПАМ молодежи, ЭФЕЕ*. В эту борьбу позитивный вклад внесли Всегреческое освободительное движение (ПАК), Демократическая оборона, «Гигас Фереос», группа «Свободные греки» и др.

Подпольные газеты сопротивления — «Ризоспастис», «Адулоти Афина», «Одигитис», «Панспудастики», «Фититики флога», «Элефтери скепси», «Димократики амина» и др. вместе с передачами радиостанции «Голос правды», демократическими греческими изданиями явились боевым голосом непокоренного народа и молодежи Греции, маяком и путеводной звездой в тяжелых боях за свержение диктатуры, за демократию.

Греческие беженцы, эмигранты различными средствами вели борьбу против диктатуры за рубежом.

Греческие трудящиеся в странах Западной Европы, в США, Канаде, Австралии и в других странах, а политические эмигранты в социалистических странах создавали антидиктаторские комитеты. Под руководством этих комитетов греческие демократы за рубежом развили активную деятельность по разоблачению фашистского характера режима хунты и суровому осуждению мировым общественным мнением его преступлений, в защиту преследовавшихся в Греции патриотов, за прекращение пыток, истязаний и освобождение политических заключенных, за международную изоляцию диктатуры хунты.

Одновременно в портах Западной Европы, Канады и Австралии были образованы комитеты Единого антидиктаторского профессионального движения греческих моряков и докеров (ЭАСКЕН), руководившие борьбой против диктатуры и организацией бойкота хунты, усиливших ее изоляцию.

Руководителями антидиктаторской борьбы греков за рубежом стали демократическая газета «Элефтери патрида», издававшаяся в Лондоне, газеты греческих поли-

* КППГ — Коммунистическая партия Греции; ПАМ — Антидиктаторский патриотический фронт; ЭСАК — Единое профсоюзное антидиктаторское движение; КНЕ — Коммунистическая молодежь Греции; ПАМ молодежи — Антидиктаторский патриотический фронт молодежи, ЭФЕЕ — Антидиктаторский национальный союз греческих студентов.

тических эмигрантов в социалистических странах, демократические издания в Канаде — «Тахидромос», в США — «Демократия», в Австралии — «Эмброс» и др.

Движение против диктатуры хунты за рубежом условно явилось значительным вкладом в антидиктаторскую борьбу греческого народа. Но, конечно, оно не могло заменить напряженной и самоотверженной борьбы в разных формах, которую вели внутри страны трудящиеся, молодежь и все слои населения, непосредственно испытывавшие на себе насилие и произвол хунты. Каким грубым, неуклюжим искажением исторической правды и оскорблением памяти жертв антидиктаторской борьбы представляются утверждения Николинакоса в его книге «Соппротивление и оппозиция» и утверждения некоторых других авторов в их статьях о том, что «центр сопротивления переместился за рубеж»⁵.

Несмотря на абсолютное неприятие народом глубоко враждебного ему режима диктатуры вместе с его местными и иностранными покровителями, во всеохватывающем движении Соппротивления не было достигнуто единства между руководством антидиктаторских организаций и партий. Причины этого крылись какое-то время в локальном характере акций сопротивления, в страхе, который продолжало испытывать большинство руководителей буржуазных партий перед народными массами, в их попытках держать народ вдали от активной борьбы, в их антикоммунистической предубежденности и в неразумной тактике в отношении той политической структуры, которая придет на смену хунте.

Установление военно-фашистской диктатуры в Греции представляло собой самое грубое наступление местных и иностранных монополий на интересы народа и на демократические свободы. Это наступление местной олигархии и иностранного империализма коснулось каждого класса, каждой социальной группы, политической партии или группировки, за исключением маленькой клики реакционной олигархии. В своих попытках укрепить фашистский режим они ликвидировали не только левые партии и организации, но и само понятие буржуазной демократии и прибегли к самым варварским методам насилия в отношении всех трудящихся, каждого демократа и патриота. Поэтому и борьба против наступления монополистической олигархии и ее вооруженного кулака не была делом только одного класса, одной или некоторых партий, одной группировки или организации.

Только тогда эта борьба могла принести быстрые и ощутимые результаты, когда она осуществлялась и в низах и в верхах единым, сильным, всенародным антидиктаторским фронтом. Создание фронта не было тактическим маневром какой-либо партии или группировки, а необходимостью, диктовавшейся объективными условиями, жгучим желанием народа сплоченными рядами бороться против фашистской тирании. Эта необходимость вытекала из самого характера антидиктаторской борьбы, которая одновременно являлась и борьбой за демократию в самом широком смысле, за подлинные общие интересы нации.

Левые силы — КПГ, ПАМ, КНЕ, ЭСАК и др., представлявшие интересы трудящихся, то есть силы, стоявшие во главе борьбы за свободу и демократию, с первых дней установления диктатуры по решению своих руководящих органов выступили с заявлениями, воззваниями и обращениями, с призывами ко всем политическим партиям и организациям к сотрудничеству в общей борьбе против фашистской тирании. Ставя общие национальные интересы выше непосредственных классовых и партийных интересов, они неоднократно предлагали другим антидиктаторским силам сплотить столь необходимый для страны единый антифашистский, демократический фронт на основе программы минимум, приемлемой для всех, и на принципах равенства, взаимного доверия и диалога.

В предложенной позднее Коммунистической партией Греции программе минимум, которая была утверждена ее IX съездом, содержались положения об общей борьбе за свержение диктатуры, о формировании Временного правительства из представителей партий и организаций, выступавших против неофашистского режима, которое бы объявило всеобщую амнистию, не распространяющуюся только на заправил диктатуры, отменило все «правотворчество» хунты вместе с дохунтовскими фашистскими законами 375 и 509, обеспечило свободную деятельность всех партий и защитило суверенитет народа от посягательств извне, провело в установленный срок выборы Конституционной ассамблеи, обеспечившей свободное волеизъявление народа.

Коммунистическая партия Греции никогда не скрывала своих конечных целей. Она также учитывала, что конечные цели других партий и организаций, отличавшихся от нее своим возникновением и социальным сос-

тавом, противоположны ее целям. Но, как неоднократно подчеркивалось компартией, это не должно было являться препятствием к сплочению всех политических сил в борьбе за свержение фашистской диктатуры, с тем чтобы открылся путь для свободной и равной политической борьбы. Как указывалось в решениях IX съезда, КПГ считала, что, несмотря на различный подход к вопросу о будущей политической структуре, все силы могут и должны объединиться в Общенациональный антидиктаторский фронт борьбы за политические свободы и политические права, за свержение хунты⁶.

Левые силы, исходя именно из этих принципов, постоянно подчеркивали, что различия в оценке внешних факторов — роли американского империализма и НАТО — не должны стать препятствием для всеобщей борьбы против диктатуры и восстановления национальной независимости и демократии. Сама жизнь не раз показывала и вновь покажет, кто является подлинным и бескорыстным борцом за интересы Греции и ее народа, а кто — ликвидатором ее свободы и независимости.

Эти силы также не связывали принятие их предложения о единстве с обязательным общим согласием по ряду внутренних проблем, таких, например, как отношение к монархии и т. п., по которым существовали различные мнения.

В широких народных массах была хорошо известна антинародная и антидемократическая роль, которую играл институт монархии. Королевский двор своей антидемократической политикой и маневрированием в июле 1965 года активно способствовал созданию политического климата, благоприятного для организации военно-фашистского переворота. Никто также не забыл, что король совместно с генералами готовил свой переворот на случай, если бы на выборах 1967 года победу одержали демократические силы. Нельзя также стереть из памяти то, как он отнесся к хунтовским заговорщикам, с которыми некоторое время даже сотрудничал. Правда, он сделал определенный позитивный шаг, предприняв попытку контрпереворота. Но значение этого шага уменьшается в силу того факта, что попытка совершалась в отрыве от народа и имела целью установление собственной диктатуры и подавление или недопущение развития народного движения. К тому же — и это очень важно — находясь за рубежом, он никак не способствовал развитию антидиктаторского движения.

Все это убеждает в верности четкой антимонархической позиции прогрессивных сил, полностью противоположной неясным двусмысленным взглядам некоторых ревизионистов, утверждавших, что в период хунты мы не должны быть ни «за», ни «против» короля⁷. С другой стороны, эти же факты не оправдывают и возникновение точки зрения, по которой в период хунты обязательно встает вопрос о монархии. Как подчеркивали последовательно левые силы, вопрос о монархии на этой стадии борьбы не должен рассматриваться как первостепенный, а должен быть передан на решение народа после свержения диктатуры и проведения свободных выборов. Это, однако, не означает, что ради достижения широкого антидиктаторского единства уже заранее должен быть поставлен вопрос о свободном возвращении короля. Нет никаких оснований говорить и о том, что восстановление демократии обязательно связано с королем и его двором, поскольку в этом случае было бы зачеркнуто неблагоприятное прошлое монархии, преданы забвению ее связи с империализмом, была бы забыта социальная и политическая роль и в известной мере предопределено волеизъявление народа — единственного, кто обладает высшим правом и компетенцией решить вопрос о форме государственного устройства.

Сравнительно близкими к позиции последовательно левых сил по вопросу об антидиктаторском единстве были позиции демократических, антидиктаторских сил — ПАК, ДА (Демократическая оборона) и др., выражавших интересы мелкобуржуазных слоев и части средней буржуазии. Всегрешеское освободительное движение (ПАК) в проекте своей программы, распространенном в августе 1972 года, подчеркивало, например, что единство является главным условием достижения успеха антидиктаторской борьбы⁸, и предложило свой план антидиктаторского сотрудничества.

Отвергая патриотическую позицию в поддержку антидиктаторского единства, политические партии монополий и крупной буржуазии препятствовали широкому, антидиктаторскому сотрудничеству в верхах и, насколько они были в состоянии, также и в низах. По заявлениям руководящих деятелей партий ЭРЭ и Союз центра, антидиктаторское единство должно ограничиваться в верхах, консервативными политическими силами; 170 бывших депутатов ЭРЭ и Союза центра во главе с П. Канеллопулосом и Г. Мавросом в совместном заяв-

лении изложили намерение взять на себя руководство «демократической нормализацией» страны при участии некоторых лиц, проявивших себя в борьбе против диктатуры, но исключив при этом представителей наиболее последовательных антидиктаторских левых сил. Аналогичными целями руководствовались те, кто заранее продвигал на роль будущего руководителя страны известных правых буржуазных деятелей.

Эта позиция представителей олигархии никого не удивила. Она ясно показала, что политические круги крупной буржуазии почти ничего не усвоили из уроков прошлого и что в период хунты вслед за ней они оставались выразителями интересов местных и иностранных монополий, верными слугами своего класса, который их выдвинул и продолжает поддерживать.

Класс крупной буржуазии Греции, как известно, был и остается тесно связанным с иностранными монополиями, глубоко антинациональным и реакционным. Политика сил, которые они представляют, как в прошлом, так и в течение семилетнего периода правления хунты преследовала те же главные цели — обслуживать интересы только своего класса, укреплять связи местного и иностранного капитала и держать в узде народные массы. Эту роль, которую ранее традиционно играли буржуазные партии, во время диктатуры взяла на себя хунта, считавшаяся наиболее подходящей для исполнения в определенный период обязанностей жандарма, стоящего на страже интересов монополистической олигархии. Однако монополии и иностранные империалисты в Греции, как и в других странах, не связывали все свои надежды только с неофашистской хунтой, поэтому они не рвали связи с буржуазно-демократическими партиями, используя их как главный резерв в случае, если будут полностью исчерпаны все возможности диктатуры. С другой стороны, сами эти партии, несмотря на потрясения, пережитые после фашистского переворота, не повернулись спиной к монополиям и империализму, не отказывались от роли служителя их интересам. Совсем наоборот. Как признала американская «Нью-Йорк таймс», господствующие круги Греции, содрогаясь от одной только мысли о возможности перехода нового движения Сопротивления, как и предыдущего, целиком в руки левых сил, пытались создать такое сотрудничество, которое не угрожало бы их будущему, и, главное,

исключало из него самую энергичную антидиктаторскую силу — коммунистов⁹.

В связи с переворотом хунты партии ЭРЕ и Союз центра пережили серьезные внутренние потрясения. Наиболее консервативная часть этих партий, тесно связанная с монополистической олигархией и иностранными монополиями, несмотря на то что занимала антихунтовские позиции, придерживалась обанкротившихся принципов антикоммунизма, и главным ее стремлением было, воспрепятствовав широкому антидиктаторскому единству, сменить хунту у власти, чтобы продолжить политику служения интересам местных и иностранных монополий, но иными, более современными методами.

Таким образом, главная ответственность за то, что не было достигнуто единство широких антидиктаторских сил, которое ускорило бы конец тирании, и на этот раз несут буржуазные политические силы, и прежде всего некоторые из руководителей старых буржуазных политических партий. Препятствовали созданию антидиктаторского единства в верхах и ошибочные взгляды представителей буржуазии на причины установления диктатуры хунты, на методы ее свержения, а главное, абсолютно противоположный подход к той политической структуре, которая должна быть создана после свержения хунтовской тирании.

Истинные противники фашистского режима в Греции впоследствии отмечали, что успех военного переворота 21 апреля 1967 г. не может приписываться только хорошей подготовке и организации его небольшой группой офицеров-заговорщиков и помощи иностранного империализма. Они признали, что фашистская диктатура была не «творчеством одной ночи», а результатом обострения внутренних социальных противоречий. Даже консервативные политические деятели были вынуждены признать, что важнейшей причиной установления диктатуры была внутренняя коррозия политической структуры, которая позволила выжидавшим удобного момента врагам демократии ликвидировать ее¹⁰. Но правильно отмечая некоторые из основных причин, подготовивших почву для того, чтобы танки хунты появились на улицах Афин, эти антидиктаторские силы не сделали ясного вывода об ответственности господствующих классов за коррозию политической структуры страны. Это произошло потому, что многие из антихунтовских деятелей, сами представители олигархии, усердно трудились над

тем, чтобы подорвать буржуазную демократию и подготовить открытую тиранию.

Представители олигархии и других консервативных слоев не шли на объединение с последовательными антидиктаторскими силами еще и потому, что хотели свержения не диктатуры в результате борьбы народа, а лишь самих покровителей хунты — иностранных монополий, НАТО и других империалистических сил. К. Караманлис, подготавливая с момента прихода к власти хунты свой план ее свержения, заявил в Париже в 1969 году, что он видит два способа его осуществления: «добровольный уход военного правительства или его падение». Вторым способом решения, однако, сказал он, «мог бы привести нацию к новым перипетиям», иными словами, на авансцену выдвинулись бы народные массы. Таким образом, Караманлис стремился и в итоге при содействии определенных политических сил стал во главе осуществления первого варианта плана свержения хунты.

С другой стороны, все антидиктаторские силы, даже самые консервативные, так или иначе, хотя бы на словах, признавали, что страна не могла вернуться к положению, существовавшему до диктатуры, что в общественной и политической жизни государства должны подуть свежие ветры. Характерным в этом отношении является заявление Мавроса в период диктатуры: «Если народ испытывал полное отвращение к перевороту апреля 1967 года, то он не тосковал по режиму, который был тогда свергнут»¹¹.

ХАРАКТЕР И СОДЕРЖАНИЕ АНТИДИКТАТОРСКОЙ БОРЬБЫ

Является абсолютно бесспорным фактом, что греческий народ не только «не тосковал по режиму», который был свергнут хунтой, но стремился после свержения диктатуры создать новое общество, которое не допустило бы возврата к прежнему больному общественному и государственному устройству. Но как понимали различные политические группировки эти изменения? Что именно хотел создать народ?

Большинство представителей старого политического мира, если судить по декларации 170 бывших депутатов ЭРЭ и Союза центра и по заявлению 19 бывших

министров, содействовавших королевской акции 1965 года, хотели бы после свержения хунтовской камарильи создать политическую структуру, которая была бы почти такой же, как и до диктатуры. В соглашении, заключенном П. Канеллопулосом и Г. Мавросом, речь шла о весьма неопределенном сотрудничестве против диктатуры без какой-либо опоры на народные массы, а вопрос о будущем устройстве страны вообще был опущен. Другие деятели сопротивления (Пезмазоглу, Мангакис и др.) абстрактно говорили о сопротивлении, неопределенно заявляли о «твердой» вере в демократию, но не сказали, какого типа демократию они имели в виду, каких пределов достигли бы социальные изменения этой демократии.

Неприятие неофашистского режима представителями класса буржуазии не означало их неприятие монополий и империализма, а выражало только различный подход к формам власти. Различия между группировками традиционных буржуазных партий в период хунты были невелики. Одни хотели сразу же после свержения диктатуры поднять вопрос о короле, другие были за ликвидацию королевской формы правления. Некоторые стремились вернуться к конституции 1952 года, которую упразднила хунта. Бывшие руководители партии ЭРЭ сформулировали позднее позицию, сводящуюся к следующему: правительство после хунты должно прочно опираться на пересмотренную с правых позиций конституцию 1952 года, чтобы приобрести «дополнительную власть» и «держать в узде бесконтрольные силы» (так называли в то время народные демократические слои населения и их организации). Согласно последовавшим затем заявлениям лидеров этой партии, должно быть сформировано «сильное правительство», обладающее в течение определенного периода «чрезвычайными полномочиями», которое создало бы условия для «нормальной деятельности демократии»¹².

Та часть буржуазных политических деятелей, которая лучше была знакома с серьезными процессами, происходящими в народных массах и среди бывших сторонников буржуазных партий, стремилась сохранить господство монополий и олигархии при помощи более радикальных методов. Другая группа не отказывалась от маневрирования, но, по меткому выражению одного западного журналиста, хотела подготовить после хунты ситуацию типа «железной руки в лайковой перчатке».

Несмотря на эти незначительные различия, почти весь прежний буржуазный мир Греции, за очень редким исключением, был согласен в главном: характере борьбы против диктатуры и будущей политической структуры, которая должна была прийти на смену хунте.

Являясь представителями монополистической олигархии или консервативных социальных слоев, эти политические деятели понимали антидиктаторскую борьбу как простую попытку свержения хунты сверху, без народа, при восстановлении или некотором расширении существовавшей прежде демократии. Эксплуатируя глубокую ненависть народа к фашистской диктатуре, преувеличивая бесспорное преимущество буржуазной демократии по сравнению с фашистской тиранией и обещая вернуть страну к прежней политической структуре с изменениями, диктуемыми общим международным климатом разрядки и мирного сотрудничества, они стремились обеспечить обслуживание интересов монополий при помощи простого изменения государственной формы их господства. Поэтому-то и не шла речь об ответственности местных и иностранных монополий и империалистических кругов за подготовку и поддержку неофашистского режима и тем более не затрагивался вопрос об ограничении их привилегий или признании прав трудящихся — этих подлинных творцов национального богатства — на участие в политической и экономической жизни страны. Совсем наоборот, всеми средствами эти политические деятели стремились показать монополиям, что именно они являлись лучшими защитниками их интересов, и убедить иностранные империалистические круги, что и в дальнейшем они будут верными союзниками или лучшими их подручными, что не осмелятся иметь даже намерение колебать или ставить под сомнение невыгодный и наносящий ущерб стране союз с Западом или следовать независимой и нейтральной внешней политике.

Некоторые руководители старых партий немало говорили о банкротстве прежних политических форм и методов деятельности, но, по существу, их линия сводилась к продолжению и после хунты той же антидемократической политики, только более современными способами. Об этом свидетельствовали их попытки поддержать переходное правительство и дохунтовский парламентарный режим, опрокинутый самой жизнью, а еще нагляднее говорят их усилия игнорировать или искусственно изолировать и устранить с политической арены левые

силы, прежде всего Коммунистическую партию Греции, выражающую интересы широких народных масс, на долю которых выпала главная тяжесть антидиктаторской борьбы и которые понесли больше всего жертв.

На словах все обещали после свержения режима хунты уважать народный суверенитет и признавать права трудящихся, но одновременно лидеры буржуазных партий выступали за образование «сильных» правительств с «чрезвычайными полномочиями», которые надели бы узду на «избыточную демократию» и «чрезмерные требования граждан», которые, иными словами, лишали бы народный суверенитет весьма существенных его элементов.

В период хунты многие говорили также о «восстановлении демократии», о признании недействительным законодательства диктатуры, но никто не сказал ни слова об отмене дохунтовских фашистских и антидемократических законов 375 и 509, которые способствовали подготовке фашистского переворота и стали, по сути, главной законодательной основой для преследования патриотов в течение мрачного семилетия диктатуры хунты.

Некоторые, правда, из тех, кто говорил об отмене только части законодательных актов хунты, не скрывали своих намерений сохранить в силе главную часть фашистской законодательной системы, сконструированной хунтой, которая позволяла ей продолжать старую антидемократическую политику ликвидации или ограничения прав народа, деления населения на «национально-мыслящих» и «левых», на «свободных» и «париев», на «патриотов» и граждан второго сорта.

Все это свидетельствовало о том, что в понятие «послехунтовская демократия» представители основных политических сил олигархии, боявшиеся народных масс и в большой степени зараженные духом антикоммунизма, вкладывали, прежний смысл, допуская только некоторые незначительные изменения чисто внешнего порядка.

Антидиктаторские организации (ПАК, Демократическая оборона), образованные деятелями старых буржуазных партий, пошли дальше в своих концепциях, пытаясь определить более конкретно содержание антидиктаторской борьбы и народного суверенитета и указать хотя бы некоторые из основных гарантий, которые требуются для их осуществления.

Эти организации не исключали народ из числа уча-

стников активного сопротивления и порой содействовали совместным выступлениям антидиктаторских сил, приведению в движение народных масс за свержение диктатуры и восстановление демократии. В известной степени они указывали на ответственность старого политического миропорядка за грубое нарушение народного суверенитета в прошлом и заявляли, что дохунтовские конституции не давали никакой возможности для поступательного движения к демократии, так как превратились в орудия, обеспечивавшие интересы монополий и Пентагона, что необходимо создать предпосылки для восстановления подлинной демократии, где государство не нарушает прав народа, который может сам участвовать в принятии касающихся его решений¹³.

Обвиняя американский империализм и НАТО в том, что они ответственны за установление фашистской диктатуры, ПАК проявило смелость в формулировании своей позиции и заявило, что Греция после свержения хунты должна освободиться от уз США и выйти из Атлантического блока¹⁴.

Позиции различных ревизионистских группировок по вопросам антидиктаторской борьбы и характера демократии, которая придет на смену хунте, были полны противоречий и неясностей и, главное, содержали неприемлемые для революционеров компромиссы. Так, «внутреннее бюро» в своей декларации 1971 года наряду с исключаящими друг друга формулировками пришло к выводу о том, что борьба против диктатуры не отождествляется «с осуществлением антиимпериалистической революции»¹⁵.

Таким образом, полностью отделяя борьбу против диктатуры от борьбы против империализма, изолируя борьбу за свержение диктатуры от борьбы против сил, на которые она опирается и благодаря которым существует — империализм и местную олигархию, эта ревизионистская группа четко не определяет содержание демократии, приходящей на смену диктатуре, и тем самым открывает путь к разного рода компромиссам и отступлениям от основных принципов, с которыми связано осуществление подлинно народного суверенитета. Эта группа считала, что режим, который должен прийти на смену диктатуре, будет восстановлением «демократического порядка» на основе конституции 1952 года, признавала «верховным властителем короля Константина», поскольку он «не признал законность диктатуры»¹⁶. Стра-

тегией этой группы предусматривалось, что в послехунтовских «свободных выборах могла бы участвовать также и партия хунты»¹⁷.

Различные левацкие группировки маоистского и троцкистского типа произвольно, без конкретного анализа обстановки утверждали, что в рамках борьбы против диктатуры якобы могла вестись борьба за немедленную победу социализма¹⁸. Такая позиция не только сужала характер антидиктаторской борьбы, но являлась экстремистской, сектантской ошибкой, осужденной пятьдесят лет назад В. И. Лениным, поскольку она исключала промежуточную парламентскую стадию борьбы как неревolutionную.

В отличие от указанных выше узоклассовых антинациональных оппортунистических позиций, программа действий за свержение диктатуры и народный суверенитет, предложенная последовательными прогрессивными силами, давала наиболее цельный и научно обоснованный ответ на вопрос о развитии страны после хунты.

Непоколебимо веря в то, что только ликвидация капиталистического строя и строительство социализма откроют путь к прогрессу страны, эти силы открыто заявили, что их конечной целью является создание социалистического общества. Для осуществления этой цели в Греции уже созрели объективные предпосылки. Но этого недостаточно. Для торжества в Греции социализма, который на практике, в ряде стран, показал свое превосходство над капитализмом и стал идеалом для миллионов людей во всем мире, необходимы и субъективные предпосылки — сплочение сил, которые осуществят этот идеал, более широкая организация и обеспечение единства рабочего класса и его союзников, опытная революционная партия и соответствующая подготовка масс. Самым насущным в то время являлись национальные проблемы и вопросы демократии, решение которых открывало путь для дальнейших социальных изменений. Без решения этих проблем, без обеспечения независимости от империализма и произвола монополий не могло быть речи о практических демократических изменениях в стране и тем более о социалистических преобразованиях. Осуществление социалистической революции, как первоочередной задачи, не только не соответствовало сложившейся в то время обстановке и прежде всего и главным образом субъективным предпосылкам, которые требуются для ее осуществления, но и препятствовало

сплочению более широких народных масс, заинтересованных в решении проблем демократического характера, но не готовых принять коренных социальных изменений, отбрасывало назад решение непосредственной задачи освобождения страны от остатков фашистской диктатуры, лишало рабочий класс естественных союзников в борьбе за дальнейшие социальные преобразования и в итоге делало более трудным достижение победы социализма.

Необходимой предпосылкой для дальнейшего социального прогресса являлось освобождение страны от фашистского ига. И здесь должно было концентрироваться внимание всех антидиктаторских сил. Поэтому и борьба против диктатуры, борьба за свержение тирании хунты в тот период являлась главной.

Но свержение фашистской диктатуры, рушившейся под тяжестью своих преступлений и под напором народного движения, ни при каких обстоятельствах не могло рассматриваться в качестве конечной цели. Греческий народ принес в жертву своих лучших сыновей не только для изгнания хунтовской мафии, но и для того, чтобы устранить причины, вызвавшие ее, и выкорчевать силы, приведшие к власти и в течение семи лет питавшие ее, чтобы страна не вернулась не только к прежней, дохунтовской демократии, вскормившей диктатуру, но и к подновленному и чуть осовремененному варианту демократии, содержащему опасность возврата фашистского или полуфашистского режима.

Иными словами, борьба против фашистской диктатуры неизбежно сочеталась с борьбой против разгула монополий и с освобождением родины от империалистического угнетения, с борьбой за практическое утверждение народного суверенитета. Таким образом, антидиктаторская борьба не могла не иметь прежде всего демократического и одновременно антимонополистического, антиимпериалистического характера, то есть предусматривать свержение хунты и направляться против сил, которые привели и держали у власти фашистскую диктатуру, добиваться осуществления всех предпосылок, которые позволили бы народу без всякой дискриминации свободно пользоваться своими суверенными правами и создавать подлинно демократический строй, который не должен даже отдаленно походить на тот, который существовал накануне 21 апреля.

Буржуазная демократия, пусть и ограниченная, безусловно, лучше фашистской диктатуры. Поэтому прогрес-

сивные, левые силы в борьбе против фашизма ее поддерживали и поддерживают. Однако возвращение к буржуазной демократии или к модернизированному ее типу означает, что корни зла оказались бы нетронутыми, что монополии и иностранный империализм продолжают безудержно господствовать в экономической, политической и общественной жизни страны, что, несмотря на кровь, пролитую на улицах Афин, и жертвы тысяч патриотов, воскресает дохунтовский антидемократический режим дискриминаций и преследований. Так сама объективная действительность вызвала необходимость режима, полностью отличного от предшествующих, который исключит возвращение фашизма и обеспечит гарантии народному суверенитету.

Режим, который должен быть установлен после свержения зависимого от США военно-фашистского режима хунты, должен быть не чем иным, как режимом подлинного суверенитета народа, режимом подлинной демократии народа. Этот режим должен включить в свою программу, как заявили прогрессивные силы страны, следующие положения:

- чистку государственного аппарата от фашистских элементов и лакеев иностранных монополий;

- демократизацию всех сфер жизни страны и обеспечение подлинной демократии;

- принятие необходимых мер к упрочению национальной независимости, проведение политики мира и сотрудничества со всеми странами;

- ограничение деятельности монополий и обеспечение свободного экономического развития страны;

- повышение жизненного уровня народа и справедливое для трудящихся распределение национального дохода.

Из сказанного выше становится ясным, что антидиктаторская, антифашистская борьба только тогда может носить полный, законченный характер, когда она ставит своей целью обуздание местных и иностранных монополий, ликвидацию зависимости от империализма и создание такой обстановки, которая обеспечит суверенитет народа и экономическое развитие страны.

Еще в период диктатуры кое у кого возникали вопросы и сомнения, может ли быть реальной столь широкая программа, можно ли обуздать могущественные монополии и всесильный иностранный империализм, кото-

рый держит в полном подчинении страну, существуют ли возможности для обеспечения подлинного суверенитета народа и для глубоких демократических антимонополистических и социальных преобразований.

Во-первых, возможность осуществления подобной программы прежде и теперь тесно связана главным образом с объективной действительностью, которая диктует необходимость выработки самой программы. Обострение до пределов противоречий между широкими народными массами и монополистической олигархией, которая породила и привела к власти хунту, между народом и иностранным империализмом, грабившим и продолжающим грабить национальное богатство страны,— все это создает базу для развертывания демократической, антимонополистической и антиимпериалистической борьбы. Во-вторых, реальной программу коренных преобразований делает заинтересованность в ней широких народных масс. В-третьих, была и существует возможность ограничения привилегий монополий и иностранного империализма, потому что с победой демократических сил власть переходит в руки народа во главе с рабочим классом.

В конечном счете победоносная антидиктаторская борьба и осуществление программы подлинной демократизации были связаны со сплочением демократических сил в единый фронт против местных и иностранных монополий, против американского господства и международного империализма, который отчаянно стремится захватить в Греции позиции обанкротившегося американского империализма.

Победа подлинной демократии была и является делом организованной, настойчивой борьбы народных сил во главе с рабочим классом против монополий и той части класса буржуазии, которая связана с международным империализмом. Она является результатом сплочения этих сил в единый фронт, в содружество против остатков неофашизма, против монополий и господства американцев.

Принимая все это во внимание, наиболее последовательные демократические силы развернули настойчивую и терпеливую политическую и идеологическую работу за устранение всех препятствий на пути к цели, за решение всех проблем трудящихся и молодежи, выковывали единство антидиктаторских сил внизу и готовили почву для единства в верхах, а главное, прокладывали путь для

свержения неофашистской хунты и установления подлинно демократического режима.

Плодом всех этих усилий явилось продвижение идеи антидиктаторского единства в народные массы. Если горячее стремление народных масс к демократическому единству не смогло стать реальностью в верхах в силу классовых позиций представителей буржуазии, то во многих профсоюзных и студенческих организациях образовались руководящие органы Объединенного фронта, общие комитеты борьбы в учреждениях и предприятиях, которые к концу 1973 года способствовали решительному подъему движения Сопротивления до самого высокого и боевого уровня.

В усилении антидиктаторской борьбы внутри страны значительную роль сыграло движение международной солидарности, развернувшееся во всем мире, но главным образом в странах социализма, которые первыми возвысили свой голос осуждения преступных деяний хунты в международных организациях, в том числе в ООН, проявляли солидарность и оказывали моральную и материальную поддержку подвергшимся преследованиям греческим патриотам и тем самым росту сопротивления диктатуре внутри Греции и за ее пределами.

Народное антидиктаторское движение против неофашистской хунты явилось продолжением славных традиций Сопротивления и создало новые импульсы для дальнейшего развития борьбы народа за национальную независимость и свободу, демократию и социализм.

* * *

С расширением и подъемом антидиктаторского движения кризис режима хунты стал еще более глубоким. Спустя немного времени после фашистского переворота изолированная от народа неофашистская хунта раскололась на соперничавшие группировки. Один за другим устранились инициаторы и организаторы переворота, шквал захватил и самого близкого соратника Пападопулоса полковника Макарезоса, а, в конце концов, сбросил и самого диктатора, чтобы вынести на поверхность неизвестного генерала Гизикиса и «динамичного» Иоаннидиса, руководившего из-за кулис новой волной террора и насилий против народа.

Основными проблемами, вокруг которых разгорелась борьба внутри неофашистской хунты, были широта ам-

нистии, которую, уступая давлению греческой и международной общественности, вынужден был предоставить режим, вопрос о власти короля, чрезмерные полномочия, которые сконцентрировал в своих руках Пападопулос, и псевдополитические маневры, вызвавшие беспокойство «жесткого» крыла хунты, Пентагона и ЦРУ. Однако за всеми этими проблемами, делившими хунту на «жестких» и более «консервативных», на «радикальных» и «несгибаемых», скрывалась глубокая и серьезная причина — железное кольцо народной изоляции, охватившее хунту и продолжавшее сжиматься в результате грозной антидиктаторской борьбы.

Народное сопротивление и борьба против диктатуры явились также еще одной причиной обострения противоречий между королем и хунтой, вызвавшей попытку контрпереворота в декабре 1967 года и повлекшей за собой провал дальнейших усилий к примирению, удаление из армии, полиции и жандармерии всех офицеров, принявших участие в контрперевороте или благоволивших к нему, всех, симпатизировавших королю.

Всеобщая враждебность к диктатуре и поступательное развитие антидиктаторского движения породили рост антиамериканских настроений среди самых широких слоев греческого народа, вызвали серьезные трения внутри руководящих кругов США в вопросе об американской политике в Греции. Так, «Нью-Йорк таймс» вынуждена была признать после ноябрьских событий 1973 года, что антиамериканские настроения за годы диктатуры усилились не только среди трудящихся и молодежи, но и среди более консервативных кругов предпринимателей, торговцев, интеллигенции. Сенатор Хартке стал бить в набат в комиссии по иностранным делам конгресса, предупреждая, что дальнейший рост антиамериканских настроений был бы «самым горьким и опасным плодом американской политики в Греции».

Позиции хунтовского режима становились все более непрочными также в силу того, что само его существование и проводимая политика стали постоянным поводом острых столкновений в НАТО и в других международных объединениях (Европейский совет, «Общий рынок» и др.), выражающих интересы западного капиталистического мира. Все чаще вопрос о Греции и связи НАТО с хунтой становился объектом острой критики со стороны стран — членов блока. Тем самым этот агрессивный блок, обнаруживший немало трещин, столкнулся с новыми

трудностями и трениями. Конечно, как правило, эти трения «урегулировались» вмешательством самого сильного компаньона и вследствие общей антикоммунистической и антидемократической направленности Атлантического блока, но причина раздора сохранялась, и ничто не исключало его дальнейшего усиления.

В конечном счете коренные противоречия капиталистического мира и обострившийся кризис империализма в сочетании с растущим внутренним сопротивлением усугубляли противоречия между местными монополистическими и зарубежными империалистическими кругами, непосредственно связанными с хунтой.

Этот факт нашел выражение в схватке монополий США с монополиями Великобритании и Федеративной Республики Германии за поставку атомного реактора Греции, в конкуренции американских, западногерманских и французских монополий за поставки хунте танков, самолетов и в целом в грызне местных и иностранных монополий за дележ добычи, доставшейся им в результате господства в стране неофашистской хунты.

Весь этот клубок противоречий не был разрешен контрпереворотом 25 ноября 1973 г., а был еще более запутан. Режиму не удалось выйти из глубокого кризиса. По общему признанию зарубежной прессы, новые авантюры и перетасовки в руководстве лишь создали в стране еще больший хаос.

Пришедшая к власти новая клика хунты ради удержания на поверхности гнилого корабля диктатуры 21 апреля, давшего большую течь, и не разобравшаяся даже, по выражению «Нью-Йорк таймс», в причинах всенародного выступления в ноябре 1973 года, усилила насилие, подавление и эксплуатацию трудящихся, прибегла к новым чисткам армии и государственного аппарата. Применением подобных средств противоречия еще больше обострялись, усилились раздоры и в самой хунте, рос антагонизм между различными ее группировками.

Каждая из этих группировок начала концентрировать свои силы, заигрывать со старыми политическими деятелями и законами капитала и готовить замену группировке Иоаннидис — Гизикис — Андруцопулос иным вариантом, который бы укреплял и сплавлял хунту и продолжал бы с иных позиций ее дело. К этому стремился Макарезос, заявляя о необходимости возвращения в страну К. Караманлиса и восстановления «нормализации». Следует заметить, что сам Макарезос в течение шести

лет постоянно твердил, что именно хунта привела страну к «нормализации». Об этом же свидетельствуют и меры Иоаннидиса против своих прежних соратников и разоблачение их некоторых скандальных, темных делишек. Это же подтверждают и новые массовые увольнения из армии высших офицеров, произведенные новым хунтовским триумвиратом.

В итоге в результате беззаветной борьбы греческого народа и изоляции хунтовского режима как внутри страны, так и в международном масштабе, режим, который, выставив за дверь Пападопулоса, пытался создать впечатление, что успешно вышел из кризиса, на самом деле вступил в его новый цикл. В попытках преодолеть этот цикл, отвлечь внимание масс от катастрофических итогов новой внутренней политики и услужить своим иностранным патронам, настойчиво стремившимся превратить Кипр в базу НАТО и США, диктаторы хунты прибегли к организации государственного переворота в Республике Кипр.

Решительное народное противодействие авантюре против Кипра, захватившее и вооруженные силы, вторжение турецких войск на Кипр и возмущение мировой общественности преступной акцией хунты завели военный режим в еще больший тупик. Иностранный империализм и его лакеи отчетливо увидели опасность народного взрыва, который вызревал и угрожал опрокинуть все их планы.

Высказывая беспокойство официальных американских кругов и Пентагона, «Вашингтон пост» писала накануне переворота на Кипре об угрозе «восстания народа и армии и опасности того, что это восстание приведет к власти враждебные силы, которые могут запретить Соединенным Штатам использовать свои военные и разведывательные объекты»¹⁹.

Американские и натовские империалистические круги, заинтересованные в том, чтобы приглушить возрасставшее народное негодование, предотвратить коренные демократические преобразования и сохранить на Кипре и в Восточном Средиземноморье в особенности свои стратегические позиции, приспособили, по признанию посла США в Афинах Г. Таска, свою политику к новым условиям: устранили хунтовскую камарилью Иоаннидиса и облегчили передачу власти гражданскому правительству во главе с Караманлисом.

Это изменение в политической жизни страны означало признание бесспорного банкротства хунты и ее американских приспешников. Одновременно это изменение являлось положительным шагом, поскольку открывало путь к демократической нормализации в стране. Но устранение хунтовской военной и полувоенной группировки и политизация правительства не решали автоматически серьезных экономических, политических и социальных проблем, терзавших страну. Напротив, эти проблемы еще более углубились и обострились и настоятельно требовали своего решения.

Семилетняя тирания неофашистской хунты, которую навязали стране и поддерживали местные и иностранные монополистические силы, которая стоила народу больших жертв и принесла ему тягчайшие испытания, многим открыла глаза и помогла более ясно и объективно понять насущные национальные, социальные и политические проблемы страны и, главное, преподнесла народу и его новому молодому поколению ряд уроков и предложила некоторые выводы, которые никто не может и не должен игнорировать.

УРОКИ И ВЫВОДЫ

Военный переворот 21 апреля 1967 г. и семилетняя тирания неонацистской хунты дают возможность сделать ряд важнейших выводов и извлечь уроки, которые никто не имеет права замалчивать или, что значительно хуже, предать забвению.

Кто не видит глубоких социальных и политических причин, вызвавших переворот, тот сознательно или неосознанно закрывает глаза на новую опасность, которая заключается в сохранении тех же социальных устоев, в тех же внутренних и внешних взаимосвязях правящего класса Греции.

Кто не видит или пытается наукообразными, но явно не внушающими доверия утверждениями маскировать темные силы — местные и иностранные, которые привели преступную хунту к власти и поддерживали ее, тот открывает зеленый свет этим силам для новых попыток старыми методами выйти из глубокого и затяжного кризиса, если они посчитают, что другого выхода у них нет. Кто изображает семилетний период господства хунты как неприятное, но случайное и преходящее явление, которое не может повториться, тот, по существу, дезориентирует народ, уводит его с пути активной борьбы за расширение демократии и обеспечение подлинного народного суверенитета. Попытки вытравить из памяти народа застенки Юры и Бубулины, кровавую расправу у Политехнического института и пытки ЭСА подобны оскорблению памяти мучеников Майданека и Аусшвица, Калавриты и Дистому и стрельбища Кесариани *, публичному, перед народом, оправданию фашистов и созданию у простых людей наивной веры, что никогда не могут вновь возникнуть на земле такие же лагеря ужасов и фабрики смерти.

* Места расправы над антифашистами в годы гитлеровской оккупации Греции.

Такого рода действия не просто ошибочны, они представляют собой сознательное или совершаемое по невежеству искажение той социально-политической обстановки, которая порождает фашизм, отрицание нынешней суровой действительности Чили и Гватемалы, попытки замолчать ежедневные преступления империализма и неофашизма в Италии и ФРГ, на Кипре и в Турции, в арабских и африканских странах, умышленные или неумышленные попытки скрыть подпольную или незаконную деятельность сил неофашизма в Греции, которые вновь организуются и поддерживаются господствующим классом как резерв на случай необходимости принятия новых «чрезвычайных решений».

Основные выводы краткого объективного анализа семилетней тирании неофашистской хунты касаются как характера режима 21 апреля, условий, его породивших, и сил, его поддерживавших, так и тех глубоких причин, которые и сегодня требуют детального изучения уроков того печального времени и призывают к усилению бдительности и активизации борьбы, способной преградить путь фашизму, в какой бы форме он ни появился.

Первый вывод. Режим хунты обладал всеми основными характерными чертами, присущими фашистской диктатуре. Это была диктатура самых реакционных милитаристских кругов, установленная в целях наилучшего обслуживания интересов господствующего класса Греции и иностранного империализма; диктатура, которая не была копией довоенного фашизма, а имела ярко выраженные черты неофашизма, созданного послевоенной европейской и греческой действительностью.

Греческий неофашизм до захвата власти не имел (это было не просто) своей массовой партии и признанного фюрера, но это не означало, что его цели и методы коренным образом отличались от целей и методов довоенного фашизма. Идеология хунты не была простым воспроизведением идеологии европейского фашизма времен войны, но представляла собой попытку совместить фашистские идеи и лозунги с реакционными идеологическими постулатами греческой олигархии и европейского неофашизма, перенесенными и приспособленными к современной греческой действительности. В новых условиях изменения соотношения сил в мире в пользу сил социализма неофашистская хунта уже не осмелилась выступать, хотя бы демагогически, в пользу некой искаженной модели социализма, как это сделали ее учителя, а взялась искоре-

нить любую тенденцию к прогрессу, добиться того, чтобы массы ненавидели подлинно научные социалистические идеи.

Как каждое неонацистское движение, так и режим хунты наряду с общими с довоенным фашизмом чертами (ликвидация буржуазной демократии, использование неограниченного насилия в целях разгрома рабочего и демократического движения, лишение трудящихся основных прав и предоставление особых льгот монополиям, безудержная демагогия и крайний необузданный антикоммунизм) обладал и своими особенностями. Если довоенный фашизм опирался главным образом на силы реакции, то греческий неонацизм в основном был порождением американского империализма и имел самые тесные связи с международными милитаристскими кругами и иностранными секретными службами. Чем ограниченнее оказывалась его массовая база, тем теснее становились его узы с этими кругами. Если довоенный фашизм опирался на наиболее отсталые мелкобуржуазные массы, которые он привлекал на свою сторону при помощи демагогии, то главной опорой неонацистской хунты были бывшие соратники фашистских оккупантов, наиболее фанатичные элементы греческой военщины, органы иностранных и местных секретных служб.

Второй вывод. Режимы, подобные режиму хунты, не возникают из ничего и неожиданно, не являясь результатом активности отдельных энергичных заговорщиков, а имеют глубокие социальные, экономические, политические и идеологические корни.

Как и прошлые диктатуры, хунтовская тирания явилась результатом глубокого кризиса устоев в стране и крупных поражений, которые потерпел империализм в столкновении с силами прогресса и социализма в мировом масштабе.

Переворот 21 апреля 1967 г. и семилетняя диктатура хунты были плодом специфического развития государственно-монополистического капитала в Греции и обострения его кризиса. Причины этого кризиса необходимо искать как в самой капиталистической системе в целом, так и в ее греческой специфике, главной из которых была и остается тесная, органическая ее связь с иностранным капиталом.

Кризис устоев в стране начал проявляться очень рано, с момента иностранного империалистического вмешательства и поражения демократических сил. Кризис этот

проявлялся в различных формах как в экономической, социально-политической сферах и в государственном аппарате, так и в идеологии. Выражением этого кризиса была и реакционная, антинародная политика консервативных политических сил, политика прислужничества и подчинения, коррупции и политической безнравственности.

Зависимый политический режим, сохранивший в послевоенный период прежние фашистские законы и создавший подобные им новые, превращение страны в укрепленный военный лагерь, поощрение насилия со стороны нелегальных террористических групп, политические убийства, антидемократическая избирательная система, фальсификация выборов, подкупы, катастрофическое падение авторитета парламента, многократные скандалы в политических и экономических кругах и общее морально-политическое загнивание, прикрываемое ярым антикоммунизмом, направляемым по официальным и неофициальным каналам,— все это подготовляло соответствующий климат и удобный плацдарм для организаторов неофашистского переворота.

Это стало возможным и в силу того, что демократические организации не смогли перед угрозой неофашизма объединить, сплотить и привести в боевой порядок силы сопротивления. Несмотря на настойчивые, неослабевавшие попытки последовательных антифашистских сил создать антифашистский демократический фронт, буржуазные политические партии, руководствуясь узкоклассовыми интересами и своекорыстными, мелкими политическими расчетами, отвергли их предложения о единстве в общей борьбе. В результате народ оказался неподготовленным политически, идеологически, организационно и психологически к тому, чтобы противостоять наступлению неофашистской хунты.

Третий вывод. Семилетнее правление неофашистской хунты не прошло безболезненно, бесследно для страны. Бедствия и ущерб, которые причинила хунта, продолжают не только сказываться на нынешнем развитии страны, но и углубляют кризис существующей системы.

С одной стороны, неофашистский режим поднял трудящийся народ и его доблестную молодежь на справедливую национальную и антифашистскую борьбу, усилил до невиданных для Греции размеров антиамериканские и антинацистские настроения, с другой — он развратил значительную часть активных сторонников консер-

вативных устоев, создал новую дополнительную экономическую и правовую основу подавления и эксплуатации народных масс, и сегодня продолжающую оказывать свое влияние. Если для большинства греков стало очевидным банкротство идеологии господствующего класса и антикоммунизма, то для некоторой части усиление национализма, милитаризма и антисоветизма не прошло бесследно. Поэтому потребуются настойчивые и систематические усилия, чтобы полностью выкорчевать элементы этой идеологии из сознания граждан.

Следующий важный вывод, который непосредственно связан с предыдущим. Нельзя допускать какой-либо самоуспокоенности, и наряду с повышением бдительности необходимо отбивать все попытки притупить боевой дух народа. Представление о том, что неофашизм «в сегодняшнем мире не имеет никакого будущего и как сила зла и несчастий со временем постепенно полностью исчезнет»¹, и другие подобного рода взгляды, которые и после хунты культивируются разными социологами и политологами, являются ненаучными и опасными. Хотя неофашизм и не имеет будущего, но как угроза для народов он не исчезает автоматически и сам по себе полностью не искореняется, пока продолжают существовать причины, его порождающие. В нашу эпоху безусловно возрастает и расширяется тенденция народа к демократии, но одновременно усиливается тенденция империализма к реакции, к ограничению и, порой, к подавлению демократии. В итоге общественно-политическое развитие будет определяться не «дисциплинированной свободой» трудящихся или доброй волей господствующих кругов, а внутренним и мировым соотношением общественных и политических сил. В конечном счете, как показывает опыт мировой истории прошлого и современности, без роста сознательности и организованности народных масс, без сплоченных действий в защиту своих прав и свобод не укрепляется и не расширяется демократия, а опасность неофашизма самопроизвольно не исчезает.

В условиях Греции особенно важно постоянно давать твердый отпор любым попыткам притупления политической бдительности в силу следующих дополнительных причин:

а) Империализм, несмотря на особенности своего развития на современном этапе, остается агрессивным, непримиримым врагом демократии. Правящие круги империалистических держав имеют специальные связи с Гре-

цией, особенно с ее правящими кругами. Вывод о том, что главную роль в насаждении и сохранении диктатуры неофашистской хунты сыграл американский империализм, не ставится под сомнение сегодня ни одним объективным исследователем. Однако с течением времени предпринимаются попытки преуменьшить и замаскировать эту роль. Появляющиеся новые данные подтверждают вину и преступную роль американского империализма в бедствиях Греции и Кипра. В то же время активность официальных представителей «атлантических союзников» после устранения диктатуры свидетельствует о том, что тень американского империализма и его западноевропейских сателлитов вновь угрожающе нависла над нашей страной.

Продолжающиеся интриги американского империализма и НАТО в Средиземном море и на Ближнем Востоке, усиление вооруженных сил Турции, попытки восстановить членство Греции в НАТО в полном объеме, которое увязывается с обещаниями принять ее в Европейское экономическое сообщество, разнообразные формы давления на Грецию в целях сохранения американских военных баз на ее территории и решение кипрской проблемы в интересах американо-натовских кругов подтверждают вывод о том, что и сегодня национальная независимость Греции подвергается опасности со стороны агрессивного американского империализма и НАТО.

Выражая настроения американских империалистических кругов, представитель США в ООН Д. Мунихан в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 28 января 1976 г., писал: «США накажут страны, которые противятся их политике, и применяют репрессии к тем, кто занимает антиамериканские позиции».

Что означало это предупреждение по отношению к Греции, раскрывает орган американских монополистических кругов газета «Уолл-стрит джорнэл», которая признает, что «свобода расцвела в Греции так быстро и так широко, что вызывает определенную обеспокоенность». Автор заканчивает статью выводом, что «существует постоянная опасность, что крен влево спровоцирует новое подавление (греков) со стороны какого-либо иного „военного спасителя“»².

б) Правящий класс Греции и его политические представители, поддерживающие тесные связи с иностранными монополиями и американо-натовскими империалистическими кругами, руководствуясь своими узкоклассовыми

интересами и вопреки горькому и мучительному опыту семилетнего властвования хунты, продолжают торговать суверенитетом нашей страны.

Политика правящих кругов страны делает экономическую и политическую зависимость Греции от иностранных монополий и империалистических стран более сложной и многосторонней. Ими, по существу, не было выполнено данное в момент свержения хунты обещание о выходе из военной организации НАТО, наоборот, была открыто провозглашена приверженность политике атлантизма* и подготовлены условия для полного возвращения страны в агрессивный Атлантический блок в рамках «особых отношений». Те же круги не отменили кабальные соглашения с иностранными монополиями, подготовившие установление диктатуры, и подписали новые соглашения, предоставляющие дополнительные льготы империалистам и закрепляющие сохранение иностранных военных баз при осуществлении над ними будто бы «национального контроля». Они не добиваются справедливого урегулирования кипрской проблемы в рамках и на основании решений ООН, настаивают на сохранении ее в ведении США и НАТО, которые и сегодня являются могильщиками национальных интересов кипрского народа, не позволяют обнаружить материалы, проливающие свет на трагедию Кипра, облегчая тем самым реализацию империалистических планов агрессии и экспансии в районе Восточного Средиземноморья.

Все это не только означает продолжение прежней политики подчинения и атлантизма, которая стоила ограничения национальной независимости и полной ликвидации буржуазной демократии, но и чревато новыми опасностями и новыми угрозами свободе и будущему народа.

в) После свержения хунты правительства проводили и проводят авторитарную внутреннюю политику. Вместо того чтобы осуществить «дехунтизацию» и коренную демократизацию, которых требовал народ, правительства, сменявшие диктатуру, по существу, оставили в неприкосновенности доставшееся от хунты наследство в государственном аппарате (армия, служба безопасности, судебная иерархия, чиновничий аппарат). Вместо наказания виновников фашистской диктатуры, что явилось бы выполнением высокого морального долга перед родиной,

* В октябре 1980 года Греция вернулась в военную организацию НАТО.

примером на будущее для исключения повторения подобных действий, были освобождены от какой-либо ответственности 3 премьер-министра, 100 министров, заместителей министров и генеральных секретарей министерств при хунте и продолжали пользоваться всеми благами, полученными в период диктатуры. Дело ограничилось отдельными «показательными процессами, снисходительными приговорами некоторым главным виновникам» и, по существу, оправданием преступников в связи с последовавшими их «побегами».

Вместо проведения демократической политики, которая открыла бы путь для созидательного участия широких масс в общественной и политической жизни страны, были приняты авторитарная антидемократическая конституция и ряд антидемократических постановлений и законов, которые еще более расширяют права исполнительной власти в ущерб и так урезанным правам народа и элементарным общедемократическим и профсоюзным свободам. Вместо поддержания прогрессивных сил, являющихся решительной преградой беспорядкам, были взяты на вооружение все средства насилия и тирании (судебные преследования, нападения полиции с применением нагаек, слезоточивого газа), с тем чтобы подавить демократическое и рабочее движение.

Стараясь скрыть антинародный и антидемократический характер своей политики, представители монополий вновь оживили давно обанкротившийся антикоммунизм, представлявший собой идеологическую основу как до хунты, так и во время ее диктатуры, усилили антиконституционную дискриминацию против последовательных демократических сил, допускали и покрывали нападение на них полицейских сил или реакционных террористических банд.

Так же как и в прошлом, после политических изменений 1974 года рядом с основными консервативными политическими силами, сменившими у власти хунту, воссоздались и поддерживаются все организации реакционных террористических и неофашистских направлений, которые представляют собой ударный резерв плутократической олигархии. При терпимости и попустительстве правительства и по наущению иностранных секретных служб все более угрожающе стали поднимать голову черные силы неофашизма, которые сохранили старую опору в государственном аппарате. Одна за другой реорганизовались и появились на свет фашистские органи-

зации: «национал-социалистический союз Греции», «новый порядок», «4-е августа» и т. п., действующие главным образом как террористические группы и руководство которыми осуществляется известными неонацистами. Начали свою террористическую деятельность новые реакционные террористические группы типа «паук». Первые после диктатуры неонацизм проявил себя в высших учебных заведениях созданием «студенческого национального движения борцов» (ФЕАК). Стали более частыми и приобрели систематический характер террористические нападения на демократические партии и организации, газеты и учреждения культуры, активизировались контакты и сотрудничество местных и иностранных неонацистов.

Особую угрозу для демократии представляют различного рода будто бы подчиняющиеся закону политические партии фашистского направления, которые вначале появились законным путем, а затем перешли на своеобразное нелегальное положение. Эти партии — ХРИСКЕЛ, ХРИСКЕ, «национальная группировка» — не являются массовыми, руководствуются чисто фашистскими идеями и практикой, направляются известными сторонниками Гитлера и Муссолини.

В связи с возрождением неонацизма серьезную опасность приобретают усилия хунтовских элементов обеспечить себе при помощи официальных лиц место в рядах самой правительственной партии.

г) Развитие событий после хунты показало, что олигархия не только ничему не научилась и не вынесла никаких уроков из периода диктатуры (что отрицают некоторые иностранные исследователи³), но, попирая все правила и нормы, пытается добиться еще больших льгот и привилегий.

Опираясь на систему законов хунты, дополненную ее преемниками, и пользуясь безграничной поддержкой своих политических представителей, местные и иностранные монополистические круги противятся любому обычному демократическому послаблению, допущенному правительством. Чтобы добиться действий правительства в пользу монополий, против трудящихся, они обвиняют правительство в «увлечении социализмом».

Согласно официальному заявлению правительства, представители промышленников участвуют сегодня в более чем 60 комитетах и советах министерств, которые определяют экономическую политику страны, в то время

как ни один ответственный представитель трудящихся не представлен в этих советах. Благодаря промонополистической политике руководящих правительственных кругов только в течение 1975 года промышленникам были предоставлены долгосрочные кредиты на общую сумму 8,5 млрд. драхм. Одновременно из государственной казны и средств налогоплательщиков монополии получили дополнительные кредиты на сумму 116 млрд. драхм, а государство предоставлением льгот и освобождением от налогов потеряло еще 14 млрд. драхм⁴. Кроме щедрых льгот монополиями правительственные круги пытались и пытаются переложить на плечи трудящихся всю тяжесть последствий экономического кризиса, который переживает система государственно-монополистического капитализма; устанавливают заработную плату на уровне, не соответствующем росту «галопирующей» инфляции, ужесточают требования к рабочим и служащим, помогают работодателям беспрепятственно увольнять профсоюзных активистов, дают возможность крупным предпринимателям грабить крестьян, разорять мелких предпринимателей; вместо того чтобы принимать меры к развитию экономики, широко раскрывают двери Греции перед многонациональными монополиями, расширяют предоставляемые им льготы для грабежа национальных богатств страны.

Чтобы сохранить и укрепить обстановку безграничной эксплуатации и подавления, монополистические круги и их политические представители поддерживают, насколько это возможно, буржуазные парламентские формы правления в стране. Однако в периоды наибольших кризисов и для того чтобы, как писала консервативная газета⁵, быть уверенными, что нет угрозы существованию системы, они финансируют неофашизм как резервную ударную силу и различными способами создают обстановку неустойчивости и аномалии.

д) Продолжается и постоянно усиливается процесс разрушения законности, социально-политических и культурных устоев.

Институт самоуправления, составляющий зародыш народного суверенитета, правящим классом систематически подрывается и ослабляется. Система образования переживает все больший кризис в связи с полумерами, которые рассчитаны на лучшее обслуживание интересов монополий. Церковь продолжает раздираться противоборствующими группировками, которые не останавли-

ливаются ни перед чем в обвинениях и клевете друг на друга.

Нерешенные крупные проблемы коммуникаций, водоснабжения, здравоохранения, загрязнения окружающей среды усугубляются и приобретают угрожающие размеры.

Национальные патриотические традиции, такие как эпос национального Сопротивления, извращаются и продолжают подвергаться гонениям, в то время как выдвигаются в качестве принципов воспитания молодежи принципы национального предательства и рабской покорности и подчинения. На место народности и самобытности приходят извращенные формы американского образа жизни, а любые прогрессивные начинания в области культуры наталкиваются на серьезные преграды и отвергаются.

Все это имеет много общего с положением, существовавшим до хунты, и показывает, что опасность неофашистской вспышки в открытой или замаскированной форме полностью не исключена.

Но как и в других странах, переживающих подобные социально-политические кризисы, в Греции подобное развитие событий не является неизбежным.

Установление неофашистской диктатуры на какое-то, пусть даже незначительное, время затормозило демократическое развитие страны, но не могло лишить народ его стремления к демократии. Совсем наоборот. Еще большее распространение получило понимание ценности демократических принципов и институтов, обострилось стремление к демократии и повысилась готовность защищать даже буржуазную демократию, несмотря на всю ее ограниченность.

Неприятие тирании хунты и всенародное сопротивление, верность греческого народа принципам демократии, которая нашла свое выражение уже с момента падения хунты в борьбе за права профсоюзов и особенно ярко проявилась в ходе парламентских выборов в 1977 году, показавших общий сдвиг влево,— все это свидетельствует о том, что существуют возможности исключить повторение прихода к власти неофашизма.

Для превращения этой возможности в действительность необходимо:

а) осознание опасности самыми широкими народными массами;

б) единство демократических политических сил и на-

рода, недопущение, чтобы он стал жертвой проповедей забвения далекого и недавнего фашистского прошлого;

в) усиление борьбы за демократию в тесной увязке с непрекращающейся борьбой за национальную независимость и самостоятельность, за освобождение страны от пут монополий и империализма;

г) сплочение антифашистских, антиимпериалистических, антимонополистических сил и расширение борьбы трудящихся и других слоев населения, которые осуждают тоталитаризм, политику подчинения и фашизм и хотят видеть свою страну развивающейся по демократическому пути. Только благодаря повседневной борьбе этих сил за экономические и социальные требования, за обеспечение подлинной демократии для народа может стать реальностью единство в верхах демократических политических сил и будет поставлен твердый заслон попыткам новых фашистских вылазок.

Анализ обстановки до хунты, периода диктатуры и после ее устранения приводит к самому важному выводу и уроку. Пока существует капитализм — этот устаревший, готовый развалиться, неизлечимо больной организм, — будет существовать опасность раковых опухолей в этой социально-политической системе. Такое общество, как греческое, которое, несмотря на все попытки (правда, больше показательные, чем действительные) оправиться после испытания фашизмом, находится в глубоком, охватившем все сферы жизни кризисе, содержит аналогичную опасность новых рецидивов и потрясений. И лучшим, наиболее надежным способом для ликвидации подобных угроз является коренное изменение общественно-политической системы страны. Только решительное вмешательство сил прогресса и устройство общественно-политической жизни Греции на новых антимонополистических, антиимпериалистических, демократических основах могут дать твердую гарантию того, что не будет помех для естественного развития страны и широко откроется путь к демократическим преобразованиям и социализму, являющемуся мечтой и светочем надежды всего человечества.

Глава I

- ¹ Вима, 22.XII. 1972.
- ² Sunday Telegraph, 1970, Aug. 2.
- ³ Rousseas St. The Death of Democracy. N. Y., 1969.
- ⁴ Харавги, 18.X. 1970.
- ⁵ Элефтерос Козмос, 24.III. 1971.
- ⁶ Врадини, 23.IV. 1973.
- ⁷ Катрис Я. Рождение неофашизма (Греция 1960—1970). Женева, 1971, с. 356 (на греч. яз.).
- ⁸ Там же, с. 48.
- ⁹ Хондрокуис Д. Голгофа греческой демократии. Афины, с. 105—106 (на греч. яз.).
- ¹⁰ Marceau Marc. La Grèce des colonels, P., 1968.
- ¹¹ Параскевопулос П. Свидетельства 1963—1964. Как мы пришли к диктатуре. 1974 (на греч. яз.).
- ¹² Черчилль У. Вторая мировая война, т. 6. кн. I. Бостон, 1953, с. 108 (на рус. яз.).
- ¹³ Вима, 29.IV. 1970.
- ¹⁴ Вима, 1.IV. 1970.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См. ст. Кралиса, Агон, 1972, № 3 (на греч. яз.).
- ¹⁸ Вима, 30.V. 1976.
- ¹⁹ Канеллопулос П. Политиче-ские испытания, с. 132 (на греч. яз.).
- ²⁰ Вима, 17.VI. 1976.
- ²¹ Элефтерос Козмос, 16.X. 1968.
- ²² Вима, 5.IV. 1975.
- ²³ Эллиникос Тахидромос, 13.VII. 1967.
- ²⁴ Дьякояннис К. Почему я принял участие в заговоре хунты и ЦРУ против А. Папандреу и греческой демократии. Монреаль, 1968, с. 388 (на греч. яз.).
- ²⁵ Avanti, 11.V. 1971; Дьякояннис К. Указ. соч., с. 204.
- ²⁶ Врадини, 19.II. 1963.
- ²⁷ «Демократическая оборона» от теории к конституции, с. 15 (на греч. яз.).
- ²⁸ Вима, 8.XII. 1971.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Элефтерос Козмос, 8.VII. 1970.
- ³¹ Элефтерос Козмос, 12.VI. 1973.
- ³² Вима, 30.XII. 1972.
- ³³ Вима, 21.XII. 1972.
- ³⁴ Афинанки, 18.IX. 1962.
- ³⁵ Элефтерос Козмос, 21.XII. 1972.
- ³⁶ Цукалас К. Диктатура и социальная борьба (на греч. яз.).
- ³⁷ Politiken, 1.V. 1967.
- ³⁸ Ларсен О. Греция — ЦРУ — НАТО, с. 14—15 (на греч. яз.).

³⁹ Цит. по: L'Humanité, 11 пов., 1968.

⁴⁰ Вима, 11.III. 1971.

⁴¹ The New York Times, Jan. 13, 1973.

⁴² La vérité sur la Grèce. Lausanne, p. 77.

⁴³ Вима, 11.VII. 1973.

⁴⁴ Папаконстантину Т. Политическое воспитание. Афины. 1970, с. 609 (на греч. яз.).

⁴⁵ Daily Express, Jan. 7, 1969.

⁴⁶ Il Paese Sera, 1 Febbr., 1968.

⁴⁷ L'Usine Nouvelle, 14 fév., 1963, p. 53.

⁴⁸ L'Unita, 19 Marzo, 1971.

⁴⁹ Элефтерос Козмос, 29.III. 1973.

⁵⁰ Элефтерос Козмос, 20.III. 1973, 24.III. 1973.

⁵¹ Проблемы мира и социализма, 1967, № 6.

⁵² New York Post, Apr. 27, 1967.

⁵³ Неос Козмос, 1962, № 3, с. 31.

⁵⁴ Папандреу А. Демократия и национальное возрождение, 1966, с. 77 (на греч. яз.).

⁵⁵ Этнос, 5.VIII. 1965.

⁵⁶ Апоевматини, 1.X. 1975.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Вима, I.VII. 1976.

⁵⁹ Хондрокуикис Д. Голгофа греческой демократии, с. 177 (на греч. яз.).

⁶⁰ Иноземцев Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, с. 471.

⁶¹ Цит. по: Неос Козмос, 1962, № 3, с. 31.

⁶² Авги, 19.II. 1967.

⁶³ Le Monde, 20 juil., 1974.

⁶⁴ The New York Times, Aug. 3, 1974.

⁶⁵ Разоблачения Лоренса—Стерна.— Вима, 5.XII. 1977, 23.XII. 1977.

⁶⁶ Беседа Джев Эм с Лесли Файнер.— Катимерини, 16.II 1977.

⁶⁷ Катимерини, 18.II. 1977.

⁶⁸ Элефтеротипиа, 28.XII. 1977.

⁶⁹ Речи Е. Аверофа и А. Стефанопулоса в парламенте 19 декабря 1977 г. и новогоднее послание президента республики К. Пацоса 1 января 1978 г. (на греч. яз.).

Глава II

¹ Элефтерос Козмос, 16.V. 1970, 17.V. 1970; Георгалас Г. Ядерный мир. Афины, 1970, с. 284—285 (на греч. яз.).

² Rousseas St. The Death of Democrasu, p. 65.

³ Пуладжас Н. Фашизм и диктатура, с. 13 (на греч. яз.).

⁴ Филиас В. Политические тексты, с. 71 (на греч. яз.).

⁵ Коризис Х. Авторитарный режим (1967—1974), с. 55 (на греч. яз.).

⁶ Там же, с. 56—57.

⁷ Всегреческое освободительное движение — ПАК. Проект программы. Мюнхен. Август, 1972, с. 9 (на греч. яз.) (далее: Проект программы ПАК...).

⁸ ПАК. Стратегия и тактика нашей национально-освободительной борьбы. Стокгольм. Июль, 1972, с. 6 (на греч. яз.).

⁹ Неос Козмос, 1967, № 7, с. 6.

¹⁰ Комен, 1973, № 3, с. 35.

¹¹ Там же.

- ¹² Агон, 1972, № 3, с. 28—29.
- ¹³ Там же, с. 44.
- ¹⁴ Агон, 1971, № 2, с. 31.
- ¹⁵ Эпанастатис, № 71.
- ¹⁶ Манифест антифашистского движения Греции. 1969, с. 43 (на греч. яз.).
- ¹⁷ См. Димитров Г. Избранные произведения, т. I. М., 1957, с. 457—458.
- ¹⁸ См. Хондроукис Д. Революции и перевороты, с. 35 (на греч. яз.).
- ¹⁹ Le Monde diplomatique, 7 mai, 1969.
- ²⁰ Ibid.; The New York Times, Aug. 2, 1974.
- ²¹ См. Элефтерос Козмос, 13.IV. 1972.
- ²² Элефтерос Козмос, 10.XII. 1972.
- ²³ Элефтерос Козмос, 6.XII. 1972.
- ²⁴ Там же.

Глава III

- ¹ См. Мартин Д. Братство бизнесменов. М., 1957, с. 115.
- ² Там же.
- ³ Der Spiegel, 20 Sept., 1971.
- ⁴ Элефтерос Козмос, 3.VII. 1973.
- ⁵ Элефтерос Козмос, 31.V. 1973.
- ⁶ Нафтемборики, 21.I. 1971; Икономикос Тахидромос, 26.IV. 1973.
- ⁷ Вима, 3.II. 1968.
- ⁸ The New York Times, June 30, 1973.
- ⁹ Враднии, 8.IX. 1973.
- ¹⁰ Элефтерос Козмос, 25.VII. 1973.
- ¹¹ L'Express, 24 mai, 1972.

- ¹² Элефтерос Козмос, 2.XI. 1968.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Вима, 11.III. 1971.
- ¹⁵ Икономикос Тахидромос, 1.II. 1973.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Элефтерос Козмос, 31.V. 1973.
- ¹⁸ Элефтери Патрида, 13.I. 1973.
- ¹⁹ Вима, 8.XII. 1977.
- ²⁰ Икономикос Тахидромос, 15.XI. 1973.
- ²¹ Там же, 7.VI. 1973.
- ²² Там же, 14.IX. 1972.
- ²³ Элефтерос Нафтергатис, 1972—1973, № 30, 31, 37.
- ²⁴ Элефтерос Козмос, 31.V. 1973.
- ²⁵ Die Zeit, 12 Oct., 1973.
- ²⁶ Икономикос Тахидромос, 10.II. 1973.
- ²⁷ Элефтерос Нафтергатис. Лондон, 1973, № 36.
- ²⁸ Икономикос Тахидромос, 16.IV. 1970, с. 33.
- ²⁹ Икономики Пориа, 31.XII. 1970.
- ³⁰ Промышленный журнал, 1971, февраль, с. 12 (на греч. яз.).
- ³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 40.
- ³² Economist. — Foreign Report, Aug. 8, 1968.
- ³³ Gazette de Lausanne, 2—4 sept., 1970.
- ³⁴ L'Express, 1971, sept.
- ³⁵ Элефтерос Козмос, 5, 10.XI. 1968.
- ³⁶ Элефтерос Козмос, 2.XII. 1973.
- ³⁷ The Sunday Times, Aug. 2, 1970.

³⁸ См. Элефтерос Козмос. 21.I. 1971.

³⁹ The New York Times, Dec. 18, 1967.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ The Sunday Times, June 30, 1971.

⁴² Вима, 31.VII. 1971.

⁴³ См. Речь профессора Сиотиса на семинаре в Женеве 5—7 апреля 1972 г. Агон, 1972, № 3.

⁴⁴ Le Figaro, 17 août, 1972.

Глава IV

¹ Комеп, 1971, № 11—12, с. 3 и 5.

² Элефтерос Козмос, 21.I. 1971.

³ Там же.

⁴ Вима, 11.IX. 1973.

⁵ Икономикос Тахидромос, 23.III. 1972.

⁶ Икономикос Тахидромос, 1.V. 1972.

⁷ Вима, 5.IX. 1973.

⁸ Неос Козмос, 1974, № 3/4, с. 65.

⁹ Икономики Пориа, 1973, № 4, с. 124—125.

¹⁰ Икономикос Тахидромос, 11.IV. 1974.

¹¹ Там же.

¹² Икономикос Тахидромос, 9.V. 1974.

¹³ Неос Козмос, 1974, № 3/4, с. 106.

¹⁴ Ежемесячный статистический бюллетень, 1971, декабрь (на греч. яз.).

¹⁵ Элефтерос Козмос, 17. XII. 1972.

¹⁶ Observateur de l'OGDE, N 56, fév., 1972.

¹⁷ Мировая статистика, 1971, с. 88 (на греч. яз.).

¹⁸ Вима, 14.VI. 1972.

¹⁹ Вима, 5.VI. 1973.

²⁰ Вима, 13.V. 1973.

²¹ Неос Козмос, 1972, № 7/8, с. 86—87.

²² Вима, 6.II. 1973.

²³ Вима, 31.X. 1973.

²⁴ L'Observateur, fév., 1971.

²⁵ Та Неа, 15.III. 1972.

²⁶ Элефтерос Козмос, 21.I. 1968.

²⁷ Тахидромос, 21.V. 1975.

²⁸ Эстиа, 19.I. 1974.

²⁹ Акрополис, 24.VI. 1974.

³⁰ Вима, 25.X. 1972.

³¹ Харавги, 20.IX. 1972.

³² Эллиникос Тахидромос. Монреаль, 2.VIII. 1973.

³³ Икономикос Тахидромос, 9.IX. 1971.

³⁴ Там же.

³⁵ Эллиникос Тахидромос, 19.VII. 1973.

³⁶ Материалы XII пленума ЦК КППГ. Неос Козмос, 1968, № 2, с. 6.

Глава V

¹ Элефтерос Козмос, 16.II. 1970.

² Георгалас Г. Ядерный мир. Афины, 1970, с. 284—285.

³ См. выступление социолога Сиотиса на международном съезде социологов в Варне. — Харавги, 18.X. 1970.

⁴ Агон, 1972, № 3.

⁵ Комеп, 1972, № 7—8, с. 32—33.

⁶ Анти, 1975, № 17, с. 11.

⁷ Notle H. Der Faschismus in seiner Epoche. Fr./M., 1963, S. 28—31.

⁸ **Midsch A.** Parlament ohne Opposition. Bestandaufnahme. Wien, 1963, S. 3.

⁹ Deutsche Nachrichten (Hannover), 2. Dez. 1958.

¹⁰ Элефтерос Козмос, 15.III. 1972.

¹¹ Папаконстантину Т. Указ. соч., с. 177.

¹² Там же, с. 130—131.

¹³ Георгалас Г. Коммунизм: теория, практика, история, критика. Афины, 1969, с. 110 (на греч. яз.).

¹⁴ Элефтерос Козмос, 15.VII. 1973.

¹⁵ The Observer, Jan. 7, 1968.

¹⁶ Элефтерос Козмос, 2.XII. 1972.

¹⁷ Элефтерос Козмос, 15.VIII. 1972.

¹⁸ Георгалас Г. Кризис потребительского общества. Афины, 1969, с. 103 (на греч. яз.).

¹⁹ Там же, с. 103—110, 185, 197.

²⁰ Там же, с. 131, 145—146.

²¹ Там же, с. 166.

²² Элефтерос Козмос, 2.XII. 1972.

²³ Элефтерос Козмос, 11.XI. 1972.

²⁴ Элефтерос Козмос, 14.V. 1972.

²⁵ Георгалас Г. Ядерный мир, с. 277 (на греч. яз.).

²⁶ Там же, с. 275—276.

²⁷ Куцояннипулос Д. Вклад в систему греческой философии. Афины, 1968, с. 231—232 (на греч. яз.).

²⁸ Там же, с. 419.

²⁹ Элефтерос Козмос, 18.X. 1968.

³⁰ Папатеодору А. Достоинств

ва греческого народа с точки зрения воспитания и с учетом нашего времени. Афины, 1971, с. 23 (на греч. яз.).

³¹ Врионис К. Идеологические и мировоззренческие позиции революции и новой демократии. Афины, 1969, с. 9 (на греч. яз.).

³² Георгалас Г. Идеология революции. Афины, 1971, с. 50 (на греч. яз.).

³³ Элефтерос Козмос, 9.I. 1968. 22.VII. 1968.

³⁴ Элефтерос Козмос, 6.I. 1968.

³⁵ Pitter G. Die Dämonie der Macht. Stuttgart, 1947.

³⁶ Richt W. Wieder Bewaffnung. Pfuchieden, 1954, S. 34.

³⁷ Элефтерос Козмос, 31.I. 1971.

³⁸ Георгалас Г. Идеология революции, с. 23 (на греч. яз.).

³⁹ Элефтерос Козмос, 31.I. 1971.

⁴⁰ Grundsätze der Politik der NDP. Hannover, 1965, Teil IX.

⁴¹ Nation Europa, Nr. 6, S. 12.

⁴² Папаконстантину Т. Указ. соч., с. 427.

⁴³ Элефтерос Козмос, 18.IV. 1971.

⁴⁴ Зирас Н. Новое греческое политическое воспитание. 1970, с. 163 (на греч. яз.).

⁴⁵ 4-й Августу, 1969, янв., № 54.

⁴⁶ Антонопулос К. Эллинизм и демократия. Афины, с. 11, 336—337 (на греч. яз.).

⁴⁷ Bemerkungen zum Manifest und zu den Grundsätzen der NDP. Hamburg, 1966, § 35.

⁴⁸ Стергиопулос К. К эпитафии Перикла.— Элефтерос Козмос, 9.II. 1969.

⁴⁹ Георгалас Г. Коммунизм: теория, практика, история, критика, с. 68, 69.

⁵⁰ Там же, с. 74—77.

⁵¹ Куцояннопулос Д. Вклад в систему греческой философии, с. 231—232 (на греч. яз.).

⁵² Mohler D. Die konservative Revolution in Deutschland. Stuttgart, 1950, S. 149.

⁵³ Deutsche Nachrichten, 26. Dez. 1969, S. 3.

⁵⁴ Вима, 1.IV. 1971.

⁵⁵ Элефтерос Козмос, 21.XI. 1972.

⁵⁶ Папаконстантину Т. Политическое воспитание, с. 122.

⁵⁷ Цаос К. Греческий путь. Афины, с. 139—140 (на греч. яз.).

⁵⁸ Георгалас Г. Кризис потребительского общества, с. 33, 37 (на греч. языке).

⁵⁹ Элефтерос Козмос, 24.IX. 1972.

⁶⁰ Георгалас Г. Кризис потребительского общества, с. 42, 43.

⁶¹ Папаконстантину Т. Указ. соч., с. 115.

⁶² Элефтерос Козмос, 2.III. 1969.

⁶³ Цит. по: Лопухов М. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, с. 121.

⁶⁴ Kroll M. Gesellschaft und Staat, 1961, S. 429.

⁶⁵ Элефтерос Козмос, 7.VI. 1970.

⁶⁶ Георгалас Г. Кризис потребительского общества, с. 51.

⁶⁷ Элефтерос Козмос, 15.IV. 1971.

⁶⁸ Папаконстантину Т. Указ. соч., с. 437.

Глава VI

¹ Элефтерос Козмос, 22.XI. 1968.

² Элефтери Эллада, 1.II. 1974.

³ Николинакос М. Сопротивление и оппозиция. Афины, 1975, с. 333, 336 (на греч. яз.).

⁴ Тахидромос, № 38, 2.X. 1975, с. 17.

⁵ Николинакос М. Указ. соч., с. 23.

⁶ Неос Козмос, 1974, № 3/4.

⁷ См. Комен, 1972, № 7—8.

⁸ Проект программы ПАК., с. 3.

⁹ The New York Times, Febr. 5, 1968.

¹⁰ Вима, 1.XI. 1973.

¹¹ Там же.

¹² Врадини, 23.IV. 1973.

¹³ Проект программы ПАК., с. 8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Комен, 1971, № 11—12, с. 20.

¹⁶ Комен, 1973, № 2, с. 10—11.

¹⁷ Комен, 1972, № 7—8, с. 42.

¹⁸ Манифест движения Сопротивления Греции, 1973, с. 44 (на греч. яз.).

¹⁹ Washington Post, May 27, 1974.

Глава VII

¹ Катимерини, 21.VI. 1975.

² The Wall Street Journal, Jan. 5, 1976.

³ Ларсен О. Указ. соч., с. 5 (на греч. яз.).

⁴ Тахидромос, 11.III. 1976.

⁵ Катимерини, 18.XII. 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ	20
ВВЕДЕНИЕ	23
ГЛАВА I	
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОРНИ ПЕРЕВОРОТА И ДИКТАТУРЫ	
1. Критический обзор различных точек зрения	25
2. Внутренние экономические и социальные причины диктатуры	30
3. Роль внешних экономических и политических сил	59
ГЛАВА II	
ХАРАКТЕР РЕЖИМА ХУНТЫ	
1. Диаметральные противоположные оценки	78
2. Фашизм и неофашизм	82
3. Главные факторы, определяющие фашистский характер режима	97
ГЛАВА III	
СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ДИКТАТУРЫ	
1. Монополистический капитал — главная движущая сила диктатуры	110
2. Отношение различных классов и социальных групп к режиму	128
3. Реакционная военщина — одна из главных опор хунты	134
ГЛАВА IV	
АНТИНАРОДНАЯ И АНТИНАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХУНТЫ	
1. Безжалостный палач демократии	144
2. Миф об «экономическом чуде» и суровая действительность	155
3. Чемпионы безнравственности и стяжательства	165
4. Внешняя политика — политика войны и национального предательства	168

ГЛАВА V

ИДЕОЛОГИЯ ДИКТАТУРЫ

1. Источники идеологии хунты	177
2. Основные черты идеологии хунты	181
Безудержный антикоммунизм	181
Национализм и расизм	188
Извращение смысла понятий «свобода», «демократия», «государство»	194
Фальсификация истории	203

ГЛАВА VI

БОРЬБА ПРОТИВ ДИКТАТУРЫ

1. Народ, молодежь в борьбе с неофашизмом	207
2. Характер и содержание антидиктаторской борьбы	221

ГЛАВА VII

УРОКИ И ВЫВОДЫ

235

ПРИМЕЧАНИЯ

247

**СТАВРОС
ЗОРБАЛАС**

НЕОФАШИЗМ В ГРЕЦИИ

**(1967—1974)
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ И ВЫВОДЫ**

**Редактор
Г. М. КРЫЛОВА**

**Оформление художника
В. В. СУРКОВА**

**Технический редактор
О. В. КУДРЯВЦЕВА**

**Корректор
Н. А. БОРИСОВА**

ИБ № 504

Сдано в набор 20.04.81. Подписано в печать 09.09.81. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-оттиски 13,77. Уч.-изд. л. 14,29. Тираж 30 000 экз. Зак. № 279. Цена 50 к. Изд. № 146-И/79.

Издательство «Международные отношения»
107053, Москва, Б-53, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Зорбалас С.

З—86 Неофашизм в Греции (1967—1974). Социально-политический анализ и выводы: Пер. с греч.— М.: Междунар. отношения, 1981.—256 с.

Книга в острополемиической форме рассказывает об истоках возникновения и деятельности фашистской хунты, о последствиях, к которым привело существование на древней земле Эллады режима «черных полковников». Особое внимание уделено борьбе Коммунистической партии Греции и других прогрессивных сил против военной диктатуры, широкому международному движению солидарности с борьбой греческих патриотов, приведшей к полному банкротству неофашистского режима в Греции.

Адресуется широкому кругу читателей.

З 11105—061 28—81 0804000000
003(01)—81

ББК 66.2(08)

50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ"

СТАВРОС
ЗОРБАЛАС

НЕОФАШИЗМ В ГРЕЦИИ